ISSN 2618-9453

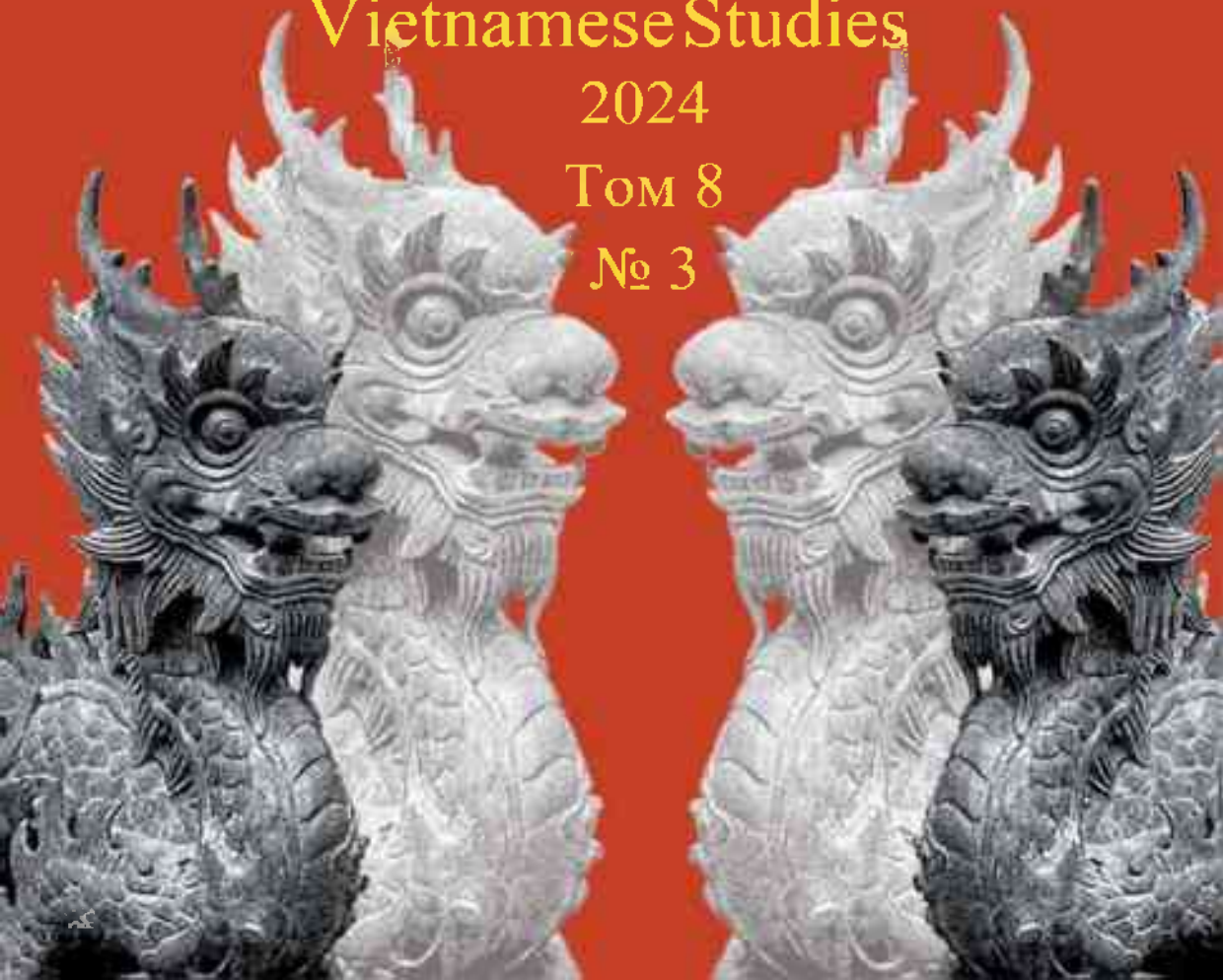
ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

The Russian Journal of Vietnamese Studies

2024

Том 8

№ 3



Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
(ИКСА РАН)
www.iccaras.ru

Электронный научный журнал «Вьетнамские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2018 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы вьетнамоведческих исследований: политику, экономику, общество, историю, культуру, филологию и другие. Все статьи рецензируются.

Учредитель: ИКСА РАН. URL: https://www.iccaras.ru

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77-73494.
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
Входит в Web of Science — Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Главный редактор: Мазырин В.М., д.э.н., профессор МГУ.

Редакционная коллегия: Аносова Л.А., д.э.н.; Григорьева Н.В., к.и.н.; Канаев Е.А., д.и.н.; Колотов В.Н., д.и.н.; Малетин Н.П., д.и.н.; Рязанцев С.В., чл.- корр. РАН, д.э.н.; Соколовский А.Я., к.филол.н.; Федорин А.Л., д.и.н.; Цветов П.Ю., к.и.н.

Редакционный совет: Бабаев К.В., д.филол.н., председатель; Деопик Д.В., д.и.н., профессор; Маслов А.А., д.и.н., профессор; Михоко Като, профессор (Япония); Ву Тхюи Чанг, профессор (Вьетнам); Мосяков Д.В., д.и.н., профессор; Петрасяк Малгожата, профессор (Польша); Сумский В.В., д.и.н.; Тэйер Карлайл, профессор (США); Фьорд Адам, профессор (Австралия); Бенуа де Треглоде, профессор (Франция); Стори Ян, главный редактор журнала “Contemporary South East Asia” (Сингапур).

Редакция: Никулина Е.В. (зав. редакцией), Мальцева О.И., Ларин В.П., Британкова А.Э.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИКСА РАН.
E-mail: vietnamjournal@yandex.ru
Тел.: (499) 124 08 33.

Научные специальности:

- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.5.4. Международные отношения
- 5.6.3. Археология
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.3. Виды искусства
- 5.11.3. Практическая теология

Информация для авторов: https://vietnamjournal.ru/2618-9453/about/submissions

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

ISSN 2618-9453 электронная версия
DOI: 10.54631/VS.2024.83-117

© Коллектив авторов
© ИКСА РАН

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Внешняя политика и внутриполитические процессы

Ле Хоанг Киет, Чан Суан Хиеп, Чан Дык Тханг. Отношения АСЕАН и ЕС в первые десятилетия XXI в. и их влияние на Вьетнам 6

Ты Тхи Тхоа. Демократия как цель и движущая сила развития (на примере Вьетнама) 19

Социально-экономическое развитие

Данг Тхи Фыонг Хоа. Поправки к трудовому законодательству Вьетнама после двух лет реализации европейско-вьетнамского соглашения о свободной торговле 34

История и религия

Федорин А.Л. Реформы правителя Дайвьета Чинь Кыонга и их негативные последствия 45

Ле Тхи Лиен. Трансформация верований и религиозных практик среди верующих в современном Вьетнаме 57

Филология

Бритов И.В. Анализ грамматических трансформаций (на примере перевода с вьетнамского языка на русский) 70

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бурова Е. С. Учёные России и стран ЮВА о настоящем и будущем Меконга 82

Сюннерберг М. А. Новый формат изучения Вьетнама в МГУ 91

Воспоминания

Бобров В. В. Начало работ по тропикостойкости в Российско-Вьетнамском Тропическом центре 97

О защите диссертаций 107

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Совместное заявление об укреплении всеобъемлющего стратегического партнёрства между СРВ и Республикой Индия 111

Комментарий эксперта

Уянаев С.В. Вьетнам—Индия: дорогой стратегического партнерства 117

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Ульянов М. Ю., Курохтина Е. В. Уникальный труд о средневековой истории Вьетнама 125

CONTENTS

SCIENTIFIC RESEARCH

Foreign policy and inward political processes

Le Hoang Kiet, Tran Xuan Hiep, Tran Duc Thang. ASEAN-EU Relations in the First Two Decades of the 21st Century and Some Impacts on Vietnam 6

Tu Thi Thoa. Democracy as a Goal and a Driving Force for Development: The Case Study of Vietnam 19

Socio-economic development

Dang Thi Phuong Hoa. Amendments to Vietnam Labor Law after Two Years of Implementing European-Vietnam Free Trade Agreement 34

History and religion

Fedorin A.L. The Reforms of the Ruler of Dai Viet Trinh Cuong and Their Negative Consequences 45

Le Thi Lien. Transformation in Beliefs and Religious Practices among Religious Followers in Present-Day Vietnam 57

Philology

Britov I.V. Analysis of Grammatical Transformations (Using the Example of Translation from Vietnamese into Russian) 70

SCIENTIFIC EVENTS

Burova E.S. Scholars from Russia and Southeast Asia Countries on the Present and Future of Mekong River 82

Syunnerberg M. A. A New Format for Studying Vietnam at MSU 91

Memoirs

Bobrov V.V. Beginning of Works on Tropical Resistance in the Vietnam-Russia Tropical Center 97

Dissertations Defense 107

OFFICIAL DOCUMENTS

Joint statement on strengthening of the comprehensive strategic partnership between the SRV and the Republic of India 111

Expert's Commentary

Uyanaev S.V. Vietnam—India: Along the Road of Strategic Partnership 117

BOOKSHELF

Ulyanov M.Yu., Kurokhtina E.V. Extraordinary Title on Vietnam's Medieval History 125

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.54631/VS.2024.83-634035

Le Hoang Kiet, Tran Xuan Hiep, Tran Duc Thang

ASEAN-EU Relations in the First Two Decades of the 21st Century and Some Impacts on Vietnam

Abstract. In the first two decades of the 21st century, the Indo-Pacific region has emerged as the epicenter of power competition in the global geopolitical landscape, influencing adjustments in national security strategies of regional and global powers. Amidst the complex fluctuations of the modern world political situation, the EU is actively intensifying strategic competition in the Indo-Pacific region for the benefit of its alliance. Among these efforts, ASEAN stands as one of the most crucial leading partners in the policies and strategies that the EU has been implementing in this region. The research findings are significant in elucidating the influencing factors and providing assessing ASEAN-EU relations in the first two decades of the 21st century and the impact of this relationship on Vietnam.

Keywords: Vietnam, EU, ASEAN, Indo-Pacific, international relations.

Authors: Le Hoang Kiet, Ph.D. Student (International Relations), Mekong Delta Development Research Institute, Can Tho University, Vietnam.
ORCID: 0009-0002-9968-1952. E-mail: kietnckh1999@gmail.com
Tran Xuan Hiep, Assoc. Prof. (Political Studies), Dong A University, Danang City, Vietnam. ORCID: 0000-0002-5236-993X. E-mail: hieptx@donga.edu.vn
Tran Duc Thang, M.S. (Political Studies), Can Tho University of Medicine and Pharmacy, Vietnam. ORCID: 0009-0003-5966-272X. E-mail: tdthang0599@gmail.com

For citation: Le Hoang Kiet, Tran Xuan Hiep, Tran Duc Thang (2024). ASEAN-EU Relations in the First Two Decades of the 21st Century and Some Impacts on Vietnam. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (3): 6—18.

Ле Хоанг Киет, Чан Суан Хиеп, Чан Дык Тханг

Отношения АСЕАН и ЕС в первые десятилетия XXI в. и их влияние на Вьетнам

Аннотация. В первые два десятилетия XXI в. Индо-Тихоокеанский регион стал эпицентром конкуренции сил в глобальном геополитическом ландшафте, влияя на корректировки стратегий национальной безопасности региональных и мировых держав. Среди сложных колебаний современной мировой политической ситуации ЕС активно усиливает стратегическую конкуренцию в Индо-Тихоокеанском регионе в интересах своего альянса. Поддерживая эти усилия, АСЕАН выступает в качестве одного из важнейших партнеров по реализации его политики и стратегий в этом регионе. Целью данного исследования является оценка отношений АСЕАН—ЕС в первые десятилетия XXI в. и влияния этих отношений на Вьетнам.

Ключевые слова: Вьетнам, ЕС, АСЕАН, Индо-Тихоокеанский регион, международные отношения.

Авторы: Ле Хоанг Киет, аспирант, Институт исследований дельты Меконга, Университет Кантхо. Вьетнам. ORCID: 0009-0002-9968-1952.
E-mail: kietnckh1999@gmail.com
Чан Суан Хиеп, доцент, Университет Донг А, Дананг, Вьетнам. ORCID: 0000-0002-5236-993X. E-mail: hieptx@donga.edu.vn
Чан Дык Тханг, магистр политологии, Кантхо университет медицины и фармакологии, Вьетнам. ORCID: 0009-0003-5966-272X.
E-mail: tdthang0599@gmail.com

Для цитирования: *Ле Хоанг Киет, Чан Суан Хиеп, Чан Дык Тханг.* Отношения АСЕАН и ЕС в первые десятилетия XXI в. и их влияние на Вьетнам // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 3. С. 6—18.

Introduction

The 21st century, predicted to be the "Asia-Pacific era", emphasizing the rise of China and the United States' pivot strategy towards this region, has directly impacted the foreign security policies of regional and global powers [Lê Hoàng Kiệt, Nguyễn Văn Tuyên 2023]. In the first two decades of the 21st century, the Indo-Pacific region, particularly Southeast Asia, has become one of the world's most economically dynamic regions, occupying a crucial position in the regional political and security structure [Bùi Hồng Hạnh 2020]. Consequently, the robust emergence of Southeast Asian nations post-colonialism has directly influenced the foreign policies of major powers towards this region. Among these, the EU stands as one of the foremost important partners that has comprehensively adjusted its foreign policy towards ASEAN.

In the history of international diplomacy, "ASEAN and the EU have established a longstanding relationship, particularly during the era of colonialism and imperialist expansion across the globe" [Moeller 2007]. To date, bilateral cooperation between ASEAN and the EU continues to be maintained and gradually elevated to higher partnership levels. Since 2003, the EU has issued a specific development strategy for ASEAN, also known as the "New Partnership with Southeast Asia" policy [Dang Minh

Duc 2020]. This is considered a move by the EU to clearly affirm ASEAN's increasingly important role in its development strategy for the 21st century. Conversely, ASEAN highly values the EU as a leading important partner and desires to further enhance bilateral cooperation across multiple domains to promote a deeper and more comprehensive ASEAN-EU strategic partnership. With the robust cooperation between ASEAN and the EU across various aspects, as a key member of ASEAN, Vietnam's role in this relationship warrants close examination.

Gilson's [2020] study on ASEAN-EU relations in the 2020s provides a valuable framework for understanding the broader regional context, highlighting the pragmatic inter-regionalism that characterizes these interactions. However, it lacks specific focus on Vietnam's role within this dynamic. Huong's [2016] research offers more targeted analysis, examining the potential impacts of the EU-Vietnam Free Trade Agreement (EVFTA) on Vietnam's pharmaceutical imports. While providing valuable sector-specific insights, its narrow focus limits broader applicability to the overall trade relationship. Shifting focus to security cooperation, Ha's [2018] work on non-traditional security approaches and ASEAN-EU counter-terrorism cooperation highlights an important aspect of the relationship, though it could benefit from a more explicit examination of Vietnam's role. Ha and Phuong [2021] forward-looking study on the main trends in Vietnam-EU relations leading up to 2030 offers a comprehensive overview of the bilateral relationship, yet requires more robust data to support its predictions. These studies collectively provide a multi-dimensional view of EU-Vietnam relations, covering trade, security, and developmental trends. However, several research gaps emerge, including the need for updated studies on the impact of the EVFTA since its implementation, deeper analysis of Vietnam's role in the EU's Southeast Asia strategy, and examinations of how global trends such as US-China competition impact this bilateral relationship.

Against this backdrop, this paper aims to analyze ASEAN-EU relations in the first two decades of the 21st century, with a particular focus on their impact on Vietnam. By examining the achievements and challenges in political-security, economic, and educational cooperation between ASEAN and the EU, this study seek to provide a comprehensive understanding of how these broader regional dynamics influence Vietnam's position and development. Therefore, this study will contribute to filling some of the identified research gaps by offering updated insights into Vietnam's role within the ASEAN-EU framework and examining the implications of recent global and regional developments on this important relationship.

ASEAN-EU cooperation relations in the first two decades of the 21st century

Achievements

First, in politics and security: To promote relations with ASEAN, "the EU has emphasized the importance of the region, considering ASEAN and the ARF as the focal points of political and security dialogue in Southeast Asia since its new strategy adjustment" [Gilson 2020]. In September 2003, the EU adopted the document "A New

Partnership with Southeast Asia" to revitalize bilateral cooperation, identify mutually acceptable key objectives, and develop policies and measures to ensure the continuous development of the relationship [Dang Minh Duc 2020]. This new partnership document set out six strategic priorities to promote EU-ASEAN relations, including: Supporting regional stability and counter-terrorism; Mainstreaming human rights, democracy, and good governance into all aspects of dialogue and cooperation; Focusing on justice and home affairs issues; Injecting new vigor into trade and investment relations; Continuing to support the development of less prosperous countries; Promoting dialogue and cooperation in specific areas [Trần Xuân Hiệp 2021: 381].

After the 9/11 event, ASEAN-EU political and security relations have made significant progress and become closer. Both sides share views on building a new multipolar world order and opposing unilateralism. To make political-security dialogue with Southeast Asia effective, the EU decided:

"Our dialogue with ASEAN and its member countries should help identify areas where ASEAN and the EU can work together on global security issues and global security challenges such as drugs and transnational crime" [Ibid. 383].

In the fight against terrorism, ASEAN and the EU adopted the "Joint Declaration on Combating Terrorism" on January 27, 2003, at the 14th ASEAN-EU Ministerial Meeting. This declaration was significant as it acknowledged a positive change in ASEAN's perception of a new form of non-traditional security in the region, while providing a legal basis for EU cooperation programs, projects, and foreign strategies on global freedom, security, and justice [Nguyễn Thi Thu Hà 2018: 80].

One of the successes in political-security cooperation between ASEAN and the EU was the successful organization of the 23rd ASEAN-EU Foreign Ministers' Meeting [Thu Phương 2020]. Priority areas in cooperation between the two sides still focus on counter-terrorism, transnational crime, cybersecurity, and maritime security. Regarding the East Sea situation, ASEAN and the EU both emphasized the importance of practical measures that can reduce tensions, risks of accidents, misunderstandings, and miscalculations. Both sides stressed the importance of implementing confidence-building and preventive measures to enhance trust and confidence among parties, as well as continuing to maintain peace, stability, security, safety, freedom of navigation and overflight. They also emphasized non-militarization, restraint from actions that complicate the situation or increase tensions, and peaceful resolution of disputes in accordance with international law.

Furthermore, both sides also emphasized the importance of full and effective implementation of the 2002 Declaration on the Conduct of Parties in the East Sea (DOC); maintaining and promoting a favorable environment for negotiating an effective and substantive Code of Conduct in the East Sea (COC) in accordance with international law. In the face of the outbreak and complex developments of the COVID-19 pandemic, both sides agreed to closely coordinate, support capacity building, and respond to the COVID-19 pandemic. Since the outbreak of the pandemic, the EU and ASEAN convened the ASEAN-EU Ministerial Video Conference on COVID-19 in March 2020. Both sides agreed to strengthen information sharing, experience, and policy coordination, especially in diagnosis, prevention of spread, and treatment of infected cases, as well as research and development of treatments and

vaccines. At the same time, the EU announced a support package of 800 million euros (920 million US dollars) for ASEAN to prevent and mitigate the impact of the COVID-19 pandemic [Hương Giang, Đức Hùng 2021]. As a result, ASEAN-EU political-security cooperation has achieved positive results throughout the first two decades of the 21st century.

Second, in economy and trade: The EU is ASEAN's third-largest export market and trading partner, with bilateral trade in 2022 reaching 295.2 billion dollars, an increase of 9.6 % compared to 2021, while FDI from the EU also reached 24 billion dollars, making the EU the third-largest source of FDI for ASEAN [WTO 2023]. To further strengthen current bilateral relations, both sides have accelerated the implementation of cooperation activities through the new EU-ASEAN Green Initiative worth 32.67 million dollars and the EU-ASEAN Sustainable Connectivity Package worth 65.35 million dollars, contributing to consolidating the ASEAN-EU strategic partnership and implementing the EU's "Global Gateway" strategy in Southeast Asia [Ibid.].

At the beginning of the 21st century, to further promote economic cooperation, the EU introduced many policies, even adjusting them at different times, such as the Trans-Regional EU-ASEAN Trade Initiative (TREATI). The purpose of TREATI was to create the necessary unity for ASEAN and the EU in the goal of developing foreign trade policy, paving the way for both sides to liberalize and implement non-protective mechanisms. To implement this policy, both sides established a Vision Group as agreed between ASEAN Economic Ministers and the EU Trade Commissioner in May 2005 to study the feasibility of negotiating and establishing an ASEAN-EU Free Trade Area to further enhance economic cooperation and integration between the two sides. Based on the Vision Group's report and recommendations, in May 2007, ASEAN Economic Ministers and the EU Trade Commissioner decided to launch negotiations on a Free Trade Area between the EU and ASEAN. Moreover, both ASEAN and the EU, although at different levels of integration, aim to build unified regional economic spaces on a large scale, which are drivers for trade and investment development.

Based on this Initiative, ASEAN and EU countries continued to develop the ASEAN-EU Trade and Investment Work Program. This will be the foundation for both sides to continue promoting a more trusting and sustainable relationship. The program includes the following main activities: (i) Annual meetings between ASEAN Economic Ministers and the EU Trade Commissioner, (ii) ASEAN-EU Business Summit, (iii) High-level and technical-level dialogues on issues of mutual interest, and (iv) Other existing economic cooperation programs [Yoshimatsu 2023].

In addition, ASEAN and the EU also organized the first ASEAN-EU Business Summit on May 5, 2011. This was the first activity successfully organized within the framework of the ASEAN-EU Trade and Investment Work Program. The summit aimed to expand business networks, enhance understanding of investment and trade opportunities between ASEAN and the EU; identify opportunities and challenges in market penetration as well as facilitate investment and trade relations between the two sides. Besides maintaining good ASEAN-EU relations on trade and investment, the EU is also the second-largest ODA provider to ASEAN after Japan. ASEAN has also requested the EU to support ASEAN in implementing programs to promote ASEAN's

trade and investment potential in EU countries. Therefore, the EU is committed to strengthening support for ASEAN in building the ASEAN Economic Community, sharing experiences, and actively supporting ASEAN's efforts in enhancing regional integration and connectivity. Additionally, the EU has established a special cooperation mechanism with ASEAN in regional connectivity, supporting ASEAN's connectivity efforts through the Master Plan on ASEAN Connectivity. Southeast Asian companies are increasingly penetrating the European market based on the rapidly developing trade and investment relationship between the two regions in recent years [Gilson 2020]. Currently, as of November 2023, both sides are coordinating to implement the ASEAN-EU Strategic Partnership Action Plan for the period 2023—2027. Through this, ASEAN-EU economic cooperation has achieved positive results throughout the first two decades of the 21st century.

Third, education and training: Since its establishment, ASEAN has focused on strengthening cultural exchange activities and enhancing understanding of cultures within ASEAN and beyond the region. Today, as ASEAN is building its Socio-Cultural Community, ASEAN needs to further enhance cultural exchange activities with the international community, including the EU. Accordingly, both ASEAN and the EU are committed to promoting cultural exchanges and people-to-people interactions, education and training, and human resource development. To enhance mutual understanding between the two regions, the EU and ASEAN established the ASEAN-EU University Network Programme (AUNP). The objective of the program is to strengthen cooperation between higher education institutions in the two regions, promote regional integration in ASEAN countries, and enhance common awareness of European and Asian cultural perspectives. The program was launched in January 2000 and was valued at nearly 7.8 million euros over 5 years [ASEAN-EU University Network Programme 2010].

In August 2017, the ASEAN-EU Action Plan replaced the Bandar Seri Begawan Plan of Action to Strengthen the ASEAN-EU Enhanced Partnership (2013—2017). According to the Action Plan, cooperation in education, academia, and cultural exchanges includes the following:

a) Maximizing cooperation in student exchanges between ASEAN and the EU through EU education, training, youth, and sports programs, as well as national programs in EU member states and ASEAN member states.

b) Enhancing cooperation between international educational organizations in ASEAN and EU member states to improve the quality of education in areas consistent with the ASEAN Work Plan on Education 2016—2020.

c) Promoting deeper understanding and awareness of cultures between ASEAN and the EU, as well as sharing experiences and expertise on public policy in the cultural field and facilitating interaction between EU member states and the ASEAN University Network [Cultural Relations Platform 2018].

Additionally, the EU also supports scholarships for Southeast Asian students through the Support to Higher Education in the ASEAN Region (SHARE) program. Officially launched in 2015, SHARE is the flagship project of the ASEAN higher education sector aimed at promoting regional harmonization and introducing ASEAN scholarships inspired by the Erasmus scholarships in Europe, thereby creating an

ASEAN higher education space that supports a people-centered ASEAN Community. Accordingly, SHARE supports ASEAN's ambition to build an integrated ASEAN higher education area. Specifically, in 2016 alone, the number of scholarships awarded was 500. This number is expected to increase by at least another 300 by the end of 2022 [British Council in Vietnam 2017].

This is evidence of the EU's long-term commitment to ASEAN higher education as well as the initial positive results of SHARE. Overall, SHARE is a meaningful support program from the EU for ASEAN students and universities. The objectives and initial results of SHARE all demonstrate a strong commitment to building a more integrated and equitable ASEAN higher education space. This is certainly an important impetus for the further development of regional educational integration and the promotion of the strategic partnership between ASEAN and EU.

Some challenges

Alongside the recent achievements in the strategic partnership between ASEAN and the EU, there remain challenges and issues in the relationship between the two regions that need attention:

First, the "unity" of each bloc in implementing strategic partnerships with other partners. Both ASEAN and the EU need consistency between ASEAN's relations with the EU, ASEAN's relations with individual EU member states, and vice versa [Trần Xuân Hiệp 2021: 265]. In reality, some member states of each bloc have foreign strategies with specific security and trade priorities, as well as their own diplomatic approaches.

Second, the reconciliation of bilateral engagement and multilateral cooperation in the context of China's increasing assertiveness and the US's re-engagement with allies, pivoting to Asia [Dang Minh Duc 2020]. Clearly, the intertwining of interests, the rise of nationalism, strategic calculations, and increasingly fierce competition between major powers, along with the attraction and gathering of forces in the region and internationally, pose growing challenges for both sides.

Third, difficulties in finding common ground on norms and value concepts, issues of democracy, human rights, cultural differences, differences in positions on regional and inter-regional issues, as well as different interests among member states of each bloc [Nguyễn An Hà, Vũ Mai Phương 2021]. Creating space for implementing the strategic partnership will be an existing challenge.

Fourth, ASEAN countries also face the risk of being pulled by forces outside the region, challenging ASEAN's central position [Yoshimatsu 2023]. Through relationships with the entire ASEAN bloc and its member states, major powers desire to pull ASEAN to support their views and positions on international and regional issues. Although ASEAN's central role is declared, recognized and supported by major powers, ASEAN is at risk of becoming a forum for major powers to take advantage of, serving the goal of gathering forces, thereby diminishing ASEAN's central role. This puts ASEAN in a "dilemma" in relations with the two superpowers, while also leading to potential disagreements and divisions within ASEAN member states, affecting ASEAN's unity and solidarity.

Vietnam's contribution to ASEAN-EU relations

With the signing of the EU-Vietnam Free Trade Agreement (EVFTA), a new generation FTA between Vietnam and 28 EU member states, Vietnam has made positive contributions to the relationship between the two blocs, while demonstrating its role and position within ASEAN. As a core member of ASEAN, Vietnam has been and is actively and responsibly contributing to realizing the ASEAN-EU strategic partnership, aiming for peace, stability, security, and prosperity in each region and globally. These contributions include:

First, Vietnam contributes to the content of annual conferences and ASEAN-EU Summits with assessments and observations on global and regional situations, analyzing opportunities and urgent challenges that countries need to focus on solving, proposing initiatives, and jointly seeking solutions to common difficulties and challenges, building trust to create a solid foundation for the future. At these conferences, Vietnam always sends a strong message as a reliable partner and an active, responsible member of the international community, ready to join hands with other countries to discuss and find solutions to urgent, global challenges, contributing to peace, stability, and development in the region and the world [Trần Xuân Hiệp 2021: 311]. This also reflects the Party's foreign policy, continuing to promote and enhance the effectiveness of foreign affairs and international integration, promoting and elevating multilateral diplomacy.

Second, in the context of global and regional crises, divisions, and many fluctuations, within the framework of the ASEAN-EU strategic partnership, Vietnam always consistently demonstrates its peaceful foreign policy. The history of the Vietnamese nation also clearly shows our national tradition of "using great righteousness to defeat brutality, using humanity to replace violence". Peace has always been Vietnam's top priority method. Along with ASEAN countries, Vietnam strives to strengthen the bloc's central role in maintaining peace, security, and prosperity in Southeast Asia as well as the Asia-Pacific. Vietnam actively participates and promotes its role in multilateral mechanisms, especially ASEAN, the United Nations, regional cooperation mechanisms, inter-regional and Mekong sub-regional mechanisms, in accordance with specific requirements, capabilities, and conditions..., thereby projecting the image of a responsible Vietnam that upholds international law, strives to build consensus, and seeks satisfactory solutions to disputes and conflicts.

Third, together with ASEAN and EU countries, Vietnam has actively contributed to the international community's efforts to respond to global challenges and contribute to humanitarian activities. In 2021, Vietnam contributed 1 million USD to the COVAX Program, demonstrating international solidarity and Vietnam's responsibility in efforts to prevent and control the Covid-19 pandemic. Prime Minister Pham Minh Chinh announced humanitarian support of 500,000 USD for Ukraine through international organizations [Thanh Hà 2022]. Regarding the resolution of disputes in the East Sea, Vietnam always shares with ASEAN and EU countries the interests and responsibility of maintaining peace, stability, security, and safety of navigation in the East Sea, a vital shipping route of the world. Vietnam emphasizes the importance of building trust and mutual confidence, restraint, not conducting activities that further complicate the situation, increase disputes or harm the marine environment, peacefully resolving

disputes in accordance with international law, including UNCLOS 1982. ASEAN is actively coordinating to soon complete an effective and efficient COC Code of Conduct that is consistent with international law and UNCLOS 1982.

With the desire to build a peaceful and stable environment in Asia-Pacific and the world together with ASEAN and EU countries, within the framework of the ASEAN-EU strategic partnership, Vietnam implements an independent, self-reliant foreign policy, diversifying and multilateralizing relations, proactively and actively integrating internationally, promoting multilateralism. Vietnam continues to be a friend and reliable partner with countries around the world, an active and responsible member of the international community. Vietnam has also made very high commitments at the COP26 Conference to share responsibility towards green and sustainable development. In the context of the world facing food security challenges due to climate change, the Russia-Ukraine conflict, and many other issues, Vietnam is committed to continuing to maintain and promote agricultural and food export activities.

Impact on Vietnam

Based on the summary of ASEAN-EU cooperation progress and the assessment of some achievements in various fields between the two sides in the first two decades of the 21st century, as well as the impact of this relationship on Vietnam, we can draw the following conclusions:

With its important geopolitical and geo-economic position, located on the East Sea, serving as a bridge between the maritime and continental economic regions of Asian and Southeast Asian countries, Vietnam has favorable conditions to enhance connectivity and promote cooperation and development with EU countries. Vietnam and the EU officially established diplomatic relations in 1990 and have experienced over 30 years of partnership. During this period, especially in the first two decades of the 21st century, as the EU strengthened its integration with ASEAN, Vietnam-EU relations have also developed rapidly both in breadth and depth across various fields. It can be said that Vietnam possesses many favorable factors aligning with the EU's strategy to increase influence in Southeast Asia, thus making Vietnam one of the EU's top choices for developing relations with ASEAN.

In 2005, Vietnam first adopted a comprehensive program to develop relations with the EU. It is also worth noting that Vietnam was the first country in Southeast Asia to announce a plan for relations with the EU, and simultaneously, the EU was the first partner with which Vietnam had a comprehensive strategy [Vu Thanh Huong 2016]. From 2008, the two sides officially launched negotiations for the Vietnam-EU Comprehensive Partnership and Cooperation Agreement (PCA), which was formally signed in 2012. Accordingly, the PCA expanded the scope of Vietnam-EU cooperation beyond trade and economic cooperation to other areas such as environment, energy, technology, effective public governance, tourism, culture, migration, security, anti-corruption, and organized crime [Bùi Hồng Hạnh 2020]. Thus, the EU has become one of the most important partners due to its special position and role in Vietnam's development.

In the period 2000—2019, the total trade turnover between Vietnam and the EU increased 17-fold, from 4.1 billion USD (in 2000) to 56.45 billion USD (in 2019). Specifically, Vietnam's exports to the EU increased 14.8 times, from 2.8 billion USD (in 2000) to 41.54 billion USD (in 2019). Vietnam's exports to the EU focused on labor-intensive goods, including electronics assembly, phones, footwear, textiles and garments, coffee, seafood, and wooden products. Imports from the EU to Vietnam also increased 11.4 times, from 1.3 billion USD (in 2000) to 14.9 billion USD (in 2019). The EU's main export items to Vietnam are high-tech products such as machinery, mechanical products, electrical equipment, and pharmaceuticals [European Commission 2022].

By 2022, Vietnam had become the EU's 16th largest trading partner in the world and the EU's largest trading partner in ASEAN, with total trade turnover reaching nearly 70 billion dollars [Ibid.]. With total FDI capital of nearly 8.8 billion dollars (in 2021), the EU is one of the largest foreign investors in Vietnam, with processing and manufacturing being the largest investment sector [Ibid.]. After 3 years of implementing the EVFTA (from August 1, 2020, to August 1, 2023), Vietnam exported goods worth nearly 128 billion USD to the EU [An Binh 2023]. Currently, Vietnam is the EU's second most important partner in terms of total trade in goods and services (after Singapore). An increasing number of European companies are establishing branches in this country to set up regional centers serving the Mekong region.

With the EU promoting its "Asia Strategy", it has clearly demonstrated its stance on promoting comprehensive cooperation with countries in the Asian region, especially ASEAN countries, where Vietnam holds a strategically important position as the gateway to the entire Southeast Asian region. Therefore, this strategy will certainly promote the EU's comprehensive cooperation with Vietnam in the coming years. Additionally, one of the factors that prompted the EU to adjust its strategy towards Southeast Asia after the second decade of the 21st century was the "America First" policy of U.S. President Donald Trump and China's Belt and Road Initiative (BRI). Consequently, to ensure its international position and role in the global security structure, the EU has adjusted its foreign policy towards ASEAN, and bilateral relations have developed rapidly, contributing to creating a stable development environment in the region and the world. This creates opportunities for Vietnam to attract more investment projects from EU businesses and helps both Vietnam and the EU reduce their dependence on the Chinese economy.

In the rapidly developing trend of the Fourth Industrial Revolution, the EU has many advantages in developing the digital economy. Vietnam does not want to fall further behind in terms of development level in the context of the fourth technological revolution, so this issue will create both motivation and pressure for Vietnam to promote trade and investment relations with developed countries in the EU through the framework of PCA, EVFTA, and the EU-Vietnam Investment Protection Agreement (EVIPA) to access new technologies, new management skills, and participate more deeply in global value chains [Nguyễn An Hà, Vũ Mai Phương 2021]. Additionally, Vietnam needs to make efforts to leverage advantages in multilateral and bilateral forums to enhance competitiveness, strengthen integration into modern logistics value chains to become a bridge between ASEAN and the EU.

Conclusion

In the first two decades of the 21st century, comprehensive cooperation with the EU, one of the world's leading economic and political centers, has always been one of the priority orientations in the foreign policies of Southeast Asian countries as well as a factor contributing to the successful building of the ASEAN Community. Cooperative relations between the two sides in the fields of politics-security, economics, trade, investment, and education have been established within the framework of multilateral and bilateral cooperation, with many outstanding achievements. To further promote more effective and substantial cooperation between the two blocs, both ASEAN and the EU are strongly committed to enhancing coordination and cooperation in regional and international structures based on common values and interests in a rules-based international order and mutual consensus.

It can be said that entering the 21st century, especially the second decade, ASEAN-EU relations have occurred in parallel with the increasingly intense and uncontrollable strategic competition among major powers. Therefore, the upgrade of ASEAN-EU relations is not only the result of increasingly developing bilateral relations but also reflects the inherent needs of both sides, having great significance for both blocs in maintaining a peaceful and secure environment in the region and the world. Thus, with a long-standing tradition of friendship and increasingly good, comprehensive, and profound development, ASEAN-EU relations in the first two decades of the 21st century have seen new developments, culminating in the establishment of Strategic Partnership in various fields. This relationship has had many positive impacts on Vietnam's development, while also requiring Vietnam to enhance its adaptability and balance relations with major powers as these countries all want to increase their engagement in Southeast Asia in general and Vietnam in particular.

References

An Bình (2023). EVFTA góp phần đưa quan hệ hợp tác giữa Việt Nam và EU phát triển ngày càng sâu rộng và thực chất [An Binh. EVFTA contributes to the development of cooperation between Vietnam and the EU more deeply and substantially]. *Cổng thông tin điện tử Bộ Công Thương* [*Ministry of Industry and Trade Electronic Information Portal*], Octobre 1. URL: https://moit.gov.vn/tin-tuc/thi-truong-nuoc-ngoai/hiep-dinh-evfta/evfta-gop-phan-dua-quan-he-hop-tac-giua-viet-nam-and-eu-phat-trien-now-cang-after-rong-and-thuc-chat.html. (In Vietnamese)

ASEAN-EU University Network Programme (2010). *ASEAN-EU University Network Programme Overview*. Retrieved on 03.12.2023 from URL: https://globalhighered.files.wordpress.com/2010/02/aunp.pdf

British Council in Vietnam (2017). *Hãy biến ASEAN thành tương lai của bạn — học bổng SHARE dành cho sinh viên các nước ASEAN thông báo nhận hồ sơ đợt bốn* [*Make ASEAN Your Future — SHARE Scholarships for ASEAN Students Call for Applications Round Four*]. Retrieved on 14.12.2023 from URL: https://www.britishcouncil.vn/gioi-thieu/bao-chi/hoc-bong-share-2017-moi-nop-ho-so. (In Vietnamese)

Bùi Hồng Hạnh (2020). Quan hệ Việt Nam — Liên minh châu Âu: Từ Hiệp định khung về hợp tác đến Hiệp định Thương mại tự do [Bui Hong Hanh. Vietnam-European Union Relations: From the Cooperation Framework Agreement to the Free Trade Agreement]. *Tạp chí Cộng sản* [*Communist Review*], Octobre 3. URL: https://www.tapchicongsan.org.vn/web/guest/the-gioi-van-de-su-kien/-/

2018/819660/quan-he-viet-nam---lien-minh-chau-au--tu-hiep-dinh-khung-ve-hop-tac-den-hiep-dinh-thuong-mai-tu-do.aspx. (In Vietnamese)

Cultural Relations Platform (2018). *ASEAN-EU Plan of Action 2018—2022.* Retrieved on 10.12.2023 from URL: https://www.cultureinexternalrelations.eu/2018/09/28/asean-eu-plan-of-action-2018-2022/

Dang Minh Duc (2020). *ASEAN-EU Cooperation: Present and Future Indonesia and the South-South Cooperation.* Retrieved on 11.12.2023 from URL: https://issuu.com/antalljozseftudaskozpont/docs/in_focus_2020_02_asean_web/s/11377147

European Commission (2022). *EU trade relations with Vietnam. Facts, figures and latest developments.* Retrieved on 10.12.2023 from URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/vietnam_en

Gilson, J. (2020). EU-ASEAN relations in the 2020s: pragmatic inter-regionalism? *International Economics and Economic Policy,* 17(3): 727—745. DOI: https://doi.org/10.1007/s10368-020-00474-2

Hương Giang, Đức Hùng (2021). Team Europe cam kết hỗ trợ 800 triệu euro cho các quốc gia ASEAN [Huong Giang, Duc Hung. Team Europe commits to provide 800 million euros to ASEAN countries]. *VietnamPlus,* April 21. URL: https://www.vietnamplus.vn/team-europe-cam-ket-ho-tro-800-trieu-euro-cho-cac-quoc-gia-asean-post707017.vnp#google_vignette. (In Vietnamese)

Lê Hoàng Kiệt, Nguyễn Văn Tuyên (2023). Vị trí địa chính trị của Việt Nam đối với Hoa Kỳ trong chiến lược ngăn chặn tham vọng bá quyền của Trung Quốc [Le Hoang Kiet, Nguyen Van Tuyen. The Geopolitical Position of Vietnam for the United States in the Strategy of Containing China's Hegemonic Ambitions]. *Tạp chí Khoa học và Công nghệ Đại học Đà Nẵng* [*Da Nang University Science and Technology Journal*], 21(8): 63—69. URL: https://jst-ud.vn/jst-ud/article/view/8630. (In Vietnamese)

Moeller, J.O. (2007) ASEAN's Relations with the European Union: Obstacles and Opportunities. *Contemporary Southeast Asia,* 29(3): 465—482. URL: https://www.jstor.org/stable/25798848

Nguyễn An Hà, Vũ Mai Phương (2021). Một số xu thế chính trong phát triển quan hệ Việt Nam-EU tới 2030 [Nguyen An Ha, Vu Mai Phuong. Some Main Trends in the Development of Vietnam-EU Relations by 2030]. *Nghiên cứu châu Âu* [*European Studies*], 1: 3—15. (In Vietnamese)

Nguyễn Thị Thu Hà (2018). Sự khác biệt trong cách tiếp cận an ninh phi truyền thống và hợp tác EU-ASEAN trong chống khủng bố [Nguyen Thi Thu Ha. Differences in Approaches to Non-Traditional Security and EU-ASEAN Cooperation in Counter-Terrorism]. *Nghiên cứu châu Âu* [*European Studies*], 2. (In Vietnamese)

Thanh Hà (2022). Việt Nam hỗ trợ 500.000 USD cho Ukraina thông qua các tổ chức nhân đạo [Vietnam supports 500,000 USD for Ukraine through humanitarian organizations]. *Lao Động* [*Labour*], May 1. URL: https://laodong.vn/doi-ngoai/viet-nam-ho-tro-500000-usd-cho-ukraina-thong-qua-cac-to-chuc-nhan-dao-1040259.ldo. (In Vietnamese)

Trần Xuân Hiệp chủ biên (2021). *Cộng đồng ASEAN từ ý tưởng đến hiện thực* [Tran Xuan Hiep (ed.) *ASEAN Community from Idea to Reality].* Hà Nội: Nxb. Thế giới. (In Vietnamese)

Thu Phương (2020). ASEAN-EU: Chính thức nâng cấp quan hệ đối tác chiến lược [Thu Phuong. ASEAN-EU: Officially Upgrading the Strategic Partnership]. *Báo Công Thương* [*Industry and Trade Newspaper*], December 2. URL: https://congthuong.vn/asean-eu-chinh-thuc-nang-cap-quan-he-doi-tac-chien-luoc-148580.html. (In Vietnamese)

Vu Thanh Huong (2016). Assessing potential impacts of the EVFTA on Vietnam's pharmaceutical imports from the EU: an application of SMART analysis. *SpringerPlus* 5, 1503. DOI: https://doi.org/10.1186/s40064-016-3200-7

WTO Center (2023). *ASEAN-EU cam kết thúc đẩy quan hệ thương mại và đầu tư* [*ASEAN-EU Committed to Promoting Trade and Investment Relations*], August 21. URL: https://trungtamwto.vn/chuyen-de/24287-asean--eu-cam-ket-thuc-day-quan-he-thuong-mai-va-dau-tu#:~:text=Theo%20th

%E1%BB%91ng%20k%C3%AA%20c%E1%BB%A7a%20ASEAN,l%E1%BB%9Bn%20th%E1%BB%A9%203%20c%E1%BB%A7a%20ASEAN. (In Vietnamese)

Yoshimatsu, H. (2023). ASEAN and Great Power Rivalry in Regionalism: From East Asia to the Indo-Pacific. *Journal of Current Southeast Asian Affairs,* 42(1): 25—44. DOI: https://doi.org/10.1177/18681034221139297

Дата поступления статьи: 04.07.2024
Дата поступления в переработанном виде: 11.09.2024
Принята к печати: 18.09.2024

Received: July 4, 2024
Received in revised form: September 11, 2024
Accepted: September 18, 2024

DOI: 10.54631/VS.2024.83-634048

Ты Тхи Тхоа

Демократия как цель и движущая сила развития (на примере Вьетнама)

Аннотация. В статье рассматривается сложное взаимодействие между демократией и развитием во Вьетнаме, стране с уникальным историческим и политическим контекстом. На основе анализа документов исследованы правовые и политические реформы, проведённые с начала политики *Дой мой* в 1986 г., показано, как демократические элементы способствовали социально-экономическому развитию Вьетнама. Всестороннее изучение этих реформ позволяет заключить, что, несмотря на многочисленные проблемы, интеграция демократических принципов в систему развития Вьетнама не только служит конечной целью, но и является мощным катализатором экономических инноваций, человеческого развития и устойчивого управления. В заключение подчеркнуто, что для сохранения устойчивого и инклюзивного развития Вьетнаму необходимо сохранять приверженность демократическим ценностям, совершенствуя механизмы управления, расширяя участие граждан, повышая прозрачность и удовлетворяя в процессе развития потребности народа. Только глубоко интегрировав эти принципы в стратегию развития, Вьетнам сможет достичь долгосрочного роста и стабильности.

Ключевые слова: Вьетнам, Дой Мой, демократия, политическая реформа, управление, однопартийная система.

Автор: Ты Тхи Тхоа, аспирант, Государственный университет управления, Москва; преподаватель, зам. декана факультета политической теории и профессиональной педагогики, Университет физического воспитания и спорта, Хошимин, Вьетнам. ORCID: 0000-0002-8579-1846. E-mail: tuthoahvhc@gmail.com

Для цитирования: *Ты Тхи Тхоа*. Демократия как цель и движущая сила развития (на примере Вьетнама) // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 3. С. 19—33.

Tu Thi Thoa

Democracy as a Goal and a Driving Force for Development: The Case Study of Vietnam

Abstract. The article explores the complex interplay between democracy and development in Vietnam, a country with a unique historical and political context. Through document analysis, it examines the legal and political reforms implemented since the Doi Moi in 1986 to understand how democratic elements have contributed to Vietnam's socio-economic development. We argue that, despite existing challenges, the integration of democratic principles into Vietnam's development framework serves not only as an ultimate goal but also as a powerful catalyst for economic innovation, human development, and sustainable governance. The conclusion emphasizes that to maintain sustainable and inclusive development, Vietnam must continue its commitment to democratic values by improving governance mechanisms, expanding citizen participati-

on, increasing transparency, and ensuring that development processes reflect the needs of the people. Only by deeply integrating these principles into its development strategy can Vietnam achieve long-term growth and stability.

Keywords: Vietnam, Doi Moi, democracy, political reform, governance, one-party system.

Author: Tu Thi Thoa, Ph.D. student, The state university of management, Moscow, Russia; Lecturer, Deputy dean of the Faculty of Political Theory and Pedagogy, Ho Chi Minh City University of Physical Education and Sports, Vietnam. ORCID: 0000-0002-8579-1846. E-mail: tuthoahvhc@gmail.com

For citation: Tu Thi Thoa (2024). Democracy as a Goal and a Driving Force for Development: The Case Study of Vietnam. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (3): 19—33.

Введение

Взаимосвязь между демократией и развитием уже давно является предметом научных исследований, включающих в себя обсуждение причинно-следственных связей между ними, а также способов, с помощью которых демократия влияет на социально-экономическое развитие. В современном глобальном дискурсе о развитии включение демократических принципов в систему госуправления часто признаётся необходимым для устойчивого роста [Diefenbach 2020; Mohammadi, Boccia, Tohidi 2023]. Вьетнам, страна с уникальной историей колониализма, войны и успешного проведения экономических реформ, является убедительным примером этого процесса. По мнению Д.В. Мосякова, внедрение демократических принципов в политическую систему Вьетнама развивалось медленно, но уверенно начиная с реформ *Дой мой* в 1986 г., что привело к заметным изменениям в управлении и экономике страны [Мосяков 2021].

После старта реформ *Дой мой* в 1986 г. Вьетнам начал постепенно интегрировать демократические элементы в свою политическую систему, хотя развитие демократии в стране все еще сдерживается политическими и культурными особенностями. П.Ю. Цветов подчёркивает, что развитие демократии в контексте Вьетнама, как и в странах АСЕАН, обусловлено историческими и культурными традициями страны [Карнеев и др. 2017]. Этот процесс включает не только постепенные изменения в правовой базе, но и создание условий для расширения гражданского участия и повышения прозрачности.

Согласно В.М. Мазырину и Г.М. Локшину, ключевым моментом является роль Коммунистической партии, которая, оставаясь центральной политической силой, допускает элементы демократизации в рамках контролируемой ею системы правления [Мазырин 2007: 101—106; Локшин 2021]. Изучение взаимосвязи между демократией и развитием во Вьетнаме — это не просто вопрос корреляции, а выявление того, как демократические элементы интегрируются в механизмы развития страны, которая официально называется социалистической республикой.

В данной статье предпринята попытка раскрыть особенности того, как демократия, проявляющаяся в прозрачности деятельности правительства, верховен-

стве закона и гражданской активности, стала играть ключевую роль в траектории развития Вьетнама. Сфокусировав внимание на ключевых реформах, проведённых в последние десятилетия, автор исследует взаимосвязь политической либерализации и экономических стратегий, которая, как представляется, лежит в основе успехов Вьетнама в области развития. В статье обосновывается центральная роль демократии как как неотъемлемого условия активного и устойчивого развития и подчеркнуто, что это стремление Вьетнама.

Методы исследования

Для изучения многогранной взаимосвязи между демократией и развитием Вьетнама в данном исследовании использован анализ различных документов. К ним относятся официальные правительственные документы, стратегии развития, экономические отчёты, публикации международных организаций и научные статьи. Критериями включения в исследование были обсуждение вьетнамской модели развития, наличие демократической тематики, а также вклад источников в исторический и текущий анализ политических и экономических преобразований во Вьетнаме. Анализ проводился с помощью компаративного метода, который позволил выявить как схожие, так и отличающиеся точки зрения и создать многомерное восприятие темы. Синтез разнообразных источников данных при анализе документов закладывает основу для детального и целостного изложения результатов исследования, в котором демократия рассматривается не только в качестве желаемой цели, но и как существенная сила, способствующая развитию Вьетнама.

Результаты исследования

Исторический контекст

История Вьетнама тесно переплетена с постоянным стремлением его народа к демократии и развитию, что позволяет глубже понять современный политический и экономический этап развития страны. Начиная с ранней истории Вьетнама как совокупности феодальных династий и включая его недавнее колониальное прошлое, автор считает борьбу за самоуправление и политическое участие как последовательное проявление стремления Вьетнама к суверенитету [Womack 2003]. После создания единого государства в 1976 г. политическое руководство Вьетнама приняло курс на централизованное правление, отвергая многопартийность и западные демократические элементы, которые были признаны угрозой политической стабильности [Власов 2016]. Однако конец XX в. стал поворотным моментом, когда Вьетнам развернул серию реформ в рамках политики *Дой мой*, положив начало переходу страны к рыночной экономике и, в некоторой степени, политической либерализации [Печерица, Власов 2016]. Реформы *Дой мой* не только открыли экономику для глобальных рынков, но и послужили катализатором медленного, но заметного сдвига в сторону более открытого общества с бóльшим акцентом на правовые нормы и институциональную подотчётность.

За 35 лет проведения политики *Дой мой* Вьетнам добился значительных успехов в экономической и социальной сферах, превратившись из отсталой аграрной страны в аграрно-индустриальное государство с одними из самых высоких темпов роста ВВП в мире [Цветов 2021]. Однако политика реформ столкнулась с вызовами, такими как имущественная дифференциация, увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными слоями населения [Динь Куанг Хай 2021]. Несмотря на эти трудности, реформы продолжались, и правительство Вьетнама сосредоточилось на повышении уровня жизни, институциональной подотчётности и социальной справедливости, что отразилось в изменениях системы налогообложения и развитии гражданского общества. Австралийский эксперт по Вьетнаму К. Тэйер считает, что реакция вьетнамского правительства на общественное мнение, особенно в таких вопросах, как обеспечение права на землю, защита экологии, борьба с коррупцией, свидетельствует об эволюции отношений между государством и его гражданами, появлении элементов прямой и косвенной демократии [Thayer 2009].

Коммунистическая партия остаётся ядром политической системы Вьетнама, прочно удерживая свою ведущую роль и в то же время осторожно позволяя принципам демократического правления внедряться периферийно в политический дискурс и практику. Таким образом, исторический контекст Вьетнама отражает трансформацию из чисто революционного государства в современную нацию, пытающуюся преодолеть сложности интеграции демократических принципов в устоявшиеся политические институты [Croissant, Lorenz 2018]. Этот исторический фон создаёт основу для понимания того, как демократия и развитие продолжают взаимодействовать в современном Вьетнаме, отражая глубокие изменения, которые сформировали его нынешний политический ландшафт и предопределили дальнейший путь развития.

Демократия как цель развития

Демократия во Вьетнаме выступает в качестве цели развития, отражая стремление к политической инклюзивности, подотчётности и защите прав человека. Стремление к демократии выходит за рамки создания процедур, таких как выборы [Nhân dân — chủ thể...: 11.01.2021]. Оно воплощает в себе более глубокое стремление к построению общества, где граждане активно участвуют в политике, а принятие решений основывается на их широком участии. Недавние конституционные реформы адаптировали правовую систему Вьетнама к международным стандартам прав человека, сочетая индивидуальные свободы с коллективными интересами. Конституция 2013 г. подтверждает демократические права народа. В статье 6 говорится, что власть принадлежит народу и осуществляется через Национальное собрание, народные советы и другие органы. Статья 28 закрепляет право граждан на участие в управлении. Другие статьи защищают свободу слова, собраний и объединений, обеспечивая контроль над государственными решениями [Quốc hội Việt Nam 2013]. Законодатели подчеркивают важность народа, используя заглавную букву в слове «Народ» в Конституции, что отражает уважение и высокую оценку его роли в управлении государством. Это также свидетель-

ствует о преемственности идей Хо Ши Мина, который всегда считал народ центральной фигурой в процессе развития и управления страной.

Цель развития демократии также заключается в создании политической культуры, которая поддерживает принципы прозрачности и подотчётности, гарантируя, что государственные чиновники будут отвечать перед населением за свои действия и политику. Появление и рост числа организаций гражданского общества, несмотря на существующие ограничения [Wells-Dang 2014], является свидетельством развивающихся в стране демократических тенденций. Эти организации служат платформой для гражданской активности, позволяя гражданам объединяться вокруг общих интересов и выступать за социальные изменения. Постепенное расширение пространства для СМИ и публичных дискуссий, хотя оно всё ещё ограничено, позволяет более тщательно оценивать действия правительства и способствует формированию культуры подотчетности. Вьетнамское правительство приняло меры по модернизации системы государственного управления, такие как внедрение информационных технологий в административную деятельность, упрощение административных процедур и усиление механизмов обратной связи с гражданами через онлайн-каналы. Это помогает повысить прозрачность и сократить бюрократию, тем самым поощряя участие граждан в процессе принятия решений. Несмотря на то, что политическая культура Вьетнама основана на традициях конфуцианства и идеях марксизма-ленинизма, которые гарантируют концентрацию власти в руках Коммунистической партии, открытый подход к информационным технологиям и средствам массовой информации, а также развитие гражданского общества демонстрируют осторожное стремление к демократическим реформам [Калмыков 2024].

Кроме того, видение демократии как цели развития Вьетнама включает в себя стремление к равноправному участию и справедливому управлению, при котором институты работают над смягчением неравенства и повышением социального благосостояния. Признавая демократию как самоцель, вьетнамский подход также определяет её как средство движения к жизнеспособному и хорошо функционирующему обществу, в котором ни один человек не останется без внимания и где каждый гражданин сможет полностью реализовать свой потенциал [Vu Van Hien 2021].

Коммунистическая партия Вьетнама придаёт большое значение воплощению принципа, согласно которому народ находится в центре всей деятельности партии и государства. Она выражает подлинное доверие, уважение к народу как хозяину страны и выступает за расширение его прав и возможностей, последовательно отстаивая принцип «народ знает, обсуждает, делает, проверяет, контролирует и получает пользу». В документах XIII съезда КПВ (2021 г.) указано: «Народ играет центральную роль в инновациях, строительстве и обороне страны, поэтому политика партии должна реально отражать его жизнь, желания и законные интересы с целью содействия его счастью. Построение прочных отношений между партией и народом необходимо для укрепления доверия как к коммунистической партии, так и к социалистической системе» [Đảng Cộng sản Việt Nam 2021].

В одной из своих статей покойный Генеральный секретарь КПВ Нгуен Фу Чонг подчеркнул: демократия не может быть целиком заимствована из различ-

ных культурных или политических контекстов, она должна развиваться изнутри, с учётом уникальной исторической, культурной и социальной структуры Вьетнама. Это требует от правительства усилий для того, чтобы справиться с вызовом, заключающимся в нахождении баланса между позитивными аспектами традиций и универсальными ценностями, которые продвигает демократия [Nguyễn Phú Trọng, 2021]. Это согласуется с наблюдением Е.Е. Власова, который отметил, что Вьетнам стремится следовать своей собственной модели демократии с национальной самобытностью и решительно отвергает многопартийную демократическую модель Запада [Власов 2016]. Цель демократии в программе развития Вьетнама тесно связана с развитием общественной сферы, где граждане могут обсуждать политику, определяющую их жизнь, и влиять на неё [Ты Тхи Тхоа 2023]. Такой подход направлен на расширение прав и возможностей отдельных людей и сообществ, позволяя им вносить активный вклад в национальное развитие.

Признавая демократию целью развития, Вьетнам расширил образовательные программы и активно инвестирует в развитие человеческого капитала. Это поможет создать грамотных и мотивированных граждан, способных критически мыслить и эффективно участвовать в жизни общества. Вместе с повышением качества обучения внутри страны, Вьетнам активно развивает сотрудничество в сфере образования с другими странами. Согласно статистике ЮНЕСКО, в 2021—2022 гг. за границей обучались 132 тыс. вьетнамских студентов, что делает Вьетнам лидером в ЮВА по количеству студентов за рубежом. Ежегодно около 1000 лучших студентов отправляются учиться в Россию, которая является стратегическим партнером Вьетнама. В настоящее время в России обучаются примерно 5000 вьетнамских студентов. Развивая инклюзивное образование, Вьетнам стремится воспитать население, которое будет не только квалифицированным, но и просвещённым в отношении своих прав и обязанностей как членов демократического общества [Ты Тхи Тхоа, Нгуен Дык Кыонг 2022]. Эта расширенная концепция демократии иллюстрирует комплексный подход, в котором политические реформы переплетаются с социальными преобразованиями, экономической либерализацией и международным сотрудничеством. По мере того как Вьетнам продолжает прокладывать свой курс в современном мире, концепция демократии как цели развития представляется не столько заданным пунктом назначения, сколько эволюционным процессом, определяющим инклюзивный и перспективный характер этого развития.

Демократия как движущая сила развития

Во Вьетнаме демократия преодолевает роль абстрактного идеала и становится мощным катализатором развития страны. Она стимулирует прогресс не только в политической сфере, но и в социальной, и в экономической, привнося жизненную силу в процессы, определяющие благосостояние и будущее вьетнамского народа. Как движущая сила, демократия развивает инновации, создавая благоприятный климат для свободного обмена идеями. Такие достижения крайне важны для развивающейся экономики, в частности вьетнамской, которая стремится продвинуться по цепочке создания стоимости и конкурировать на глобальном рынке, основанном на знаниях.

Роль демократии в экономических инновациях Вьетнама многогранна и обусловлена её способностью создавать благоприятную экосистему для предпринимательства. В обществе, основанном на демократических ценностях, свободный обмен информацией является не только нормой, но и позволяет бизнесу своевременно получать информацию и более эффективно адаптироваться к тенденциям рынка [Jaeger, Burnett 2005; Walker 2018]. Более того, когда государственная политика проходит тщательную общественную экспертизу, это приводит к созданию прозрачной и подотчётной системы управления. Такая прозрачность крайне важна, поскольку бизнес полагается на неё, чтобы ориентироваться в нормативно-правовой базе, которая не только доступна, но и актуальна применительно ко времени. Конкуренция, подпитываемая демократией, которая поощряет творчество, обеспечивает не только равные условия для игры, но и представительную арену, где лучшие идеи могут добиться успеха [Walker 2018]. Демократия и политическая стабильность играют важную роль в развитии экономики Вьетнама. Несмотря на то, что страна сохраняет централизованную политическую систему под руководством Коммунистической партии, осторожные институциональные реформы и расширение гражданских прав создают благоприятные условия для стабильности и роста [Селиванов 2022]. Повышение прозрачности в управлении и активизация международного сотрудничества не только привлекают иностранные инвестиции, но и способствуют тому, что Вьетнам становится одной из наиболее быстро развивающихся экономик в регионе.

Демократизация во Вьетнаме значительно влияет на развитие человеческого потенциала и систему образования. Переход страны на демократические принципы играет ключевую роль в формировании человеческого капитала, катализатора устойчивого роста и благополучия. Образование воспитывает критически мыслящих граждан, готовых участвовать в общественной жизни и отстаивать демократические ценности [Nussbaum 2006; Orlowski 2012]. Это способствует пониманию прав человека и социальной справедливости, что важно для активного общества. Демократизация помогает Вьетнаму адаптироваться к требованиям глобального рынка и формировать инновационную рабочую силу [Le Quynh Anh 2016]. В недавней статье «Углубление практики демократии, продолжение максимального раскрытия силы народа в строительстве и развитии страны» заместитель заведующего Центрального отдела пропаганды ЦК КПВ Лай Суан Мон отметил, что процесс демократизации действительно способствует позитивному развитию вьетнамского общества. Он поощряет более активное участие граждан в принятии государственных решений, повышает их способность к самоуправлению и стимулирует инновации и творчество [Lại Xuân Môn 2024].

Стремление Вьетнама внедрить демократические ценности в свою модель управления также рассматривается как инструмент установления верховенства закона и независимости судебной власти, что, в свою очередь, укрепляет институциональную целостность и противодействует коррупции [Tu Thi Thoa 2021]. Когда господствует верховенство закона, коммерческие сделки становятся более безопасными, государственные услуги — более надежными, а права граждан — более конкретными [Krygier 2012]. Все эти усилия способствуют созданию более прозрачного и справедливого общества, что помогает бороться с коррупцией.

Более того, связь между демократией и развитием в современном Вьетнаме особенно проявляется через усиливающуюся роль неправительственных организаций. По наблюдениям М.С. Зеленковой, эти организации активно участвуют в различных сферах, включая экологические инициативы, социальное развитие и защиту прав человека. Их деятельность не только помогает решать гуманитарные проблемы, но и способствует продвижению интересов определённых групп населения, формируя общественное мнение и развивая партнёрские отношения с местными структурами. Вьетнамское правительство поддерживает НПО, признавая их важный вклад в социально-экономическое развитие страны и привлечение международной помощи [Зеленкова 2016; Мазырин 2008]. При этом власти страны продолжают подтверждать свою приверженность демократическим процессам на основе общественного консенсуса. Это делает растущую роль НПО в политической жизни особенно значимой для укрепления чувства общей судьбы и социальной гармонии — ключевых факторов национального прогресса.

В сфере внешней политики продвижение демократических ценностей позиционирует Вьетнам как активного члена международного сообщества, укрепляя его геополитическое положение. Приверженность демократическим нормам способствует партнёрству с другими странами и международными организациями, которое часто приносит с собой помощь в развитии, дипломатическую поддержку и доступ к глобальным форумам [Tran Bich 2022]. Участвуя в этих глобальных платформах, Вьетнам может внести свой вклад и воспользоваться общими знаниями, передовым опытом и совместными инициативами, которые способствуют реализации его программы развития.

Следует отметить, что демократия как движущая сила социально-экономических преобразований во Вьетнаме — это не абстрактный идеал или статичная цель, а скорее живая практика, которая наполняет процесс развития плюрализмом мнений, подотчётностью и динамизмом. Она позиционирует Вьетнам как активную и прогрессивную страну, стремящуюся создать модель развития, которая не только эффективна, но и отражает ценности и чаяния ее народа. Поскольку демократия вплетается во множество стратегий развития, её влияние выходит далеко за рамки политических реформ, характеризуя стремление Вьетнама к инклюзивному, всестороннему развитию, которое приносит пользу всем.

Вызовы и перспективы

Путь Вьетнама к интеграции элементов демократии в свою систему управления весьма уникален, поскольку связан с однопартийной структурой, что контрастирует с плюралистическими демократиями, распространёнными в западных странах. Именно поэтому некоторые взгляды Вьетнама на демократию не принимаются Соединенными Штатами и рядом западных государств. Более того, 31 июля 2013 г. Палата представителей США приняла Закон о правах человека во Вьетнаме (HR 1897), и ежегодно Государственный департамент США публикует «Доклад о правах человека во Вьетнаме», критикующий страну за нарушения в этой сфере. В свою очередь, некоторые вьетнамские теоретики прямо обвиняют США в том, что те используют вопрос прав человека для вмешательства во внутренние дела Вьетнама, подчёркивая, что Вьетнам готов воспринять

достижения западной демократии, но при этом стремится сохранять национальную независимость, суверенитет и социалистическую ориентацию как выражение своей национальной идентичности [Чан Тхи Минь Тует 2019]. Различия в восприятии демократии до сих пор остаются препятствием во внешнеполитических отношениях между Вьетнамом и США. Это также объясняет, почему, несмотря на значительные демократические достижения Вьетнама, президент Байден не пригласил его принять участие в глобальном демократическом форуме. Со своей стороны, вьетнамские власти продолжают проявлять осторожность, опасаясь, что внешнее вмешательство в вопросы демократии может повлиять на национальный суверенитет.

На пути к демократическому обществу, ставящему высокие цели развития, Вьетнам сталкивается с целым рядом вызовов, требующих стратегического внимания и взвешенного подхода. Среди них — балансирование между поддержанием высоких темпов экономического роста и обеспечением справедливого распределения его благ, что осложняется существующим неравенством и региональными различиями. Поскольку разрыв между городом и деревней, богатыми и бедными увеличивается, идеал демократии требует проведения политики, которая не только стимулирует рост, но и обеспечивает выгоду для всех слоев общества [Le Quoc Hoi, Nguyen Hoai Nam 2019].

Отсутствие надёжной правовой и институциональной инфраструктуры для поддержки демократического управления также представляет собой серьёзное препятствие. Создание институтов, способных поддерживать верховенство закона, обеспечивать прозрачность и подотчётность, а также справедливое отправление правосудия, — трудная задача, сопряжённая со сложностями реформирования давно сложившихся структур и практик. Борьба с коррупцией — повсеместным вызовом демократизации — требует не только правовых механизмов, но и формирования культуры, отвергающей коррупционные практики в пользу честности и добросовестного служения обществу. Кроме того, защита гражданских и политических свобод остаётся одной из центральных задач в процессе демократизации Вьетнама. Создание здесь пространства для политического инакомыслия, свободы выражения мнений и свободы прессы — это области, которые часто противоречат существующим традициям управления [Wischermann 2011]. При решении этих проблем правительству придётся соблюдать хрупкий баланс между национальной стабильностью и правами людей на выражение своего мнения и самоорганизацию, которые являются отличительными чертами демократического общества.

Стремление Вьетнама укрепить свою демократическую систему ещё больше осложняется внешними факторами, такими как геополитическая конкуренция в регионе и изменчивые повороты международной политики. Внешние отношения и торговые связи Вьетнама требуют тонкой дипломатии, которая согласовывала бы его цели в области развития и демократии с интересами и ожиданиями международных игроков, сохраняя при этом национальные интересы и суверенитет.

Тем не менее перспективы демократического будущего Вьетнама подкрепляются ростом гражданского общества и распространением цифровых платформ,

способствующих участию граждан в управлении страной и обеспечивающих прозрачность. Интеграция в глобальную экономику через соглашения о свободной торговле открывает пути не только для ускорения экономического развития, но и для внедрения демократических норм. Развитие среднего класса и технологий также прокладывают путь к демократическим преобразованиям, побуждая граждан к большей вовлечённости в дела общества и требованиям подотчётности правительства.

Для того чтобы демократия продолжала служить движущей силой развития Вьетнама, необходимы постоянная адаптация и обучение, а также формирование культуры, ценящей образование, критическое мышление и открытые дебаты. Эти элементы помогут населению эффективно взаимодействовать с государственными структурами. Вьетнам стоит перед сложным выбором, как развиваться, сохраняя устремления народа и справляясь с вызовами современного управления. Хотя этот путь непрост, он имеет потенциал сделать Вьетнам моделью развития, основанной на демократических принципах и благополучии граждан.

Заключение

Анализ двойной роли демократии как цели и движущей силы развития Вьетнама показывает сложный, но обнадеживающий узор политических, экономических и социальных преобразований. Поскольку Вьетнам продолжает сталкиваться с многогранными вызовами, такими как экономическое неравенство, незавершенность правовой и институциональной реформ, а также необходимостью соблюдать баланс между гражданскими свободами и национальной стабильностью, приверженность страны демократическим принципам остается крайне важной. Обещание создать всестороннюю, справедливую и гуманную систему управления не только способствует демократическому прогрессу, но и укрепляет основу для устойчивого развития. Взгляд в будущее показывает, что непрерывное развитие демократического контекста Вьетнама потребует гибкости, открытости к изменениям и твёрдой приверженности тому, чтобы плоды развития охватывали все слои общества. Стремление к демократии, обсуждаемое в данной статье, представляет собой не только политический идеал, но и практическую стратегию продвижения Вьетнама в современную эпоху, где демократия нацелена как на реализацию индивидуального потенциала, так и на коллективный прогресс, что подтверждает её внутреннюю ценность как основу для построения светлого и устойчивого будущего для всех граждан.

Список литературы

Власов Е.Е. Вьетнамское государство в процессе обновления страны (к тридцатилетию начала политики «Дой мой») // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. Т. 2. № 37. С. 137—146.

Динь Куанг Хай. Имущественная дифференциация и её влияние на вьетнамское общество // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 1. С. 79—101. DOI: https://doi.org/10.24411/2618-9453-2021-10004

Зеленкова М.С. Роль неправительственных организаций во внутриполитической жизни Вьетнама // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. № 32. С. 134—150.

Калмыков И.Д. Характерные черты политической культуры современного Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 22—37. DOI: https://doi.org/10.54631/VS.2024.81-629392

Карнеев А.Н. и др. Круглый стол: «Азиатские ценности» и современная политика стран АТР // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2017. № 3. С. 104—107.

Локшин Г.М. Идеологические проблемы КПВ в фокусе XIII съезда партии // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 2. С. 25—44. DOI: https://doi.org/10.24412/2618-9453-2021-2-25-44

Мазырин В.М. Реформы переходного периода во Вьетнаме (1986—2006 гг.): направления, динамика, результаты / ИСАА МГУ. М.: Ключ-С., 2007.

Мазырин В.М. Тернистый путь к политической демократии // Азия и Африка сегодня. 2008. № 10. С. 22—27.

Мосяков Д.В. Тупики вьетнамо-американских отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 4. № 53. С. 147—157. DOI: https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-147-157 *Печерица В.Ф., Власов Е.Е.* Социалистическая республика Вьетнам: от авторитаризма к рыночному социализму (к 30-летию начала политики «Дой Мой») // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22. № 7. С. 81—90.

Селиванов И.Н. Актуальные проблемы современного Вьетнама в новом коллективном исследовании российских и зарубежных авторов // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 1. С. 104—107. DOI: https://doi.org/10.54631/VS.2022.61-105483

Ты Тхи Тхоа, Нгуен Дык Кыонг. Прямая демократия в условиях однопартийного правления в современном Вьетнаме // Via in tempore. История. Политология. 2022. Т. 49. № 3. С. 701—710.

Ты Тхи Тхоа. Проблемы обеспечения демократии в условиях однопартийности в современном Вьетнаме // Развитие территорий. 2023. № 3. С. 66—73.

Чан Тхи Минь Тует. Понимание демократии и процесс демократизации во Вьетнаме в период обновления: время решений // Вьетнамские исследования. 2019. Т. 3. № 4. С. 18—27. DOI: https://doi.org/10.24411/2618-9453-2019-10036

Croissant A., Lorenz P. Vietnam: The Socialist Party State // Comparative Politics of Southeast Asia. Cham: Springer International Publishing, 2018. P. 367—402.

Đảng Cộng sản Việt Nam. Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XIII [*Коммунистическая партия Вьетнама*. Документы XIII съезда]. Nxb. Chính trị Quốc gia Sự thật, 2021. (На вьет. яз.)

Diefenbach T. The Democratic Governance // The Democratic Organisation. Democracy and the Future of Work. NY: Routledge, 2020. P. 50—68. (Routledge studies in management, organizations and society).

Jaeger P.T., Burnett G. Information Access and Exchange among Small Worlds in a Democratic Society: The Role of Policy in Shaping Information Behavior in the Post-9/11 United States // The Library Quarterly. 2005. Vol. 75. No. 4. P. 464—495.

Krygier M. Rule of Law // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law / Eds. M. Rosenfeld, A. Sajó. Oxford University Press, 2012.

Lại Xuân Môn. Phát huy thực hành dân chủ, tích cực hơn nữa phát huy quyền lực của nhân dân trong xây dựng và phát triển đất nước [*Лай Суан Мон.* Продвигать демократическую практику, активизировать силу народа в строительстве и развитии страны] // Tạp chí Cộng sản. 18.01.2024. URL: https://www.tapchicongsan.org.vn/media-story/-/asset_publisher/V8hhp4dK31Gf/content/day-manh-thuc-hanh-dan-chu-tiep-tuc-phat-huy-cao-do-suc-manh-cua-nhan-dan-trong-xay-dung-va-phat-trien-dat-nuoc. (На вьет. яз.)

Le Quoc Hoi, Nguyen Hoai Nam. The Impact of Income Inequality on Economic Growth in Vietnam: An Empirical Analysis // Asian Economic and Financial Review. 2019. Vol. 9. No. 5. P. 617—629. DOI: https://doi.org/10.18488/journal.aefr.2019.95.617.629

Le Quynh Anh. The Impact of Globalisation on the Reform of Higher Education in Vietnam // International Journal of Business and Economic Affairs. 2016. Vol. 1. No. 1. P. 29—35. DOI: https://doi.org/10.24088/IJBEA-2016-11005

Mohammadi H., Boccia F., Tohidi A. The Relationship between Democracy and Economic Growth in the Path of Sustainable Development // Sustainability. 2023. Vol. 15. No. 12. P. 9607. DOI: https://doi.org/10.3390/su15129607.

Nguyễn Phú Trọng. Một số vấn đề lý luận và thực tiễn về chủ nghĩa xã hội và con đường đi lên chủ nghĩa xã hội ở Việt Nam [*Нгуен Фу Чонг*. Некоторые теоретические и практические вопросы социализма и пути к социализму во Вьетнаме] // Tạp chí Cộng sản. 16.05.2021. URL: https://www.tapchicongsan.org.vn/media-story/-/asset_publisher/V8hhp4dK31Gf/content/mot-so-van-de-ly-luan-va-thuc-tien-ve-chu-nghia-xa-hoi-va-con-duong-di-len-chu-nghia-xa-hoi-o-viet-nam. (На вьет. яз.)

Nhân dân — chủ thể và mục tiêu của sự phát triển đất nước [Народ — субъект и цель развития страны] // Tạp chí Tổ chức nhà nước. 11.01.2021. URL: https://tcnn.vn/news/detail/49510/Nhan-dan---chu-the-va-muc-tieu-cua-su-phat-trien-dat-nuoc.html. (На вьет. яз.)

Nussbaum M.C. Education and Democratic Citizenship: Capabilities and Quality Education // Journal of Human Development. 2006. Vol. 7. No. 3. P. 385—395. DOI: https://doi.org/10.1080/14649880600815974

Orlowski P. Ideology, Democracy, and the "Good" Citizen // Teaching About Hegemony: Race, Class and Democracy in the 21st Century. Springer, 2012. P.149—170. DOI:https://doi.org/10.1007/978-94-007-1418-2

Quốc hội Việt Nam. Hiến pháp Việt Nam năm 2013 [*Национальное собрание Вьетнама*. Конституция Вьетнама 2013 года]. URL: https://vanban.chinhphu.vn/?pageid=27160&docid=171264&classid=1&typegroupid=1 (дата обращения: 14.09.2024). (На вьет. яз.)

Thayer C.A. Political Legitimacy of Vietnam's One Party-State: Challenges and Responses // Journal of Current Southeast Asian Affairs. 2009. Vol. 28. No. 4. P. 47—70.

Tran Bich. Vietnam's Strategic Adjustments and US Policy // Survival (Lond). 2022. Vol. 64. No. 6. P. 77—90. DOI: https://doi.org/10.1080/00396338.2022.2150428

Tu Thi Thoa. Building the rule of law state as a guarantor of democracy in modern Vietnam // Upravlenie / Management (Russia). 2022. Vol. 9. No. 4. P. 43—50. DOI: https://doi.org/10.26425/2309-3633-2021-9-4-43-50

Vũ Văn Hiến. Dân chủ và thực tiễn dân chủ trong bối cảnh một đảng cầm quyền ở Việt Nam [*By Ван Хиен*. Демократия и демократическая практика в условиях однопартийной системы во Вьетнаме]. 06.08.2021. URL: https://dukcq.hatinh.gov.vn/xay-dung-dang/dan-chu-va-thuc-hanh-dan-chu-trong-dieu-kien-mot-dang-cam-quyen-o-viet-nam-619.html

Walker D.M. Does participation in health information exchange improve hospital efficiency? // Health Care Management Science. 2018. Vol. 21. No. 3. P. 426—438. DOI: https://doi.org/10.1007/s10729-017-9396-4

Wells-Dang A. The Political Influence of Civil Society in Vietnam // Politics in Contemporary Vietnam. London: Palgrave Macmillan UK, 2014. P. 162—183.

Wischermann J. Governance and Civil Society Action in Vietnam: Changing the Rules from Within—Potentials and Limits // Asian Politics & Policy. 2011. Vol. 3. No. 3. P. 383—411. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1943-0787.2011.01277.x

Womack S.W. Postcolonial Vietnam: New Histories of the National Past. By Patricia M. Pelley. Durham: Duke University Press, 2002 // Journal of Asian Studies. 2003. Vol. 62. No. 4. P. 1336—1337.

References

Croissant, A., Lorenz, P. (2018) Vietnam: The Socialist Party State, in: *Comparative Politics of Southeast Asia.* Cham: Springer International Publishing. P. 367—402.

Đảng cộng sản Việt Nam (2021). *Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XIII* [Communist Party of Vietnam. *Documents of the 13th Congress*]. Nxb. Chính trị Quốc gia Sự thật. (In Vietnamese)

Diefenbach, T. (2020) Democratic Governance, in: *The Democratic Organisation. Democracy and the Future of Work*. NY: Routledge (Routledge studies in management, organizations and society). P. 50—68.

Dinh Quang Hai (2021). The Rich-Poor Polarisation in Vietnam and its Impacts on Vietnamese Society. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5 (1): 79—101.

Jaeger, P.T., Burnett, G. (2005) Information Access and Exchange among Small Worlds in a Democratic Society: The Role of Policy in Shaping Information Behavior in the Post-9/11 United States. *The Library Quarterly*, 75 (4): 464—495. DOI: https://doi.org/10.1086/502787

Kalmykov, I.D. (2024) The Characteristics of the Political Culture of Modern Vietnam. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8(1): 22—37. (In Russian)

Karneev, A.N. et al. (2017) Kruglyj stol: "Aziatskie cennosti" i sovremennaya politika stran ATR [Roundtable: "Asian values" and modern politics of the Asia-Pacific countries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie* [*Bulletin of Moscow University. Series 13. Oriental Studies*], 3. (In Russian)

Krygier, M. (2012) Rule of Law, in: *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*. Eds. M. Rosenfeld, A. Sajó. Oxford University Press.

Lại Xuân Môn (2024). Phát huy thực hành dân chủ, tích cực hơn nữa phát huy quyền lực của nhân dân trong xây dựng và phát triển đất nước [Lai Xuan Mon. Promoting the practice of democracy, further enhancing the power of the people in the construction and development of the country]. *Tạp chí Cộng sản* [*Communist Review*], January 18. URL: https://www.tapchicongsan.org.vn/media-story/-/asset_publisher/V8hhp4dK31Gf/content/day-manh-thuc-hanh-dan-chu-tiep-tuc-phat-huy-cao-do-suc-manh-cua-nhan-dan-trong-xay-dung-va-phat-trien-dat-nuoc. (In Vietnamese)

Le Quoc Hoi, Nguyen Hoai Nam (2019). The Impact of Income Inequality on Economic Growth in Vietnam: An Empirical Analysis. *Asian Economic and Financial Review*, 9 (5): 617—629. DOI: https://doi.org/10.18488/journal.aefr.2019.95.617.629

Le Quynh Anh (2016). The Impact of Globalisation on the Reform of Higher Education in Vietnam. *International Journal of Business and Economic Affairs*, 1 (1). DOI: https://doi.org/10.24088/IJBEA-2016-11005

Lokshin, G.M. (2021) The CPV ideological problems in the focus of the 13th CPV Congress. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5 (2): 25—44. DOI: https://doi.org/10.24412/2618-9453-2021-2-25-44. (In Russian)

Mazyrin, V.M. (2007) *Reformy perekhodnogo perioda vo Vietname (1986—2006 gg.): napravleniya, dinamika, rezul'taty* [*Reforms of the transition period in Vietnam (1986—2006): directions, dynamics, results*]. M.: Klyuch-S.

Mazyrin, V.M. (2008) Ternistyj put' k politicheskoj demokratii [The thorny path to political democracy]. *Aziya i Afrika segodnya* [*Asia and Africa today*], 10: 22—27.

Mohammadi, H., Boccia, F., Tohidi, A. (2023) The Relationship between Democracy and Economic Growth in the Path of Sustainable Development. *Sustainability*, 15 (12): 9607. DOI: https://doi.org/10.3390/su15129607

Mosyakov, D.V. (2021) Tupiki vietnamo-amerikanskikh otnoshenij [Deadlocks in Vietnamese-American relations]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* [*South East Asia:*

Actual problems of Development], 4(53): 147—157. DOI: https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-147-157. (In Russian)

Nguyễn Phú Trọng (2021). Một số vấn đề lý luận và thực tiễn về chủ nghĩa xã hội và con đường đi lên chủ nghĩa xã hội ở Việt Nam [Nguyen Phu Trong. Some theoretical and practical issues of socialism and the path towards socialism in Vietnam]. *Tạp chí Cộng sản* [*Communist Review*], May 16. URL: https://www.tapchicongsan.org.vn/media-story/-/asset_publisher/V8hhp4dK31Gf/content/mot-so-van-de-ly-luan-va-thuc-tien-ve-chu-nghia-xa-hoi-va-con-duong-di-len-chu-nghia-xa-hoi-o-viet-nam. (In Vietnamese)

Nhân dân — chủ thể và mục tiêu của sự phát triển đất nước [The people — subject and goal of national development] (2021). *Tạp chí tổ chức nhà nước* [*Journal of State Organization*], January 11. URL: https://tcnn.vn/news/detail/49510/Nhan-dan---chu-the-va-muc-tieu-cua-su-phat-trien-dat-nuoc.html. (In Vietnamese)

Nussbaum, M. C. (2006) Education and Democratic Citizenship: Capabilities and Quality Education. *Journal of Human Development*, 7 (3): 385—395.

Orlowski, P. (2012) Ideology, Democracy, and the "Good" Citizen, in: *Teaching About Hegemony: Race, Class and Democracy in the 21st Century*. Springer. P. 149—170. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-1418-2. P. 149—170.

Pecheritsa, V.F., Vlasov, E.E. (2016) Socialisticheskaya respublika Vietnam: ot avtoritarizma k rynochnomu socializmu (k 30-letiyu nachala politiki "Doi Moi") [Socialist Republic of Vietnam: from authoritarianism to market socialism (on the 30th anniversary of the beginning of the "Doi Moi" policy)]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of the Transbaikal State University*], 22(7): 81—90. (In Russian)

Quốc hội Việt Nam. *Hiến pháp Việt Nam năm 2013* [National Assembly of Vietnam. *Constitution of Vietnam 2013*]. Retrieved on 14.09.2024 from URL: https://vanban.chinhphu.vn/?pageid=27160&docid=171264&classid=1&typegroupid=1. (In Vietnamese)

Selivanov, I.N. (2022) Relevant problems of current Vietnam in new collective research of Russian and foreign authors. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 6 (1): 104—107. DOI: https://doi.org/10.54631/VS.2022.61-105483. (In Russian)

Thayer, C.A. (2009) Political Legitimacy of Vietnam's One PartyState: Challenges and Responses. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 28 (4): 47—70.

Tran Bich (2022). Vietnam's Strategic Adjustments and US Policy. *Survival (Lond)*, 64 (6): 77—90. DOI: https://doi.org/10.1080/00396338.2022.2150428

Tran Thi Minh Tuyet (2019). Awareness of democracy and the democratization process in Vietnam during the Doi Moi period: situation to solutions. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 3(4): 18—27. DOI: https://doi.org/10.24411/2618-9453-2019-10036

Tu Thi Hoa, Nguyen Duc Cuong (2022). Pryamaya demokratiya v usloviyakh odnopartijnogo pravleniya v sovremennom Vietname [Direct democracy under one-party rule in modern Vietnam]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [*Via in tempore. History. Political Science*], 49(3): 701—710. (In Russian)

Tu Thi Thoa (2022). Building the rule of law state as a guarantor of democracy in modern Vietnam // *Upravlenie / Management* (Russia), 9 (4): 43—50. DOI: https://doi.org/10.26425/2309-3633-2021-9-4-43-50

Tu Thi Thoa (2023). Problemy obespecheniya demokratii v usloviyakh odnopartijnosti v sovremennom V'etname [Challenges of ensuring democracy under one-party rule in modern Vietnam]. *Razvitie territorij* [*Territory Development*], 3: 66—73. (In Russian)

Vlasov, E.E. (2016) Vietnamskoe gosudarstvo v processe obnovleniya strany (k tridcatiletiyu nachala politiki "Doi moi") [The Vietnamese state in the process of national renovation (on the thirtieth anniversary of the beginning of the "Doi Moi" policy)]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional Studies], 2(37): 137—146. (In Russian)

Vũ Văn Hiến (2021). *Dân chủ và thực tiễn dân chủ trong bối cảnh một đảng cầm quyền ở Việt Nam* [Vu Van Hien. *Democracy and the practice of democracy in the context of a one-party system in Vietnam*]. August 16. URL: https://dukcq.hatinh.gov.vn/xay-dung-dang/dan-chu-va-thuc-hanh-dan-chu-trong-dieu-kien-mot-dang-cam-quyen-o-viet-nam-619.html. (In Vietnamese)

Walker, D.M. (2018) Does participation in health information exchange improve hospital efficiency? *Health Care Management Science*, 21 (3): 426—438. DOI: https://doi.org/10.1007/s10729-017-9396-4

Wells-Dang, A. (2014) The Political Influence of Civil Society in Vietnam, in: *Politics in Contemporary Vietnam*. London: Palgrave Macmillan UK. P. 162—183.

Wischermann, J. (2011) Governance and Civil Society Action in Vietnam: Changing the Rules from within Potentials and Limits. *Asian Politics & Policy*, 3 (3): 383—411. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1943-0787.2011.01277.x

Womack, S.W. (2003) Postcolonial Vietnam: New Histories of the National Past. By Patricia M. Pelley. Durham: Duke University Press, 2002. *Journal of Asian Studies*, 62 (4): 1336—1337.

Zelenkova, M.S. (2016) Rol' nepravitel'stvennykh organizacij vo vnutripoliticheskoj zhizni Vietnama [The role of non-governmental organizations in the domestic political life of Vietnam]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* [*South East Asia: Actual problems of Development*], 32: 134—150. (In Russian)

Дата поступления статьи: 04.07.2024
Дата поступления в переработанном виде: 15.09.2024
Принята к печати: 22.09.2024

Received: July 4, 2024
Received in revised form: September 15, 2024
Accepted: September 22, 2024

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.54631/VS.2024.83-329843

Dang Thi Phuong Hoa

Amendments to Vietnam Labor Law after Two Years of Implementing European-Vietnam Free Trade Agreement

Abstract. The article presents the labor policy commitments in the Free Trade Agreement between Vietnam and the European Union (EVFTA), analyzes the progress in amending the law related to Vietnamese labor according to the signed commitments, identify limitations and propose some solutions for effectively implementing the commitments in the EVFTA Agreement.

Keywords: Vietnam, EU-Vietnam Free Trade Agreement, labor policy, labor commitments.

Author: Dang Thi Phuong Hoa, Ph.D., Associate Professor, Vietnam Academy of Social Sciences. E-mail: hoajp@yahoo.com

For citation: Dang Thi Phuong Hoa (2024). Amendments to Vietnam Labor Law after 2 Years of Implementing European-Vietnam Free Trade Agreement. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (3): 34—44.

Данг Тхи Фыонг Хоа

Поправки к трудовому законодательству Вьетнама после двух лет реализации европейско-вьетнамского соглашения о свободной торговле

Аннотация. В статье представлены обязательства по трудовой политике в Соглашении о свободной торговле между Вьетнамом и Европейским союзом (EVFTA), анализируется прогресс во внесении поправок во вьетнамское трудовое законодательство в соответствии с принятыми СРВ обязательствами, определяются ограничения и предлагаются некоторые решения для эффективной реализации обязательств по соглашению EVFTA.

Ключевые слова: Вьетнам, Соглашение о свободной торговле между ЕС и Вьетнамом, трудовая политика, трудовые обязательства.

Автор: Данг Тхи Фыонг Хоа, к. н., доцент, Вьетнамская академия общественных наук. E-mail: hoajp@yahoo.com

Для цитирования: *Данг Тхи Фыонг Хоа.* Поправки к трудовому законодательству Вьетнама после двух лет реализации Европейско-вьетнамского соглашения о свободной торговле // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 3. С. 34—44.

Introduction

The EU-Vietnam Free Trade Agreement (EVFTA) is a free trade agreement (FTA) of new generation. It was signed on June 30, 2019, ratified by the European Parliament on February 12, 2020 and ratified by the National Assembly of Vietnam on June 8, 2020. EU member economies are important economic partners, large markets, and still have great potential for Vietnamese exports. Effective exploitation of these markets in the coming years will contribute to strongly promoting Vietnam's exports, adding more development momentum. EVFTA requires Vietnam to continue improving institutions and ensure serious implementing its commitments, including labor commitments.

The impact of the EVFTA on Vietnam has received much attention in the Vietnamese expert community. This concerns both general issues [Trần Tuấn Anh 2019; Nguyễn Chiến Thắng, Đinh Mạnh Tuấn 2021; An An 2023] and the impact on individual industries and areas [Nguyễn Tuấn Việt, Ngô Văn Vũ 2020; Phan Thu Trang et al. 2023]. The article by K. Marslev and K. Starits is devoted to labor legislation issues [Marslev, Staritz 2023]. The authors examine in detail the process of introducing into the agreement the necessary changes to Vietnamese labor law.

This article is dedicated to the implementation of labor commitments in the EVFTA Agreement. This process continues to affirm Vietnam's seriousness and efforts in implementing international labor standards, contributing to process of building and perfecting labor regulations in order to create a foundation for the proper operation of the Vietnamese labor market as well as ensuring the realization of the country's socio-economic goals.

Labor requirements in the EVFTA Agreement

In the 17 chapters of the EVFTA Agreement, the 13th chapter on "Trade and Sustainable Development", emphasizes labor rights and sustainable environmental protection, to ensure that free trade contributes to sustainable development and support workers and businesses to achieve equal economic benefits. Article 13.4 on Multilateral Labor Standards and Agreements, states that "Each Party reaffirms its commitment, consistent with its obligations under the ILO and the ILO Declaration on Fundamental Principles and Rights in the work place and follow-up actions, adopted by the International Labor Conference at its 86th session in 1998, in particular:

(a) Freedom in association and substantive recognition of the right to collective bargaining;

(b) end all forms of forced or compulsory labor;

(c) effectively eliminate child labor; and

(d) end discrimination in employment and occupation, etc.

Each Party shall: (i) Continue and sustain efforts to ratify fundamental ILO conventions; (ii) consider the adopting other conventions classified by the ILO as appropriate for the time being, taking into account domestic conditions; (iii) exchange information with the other Party regarding the ratification referred to in subparagraphs (i) and (ii). Each Party reaffirms its commitment to the effective implementation of its domestic laws and regulations and to the ILO Conventions ratified by Viet Nam and the European Union member states.

In addition to regulations on labor standards, the EVFTA Agreement has other commitments related to labor, most of which are recommended (optional) commitments on improving labor working conditions, cooperation among member countries on the EVFTA Agreement in the field of labor. However, there are some mandatory commitments such as establishing a mechanism to implement the Labor Chapter, providing a separate process for countries to consult with each other to resolve problems related to the implementation of the Chapter on Labor.

Vietnam's policy adjustment according the EVFTA Agreement

Vietnam's adjustment of the legal framework on labor

The commitments on labor and trade unions in the EVFTA Agreement have basically been finalized into Vietnam's labor legal system. New legal documents provide better protection of basic labor rights and principles, including non-discrimination and gender equality, the abolition of forced and child labor, collective bargaining and freedom of association. Specifically, the Labor Code is in line with the 8 fundamental ILO Conventions and complies with the 4 basic labor standards contained in the ILO Declaration on Fundamental Rights and Principles in the Workplace (1998). Vietnam's 2019 Labor Code comes into force from 2021, marking a new step in the process of modernizing the governance of the labor market system in Vietnam, demonstrating the Government's efforts in building a favorable legal environment for sustainable business and economic development. The 2019 Labor Code meets the requirements of the EVFTA Agreement. The revised regulations relate to three basic groups of labor standards, including freedom on association and collective bargaining; ensure equality and non-discrimination in labor; protect juvenile workers and eliminate child labor.

Vietnam's policy on the right to freedom on establishment, participation in representative organizations, exercise of the right to collective bargaining

An important commitment in the EVFTA Agreement is to comply with and ensure the implementation of international labor standards. The right to freedom of association has been noted in the Constitution of Vietnam since the founding of the country. For example, in the 2013 Constitution' in Article 25, freedom of association is also recognized as a basic right of citizens. Vietnam has almost all kinds of legal documents to implement the right to freedom of association as Laws, Ordinances, Circulars, Decrees, Regulations, Regulations, Directives and Collective Labor Agreements; correspondingly, there are regulations on the rights and responsibilities of the parties related to trade union rights.

The 2019 Labor Code has fundamentally improved a number of issues related to employees and employers, in which the employer's interference in the operation of the labor representative organization is prohibited. Besides, for the first time, Vietnam legalized the role of Vietnam Chamber of Commerce and Industry (VCCI), the Union of Vietnam Cooperative Alliance and other representative organizations of employers in representing, protecting legitimate rights and interests, and participating in building progressive, harmonious and stable labor relations; Vietnam expanded the employer's right to unilaterally terminate the labor contract; Employers are entitled to enter into multiple definite-term labor contracts for elderly employees and foreign workers.

Regarding wages, the State does not directly intervene in the salary policy of enterprises. Wages are made on the basis of negotiation and agreement between the parties. Enterprises are proactive in making salary scales, salary tables and labor norms. The Labor Code stipulates many new points on dialogue at the workplace, collective bargaining agreements related to employees, employers and representative organizations. Vietnam is committed to allowing employees the right to establish representative organizations at enterprises. This organization, after being established by itself, has two options, one is to voluntarily join the Vietnam General Confederation of Labor System, the other is to register with the Ministry of Labor, War Invalids and Social Affairs (MOLISA) to be independent.

One of the important new points in the Labor Code is allowing the establishment of workers' organizations at enterprises out of the Vietnam Trade Union in order to promote and improve the effectiveness in the employment relationship. This is also a step forward of the State in fulfilling its obligations under the ILO Convention (Convention 98)[1], the Convention on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR, 1966) and labor commitments in the EVFTA Agreement. In fact, Vietnamese businesses are implementing commitments on labor and trade unions in the EVFTA Agreement, allowing workers to freely establish and join organizations representing workers, exercise their collective bargaining.

Vietnam's policy adjustment on the elimination of discrimination at work

Vietnam has acceded to Convention 98 in order to demonstrate its political determination, in line with the Party's guidelines and State's policies on international integration in the fields of labor and trade unions.

The new Labor Code has expanded the scope of work for which workers allowed to strike, adding provisions on forced labor, and provisions on anti-discrimination in the workplace. This is a fundamental and comprehensive amendment and supplement, making Vietnam's labor law system more in line with the principles of the socialist-oriented market economy, adapting to the latest developments in the field of international labor standards.

So, implementing the commitments in the EVFTA Agreement and complying with the provisions of the law shows that, Vietnam is actively implementing international labor standards. Vietnamese businesses are gradually reducing discrimination in recruitment, employment and income [Trần Thị Bảo Khanh 2022].

Vietnam's actual implementation of labor commitments

Building a harmonious, stable and progressive labor relationship in the working environment

Vietnam's state management is showing special close attention to employees and trade unions. Besides many businesses are aware of their social responsibility in taking care of employees' lives. Enterprises are having better implementation of the labor law.

[1] ILO Convention 98 on the prevention of discrimination, interference and manipulation of trade unions and the promotion of effective and substantive voluntary collective bargaining.

The Trade union organization is doing better and better at protecting the legitimate rights of workers at the grassroots. When employees have problems, the Trade union has researched, recorded and proposed with enterprises to solve together. At the same time, trade unions at all levels, especially the Vietnam General Confederation of Labor, held orientation conferences and training on ways to reduce work stoppages and strikes. When there are cases and pressing concerns still lurking, the trade union has coordinated with the employer to solve together and create a harmonious labor relationship. To do this, trade unions at all levels have actively increased awareness among workers, thereby helping them better understand their rights and responsibilities in labor relations. Thereby, employees can limit unnecessary conflicts in the workplace. As a result, work stoppages and strikes throughout the country tended to decrease. According to statistics of the Vietnam General Confederation of Labor, the number of strikes in Vietnam has decreased continuously in recent years, from 329 in 2017, 214 in 2018, 120 in 2019. In the first 2 months of 2022, Vietnam has about 30 strikes — less than the same period in 2021 (35 strikes) [Phan Dương, Đức Hùng 2022].

Vietnam minimizes child labor illegally

The fact that children have to work early has been causing severe consequences, affecting their harmonious development, hindering their access to and enjoyment of appropriate education. This hinders the preparing a better future for children, loses children's rights and negatively impacts socio-economic development, especially the quality of human resources in the future.

The fact that businesses use child labor leads to the risk of orders being cut or removed from the global supply chain, increasing the cost of recruiting replacements, reducing reputation and making it difficult to attract investors.

At the international conference on international commitments related to the prevention and elimination of child labor on May 27, 2022, presentation of Deputy Minister of Labor — Invalids and Social Affairs Nguyen Thi Ha showed that, the rate of child labor in Vietnam is not high and decreases over the years. The national survey on child labor shows that the percentage of child labor in Vietnam decreased from 15.5 % (in 2012) to 9.1 % (in 2018) [Hà Quân 2022].

In general, Vietnam has relatively fully developed regulations to protect and care for children, in accordance with international law. Vietnam is the first country in Asia and the second in the world to ratify the United Nations Convention on the Rights of the Child. Viet Nam has also ratified ILO Convention No. 182 on "Prohibition and Immediate Action to Eliminate the Worst Forms of Child Labor" [Quyết định số 169/QĐ-CTN], ILO Convention No. 138 on the minimum age for work [Công ước số 138].

The solutions of the Government of Vietnam include universalization of general education, illiteracy eradication, support for ethnic minority children, children with disabilities, children in poor households and special circumstances; strengthen policies on social security and poverty reduction; minimize the negative impact of the COVID-19 epidemic. On December 1, 2021, the Ministry of Labor, War Invalids and Social Affairs of Vietnam, the International Labor Organization (ILO) and the United Nations Children's Fund (UNICEF) coordinated to organize the implementation of the Program to prevent and reduce Minimizing child labor illegally in the period 2021—

2025, with a vision to 2030. The program aims to rapidly reduce the rate of child labor in the coming time, specifically reducing the rate of child labor children aged 5—17 years old from under 4.9 % (by 2025) to 4.5 % (by 2030) [An Linh 2021].

Some legal provisions are not consistent with international labor standards and commitments in the EVFTA Agreement

Regarding the concept of collective labor dispute (CLD), referencing the laws of some countries, the concept of collective labor dispute is regulated in different ways [Trần Hoàng Hải 2011]. According to the ILO [ITC 2013:18], a labor dispute over rights is a disagreement between a person or employees and their employer regarding a violation of "existing" rights prescribed by the law, the labor contract; and when the negotiation fails, the labor dispute over benefits related to the "future" rights and obligations do not reach the agreement on terms and conditions. Disputes over benefits are often collective.

Vietnam's law also has similarities and stipulates in a way that clearly distinguishes individual labor disputes, the collective labor dispute over rights, and the collective labor dispute over benefits. Article 179 of the 2019 Labor Code stipulates a fairly broad general concept of labor disputes[1]. The inclusion of the "Employer's Representative Organization" as a subject in one party of collective labor dispute, in line with other new points of the 2019 Labor Law, regarding the right to establish and join a representative organization of employees at the grassroots and to be compatible with provisions on Collective bargaining Agreement. However, in the concept of collective labor dispute, the 2019 Labor Law omits a subject on the employees' side which is the "labor collective". The regulation of collective labor dispute that requires employees to have a representative institution to be able to identify the collective labor dispute is an inadequacy in policy making and law implementing[2]. Simply, the concept of "labor collective" is not synonymous with the concept of "employee representative organization". According to the jurisprudence dictionary: "labor collective" is "a collection of employees who have a relationship with each other within a certain scope of employment" [Ministry of Justice 2006: 694]. This content does not imply the nature of a representative organization and in fact there is always a labor collective without a representative organization. The application of the concept of collective labor dispute that only the employee's party is the representative organization raises a number of problems as follows:

— In case there is a dispute between a group of employees without a representative organization, it will not be identified as a collective labor dispute and as such, it will have to be resolved according to individual labor dispute settlement procedures. If the number of employees is large, it will also be inadequate for the resolution of individual

[1] Point b, Clause 1, Article 179 of the 2019 Labor Code is: "Disputes over rights or interests between the labor collective or one or more representative organizations of employees and the employer or one or more representative organizations of the employer".

[2] Clause 3, Article 3 of the 2019 Labor Code. Regulations on the concept of "Employees Representative Organization". The content includes an explanation of "Employee Representative Organization" and "Employee Representative Organization at the grassroots".

labor disputes. This case is also common because many enterprises do not have employee representative organizations.

— In case there is a dispute between the collective of employees who are members of the representative organization of workers at a business unit, but for some reason this organization does not represent them or has contrary point of view to the labor collective, it can only be resolved according to each individual labor dispute case.

In case there is a dispute over a labor issue of many labor collectives of many business units (for example, dispute over working conditions, disease prevention in industrial parks, export processing zones...) and are not represented by the representative organizations of workers in business units, although the dispute is large-scale, it is still not identified as a collective labor dispute. It is completely inappropriate to deal with each individual labor dispute [Nguyễn Thu Ba 2022].

The reality in Vietnam has also clearly reflected the above-mentioned shortcomings. For example, in mid-December 2021, more than 400 workers working at Asia Garment Co., Ltd. Branch, Dong Hung Thuan Ward, District 12, Ho Chi Minh City stopped working collectively to demand payment of wages and social insurance debt recovery. Without the participation of grassroots representative organizations, state agencies had to guide workers to initiate lawsuits. Dispute on December 20, 2021 of more than 200 workers of Chan Kiet Joint Stock Company, Ben Cat town, Binh Duong province about the settlement of dossiers of entitlement to epidemic support policies is also the case without the role of the grassroots representative organization, and as the result, Binh Duong Provincial Labor Confederation must coordinate with the authorities to solve this case.

Inadequacies in the provisions of the law on the use of child labor in Vietnam

About the minimum age to join the labor force. The minimum age is the basic standard of labor law, which has been defined in ILO Convention No. 138, a floor age of not less than 15 or not less than the age at the end of the compulsory education program (Clause 3, Article 2). The minimum age in Vietnam's 2019 Labor Law is 15 years old (Clause 1, Article 3), completely in line with international standards, however, there is no specificity for the types of jobs that are allowed to use young workers and prohibit the use of child labor according to ILO standards.

Regarding the working time and rest time of child labor. Regarding working hours, the Vietnam's 2019 Labor Law still maintains the regulations on the duration of no more than 04 hours/day and 20 hours/week for employees under 15 years old. Employees from 15 years old to under 18 years old are allowed to work no more than 08 hours/day and 40 hours/week (Article 146). Regarding overtime, the 2019 Labor Law stipulates that juvenile workers from 15 to 18 years old are allowed to work overtime and work at night for some jobs as prescribed by law (Clause 2, Article 146). However, ILO Recommendation No. 146 on the minimum age for employment prohibits overtime work for child labor because of the time for education, rest and other activities (Paragraph 13). Thus, Vietnam's law is not compatible with international conventions on this provision. Regarding rest time, currently there is no separate regulation for child labor.

About the list of occupations banned from using child labor. Circular No. 09/2020 stipulates the list of jobs that harm the physical, intellectual and personality

development of a child labor (69 jobs) in Appendix III; the list of harmful workplaces to the physical, intellectual and personality development of adolescents (06 locations) in Appendix IV. It can be seen that this Circular has added many jobs and groups of jobs that are prohibited from using child workers compared to Circular No. 10/2013/TT-BLDTBXH dated June 10, 2013 (promulgating the List of jobs and workplaces that prohibit the employment — adolescents, especially those in the heavy industry, chemicals, traditional craft villages, the private sector and the home economy where the labor status are complicated). However, Circular No. 09/2020 has not yet stipulated that a number of occupations in the fisheries and agriculture sectors are assessed as dangerous due to the use of equipment and machinery lacking occupational safety standards, including: heavy and toxic factors such as plowing, harrowing, etc. in the field of agriculture. In addition, in Section 35, Appendix III of Circular No. 09/2020 on the list of jobs that damage the physical, mental and personality development of adolescents, stipulates jobs on seagoing ships but It has not been clarified whether fishing and seafood processing are included because this is also considered a heavy and dangerous job for underage workers.

On inspection and handling of violations in the use of child labor. Vietnam still follows the unified labor inspection model, which means there is no specialized inspection of juvenile workers. The Inspector of Labor — Invalids and Social Affairs is in charge of all issues related to labor, including juvenile workers. Meanwhile, currently, two-thirds of the total number of children working in 21 jobs, in the fields of agriculture — fishery, services and industry, are small-scale business areas, which are less-examined. In addition, current sanctioning measures applied are mostly administrative measures, because it is very difficult to determine the cruel treatment of people. The 2015 Penal Code stipulates the examination of penal liability for those who employ people under 16 years old to do heavy, dangerous and hazardous jobs, but underage employees according to the 2019 Labor Law are under 18 years old. Thus, the criminal law has "left open" the sanctioning mechanism for employers from 16 to under 18 years old to do the above jobs. Moreover, the level of fines for violations is a small amount of money, not enough of a deterrent.

Some key solutions to ensure Vietnam's implementation of labor commitments in the EVFTA Agreement

In the coming years, the EVFTA Agreement will enter a period of deep tax reduction. Therefore, in order to make good use of the incentives to promote the export of goods to the markets of the EVFTA member countries, Vietnam needs to implement a number of key solutions to ensure the implementation of labor commitments in this agreement:

(1) *Amend and supplement inadequacies in the legal system on labor relations* in order to well implement the commitments specified in the EVFTA Agreement such as finalizing the state management institutions on Vietnam's labor relations in general and child labor in particular; perfecting the state management of institutions representing the employees and the employers, perfecting the state management of the institutions

dealing with labor relations; regarding child labor, requiring suppliers to commit to using legally aged workers... For small business households, the authorities need to specify the level of fines and the cases of criminal penalties to change people awareness.

(2) *Focus on developing human resources and trade unions* to ensure the implementation of commitments in the EVFTA Agreement: Innovating methods of gathering workers; Expand the members; Strengthen the management, training and retraining of trade union officials in a professional manner.

(3) *Strengthening information updates for Vietnamese businesses and workers*: Disseminate information on the comprehensive and specific impacts of the implementation of labor commitments in the EVFTA Agreement; about changes in labor law policies and practices of implementing labor commitments.

(4) *Proactively respond to and resolve disputes and labor-related issues*: Consolidate arbitration and mediation organizations and improve their operational capacity.

(5) *International cooperation*: Strengthen and promote cooperation with the ILO in impact assessment and implementation of ILO Basic Conventions in Vietnam; strengthen cooperation with many countries to detect and timely intervene in manifestations of human trafficking, including child trafficking and child labor.

(6) Enterprises and employers say no to child labor and recommend that the labor recruitment process be strict, especially the verification of documents; make use of social networks to estimate human resources;

(7) For the sake of sustainable development and ensuring the quality of the future workforce, in order for the legal system on child labor to be effectively implemented through strengthening the inspection and examination system, two types of monitoring can be built are following:

— Competent state agencies: Build a team of labor inspectors with their own inspection process on types of child labor. At the same time, training to improve the professional qualifications of inspectors and expand their authority on the enforcement of sanctions such as the right to administratively fine the use of child labor in the workplace.

— Grassroots supervision mechanism: due to the fact that, in Vietnam, informal sector with a high proportion of child labor is often less controlled, it is necessary to build a monitoring team from the people themselves to promptly detect and denounce acts of using child labor. This surveillance force can be highly effective because of its timeliness and low operating costs.

Conclusion

With 16 FTAs being implemented and negotiated, Vietnam has built a free trade framework with nearly 60 countries, affirming its consistent policy of continuing economic renewal, international integration and supporting trade liberalization in an open, transparent and rules-based manner. The implementation of labor commitments in the EVFTA Agreement will contribute to improving working conditions, reproducing labor power and improving the quality of Vietnamese human resources.

The revised Labor Law was approved by the National Assembly of Vietnam on November 20, 2019, playing an important role in paving the way for the implementation of Vietnam's commitments on labor while the Labor Law of 2012 has some provisions that are not compatible with the basic principles and rights in labor according to the 1998 Declaration of the International Labor Organization.

It can be said that the promulgation of the revised and supplemented Labor Law in 2019 on the one hand shows the serious attitude and effective implementation of Vietnam's commitments in the agreements, and at the same time creates an Open, transparent and close to international standards as a solid foundation for international integration.

Vietnam's implementation of labor commitments in the EVFTA Agreement will certainly be further adjusted to achieve the highest conformity with international regulations.

References

An An (2023). Nhìn lại Hiệp định EVFTA sau gần 3 năm thực thi [Looking back at the EVFTA after nearly 3 years of implementation]. 24.05. URL: https://moit.gov.vn/tin-tuc/thi-truong-nuoc-ngoai/nhin-lai-hiep-dinh-evfta-sau-gan-3-nam-thuc-thi.html. (In Vietnamese)

An Linh (2021). Tình trạng lao động trẻ em để lại hậu quả nặng nề [Child labor has severe consequences]. *Dân trí*, December 1. URL: https://dantri.com.vn/an-sinh/tinh-trang-lao-dong-tre-em-de-lai-hau-qua-nang-ne-20211201163325096.htm. (In Vietnamese)

Công ước số 138 về tuổi tối thiểu được đi làm việc Thông qua ngày 26/7/1973, Việt Nam phê chuẩn ngày 24/6/2003 [Convention No. 138 concerning the Minimum Age for Admission to Employment Adopted on 26 July 1973, Vietnam ratified on 24 June 2003]. URL: https://tulieuvankien.dangcongsan.vn/ho-so-su-kien-nhan-chung/luat-quoc-te/cong-uoc-so-138-ve-tuoi-toi-thieu-duoc-di-lam-viet-thong-qua-ngay-2671973-viet-nam-phe-chuan-ngay-2462003-137. (In Vietnamese)

Hà Quân (2022). Tỉ lệ lao động trẻ em ở Việt Nam giảm theo từng năm [Ha Quan. Child labor rate in Vietnam decreases year by year]. *Tuổi Trẻ Online*, May 27. URL: https://tuoitre.vn/ti-le-lao-dong-tre-em-o-viet-nam-giam-theo-tung-nam-20220527142020847.htm. (In Vietnamese)

International Training Center (ITC) (2013). System for the prevention and resolution of labor disputes — a guide to improving operational efficiency.

Marslev, K., Staritz, C. (2023) Towards a stronger EU approach on the trade-labor nexus? The EU-Vietnam Free Trade Agreement, social struggles and labor reforms in Vietnam. *Review of International Political Economy*, 30 (3): 1125—1150. DOI: https://doi.org/10.1080/09692290.2022.2056903

Ministry of Justice, Institute of Legal Sciences (2006). Jurisprudence Dictionary.

Nguyễn Chiến Thắng, Đinh Mạnh Tuấn (2021). Thực thi Hiệp định thương mại tự do Việt Nam — Liên minh châu Âu: Những tín hiệu ban đầu [Nguyen Chien Thang, Dinh Manh Tuan. Implementation of the Vietnam-EU Free Trade Agreement: Initial signals]. *Tạp chí Cộng sản* [*Communist Review*], 23.05. URL: https://www.tapchicongsan.org.vn/web/guest/kinh-te/-/2018/822110/thuc-thi-hiep-dinh-thuong-mai-tu-do-viet-nam---lien-minh-chau-au--nhung-tin-hieu-ban-dau.aspx. (In Vietnamese)

Nguyễn Thu Ba (2022). Bất cập trong qui định về khái niệm tranh chấp lao động tập thể [Nguyen Thu Ba. Inadequacies in regulations on the concept of collective labor disputes]. *Tạp chí Lao động Xã hội*, March 9. URL: http://laodongxahoi.net/bat-cap-trong-qui-dinh-ve-khai-niem-tranh-chap-lao-dong-tap-the-1322764.html. (In Vietnamese)

Nguyễn Tuấn Việt, Ngô Văn Vũ (2020). Hiệp định thương mại tự do Việt Nam-EU: Tác động đến doanh nghiệp nhỏ và vừa Việt [Nguyen Tuan Viet, Ngo Van Vu. Vietnam-EU Free Trade Agreement: Impact on Vietnamese SMEs]. URL: https://vass.gov.vn/nghien-cuu-khoa-hoc-xa-hoi-va-nhan-van/Hiep-dinh-thuong-mai-tu-do-9731/08/2020. (In Vietnamese)

Phan Dương, Đức Hùng (2022). Phía sau những cuộc đình công ở miền Trung [Phan Duong, Duc Hung. Behind the strikes in the Central region. *VnExpress*, February, 19. URL: https://vnexpress.net/phia-sau-nhung-cuoc-dinh-cong-o-mien-trung-4428821.html. (In Vietnamese)

Phan Thu Trang, Tran Xuan Hiep, Do Thi Tho, Tran The Tuan (2023). Impact of the EU: Vietnam Free Trade Agreement (EVFTA) on Agricultural Product Export Enterprises in Vietnam. *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*, 12(1):117.

Quyết định số 169/QĐ-CTN của Chủ tịch nước ngày 17/11/2000 về việc phê chuẩn Công ước 182 của TỔ chức Lao động Quốc tế [Decision No. 169/QD-CTN of the President dated 17/11/2000 on ratification of Convention 182 of the International Labor Organization]. URL: https://tulieuvankien.dangcongsan.vn/ho-so-su-kien-nhan-chung/luat-quoc-te/cong-uoc-so-182-ve-viec-cam-134. (In Vietnamese)

Trần Hoàng Hải (Chủ biên) (2011). Pháp luật về giải quyết tranh chấp lao động tập thể: Kinh nghiệm của một số nước đối với Việt Nam [Tran Hoang Hai (ed.) Law on collective labor dispute settlement — experiences of some countries towards Vietnam]. Hanoi, Nxb. Thế giới. (In Vietnamese)

Trần Thị Bảo Khanh (2022). Thực thi các cam kết về lao động, công đoàn trong CPTPP và EVFTA: thực trạng và giải pháp [Tran Thi Bao Khanh. Implementing commitments on labor and trade unions in the CPTPP and EVFTA: current situation and solutions]. *Tạp chí Công Thương* [*Industry and Trade Journal*], 5, March. (In Vietnamese)

Trần Tuấn (2019). Hiệp định Thương mại tự do Việt Nam-EU: Nâng tầm hội nhập kinh tế quốc tế của Việt Nam [Tran Tuan. Vietnam-EU Free Trade Agreement: Enhancing Vietnam's international economic integration]. *Tạp chí Tuyên giáo* [*Propaganda Magazine*], 04.07. URL: https://tuyengiao.vn/hiep-dinh-thuong-mai-tu-do-viet-nam-eu-nang-tam-hoi-nhap-kinh-te-quoc-te-cua-viet-nam-128236. (In Vietnamese)

Дата поступления статьи: 14.04.2024
Дата поступления в переработанном виде: 10.07.2024
Принята к печати: 18.08.2024

Received: April 14, 2024
Received in revised form: July 10, 2024
Accepted:August 18, 2024

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

DOI: 10.54631/VS.2024.83-636572

А.Л. Федорин

Реформы правителя Дайвьета Чинь Кыонга и их негативные последствия

Аннотация. Тюа Чинь Кыонга, фактического правителя Северного Вьетнама в начале XVIII в., в историографии принято считать активным реформатором, стремившимся навести порядок во вьетнамском обществе, добиться его стабильности и устойчивого развития. Всю же вину за последовавшие затем ожесточённые гражданские войны принято сваливать на его преемника тюа Чинь Зянга (прав. в 1730—1740 гг.), который отошёл от линии своего отца и перестал заниматься социально-экономическими вопросами. В статье на основе данных первоис-точников содержится предметный анализ реформ, проведённых Чинь Кыонгом, и доказывается, что по существу именно они стали одной из причин масштабного и долгосрочного социального кризиса в стране в середине XVIII в., которые едва не привёл к падению режима дома Чинь.

Ключевые слова: история Вьетнама в новое время, Чинь Кыонг, экономичесие реформы, система налогообложения, ситуация в деревне.

Автор: Федорин Андрей Львович, д. и. н., в. н. с., Центр изучения культуры Китая, ИКСА РАН. ORCID: 0000-0003-0336-0055. E-mail: ffeedd@list.ru

Для цитирования: *Федорин А.Л.* Реформы правителя Дайвьета Чинь Кыонга и их негативные последствия // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 3. С. 45—56.

A.L. Fedorin

The Reforms of the Ruler of Dai Viet Trinh Cuong and Their Negative Consequences

Abstract. Chua Trinh Cuong, the de facto ruler of Northern Vietnam at the beginning of the 18th century, is considered in historiography to be an active reformer who sought to establish order in Vietnamese society, achieve its stability and sustainable development. All the blame for the subsequent brutal civil wars is usually placed on his successor, Chua Trinh Giang (ruled 1730—1740), who departed from his father's line and stopped dealing with socio-economic issues. The article, based on primary sources, contains a substantive analysis of the reforms carried out by Chinh Cuong, and proves that in essence they became one of the reasons for the large-scale and long-term social crisis in the country in the middle of the 18th century, which almost led to the fall of the Trinh regime.

Keywords: history of Vietnam in modern times, Trinh Cuong, economic reforms, tax system, situation in the village.

Author: Fedorin, Andrey L., D.Sc. (History), Leading Researcher, Chinese Culture Research Center, Institute of China and Contemporary Asia, RAS. ORCID: 0000-0003-0336-0055. E-mail: ffeedd@list.ru

For citation: Fedorin, A.L. (2024) The Reforms of the Ruler of Dai Viet Trinh Cuong and Their Negative Consequences. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (3): 45—56.

Введение

Правителя-*тюа* Дайвьета Чинь Кыонга (прав. в 1709—1730) наряду с императором Ле Тхань-тонгом (прав. в 1460—1497) и императором *Минь-мангом* (прав. в 1819—1841) можно отнести к трём государям-реформаторам, которые чрезвычайно ответственно относились к возложенной на них миссии и всю свою жизнь посвятили преобразованиям с целью создать идеальное общество, где все будут счастливы и довольны. Ни одного из них нельзя упрекнуть ни в безволии, ни в корысти, ни в небрежении своими обязанностями. Всем троим страна досталась в состоянии экономического подъёма, все они правили в редкие относительно мирные периоды её существования, когда мало что мешало реализации их планов. Власть их была абсолютной, так что принимать свои решения они могли, ни с кем не считаясь. Никто из них лично так и не увидел реальных негативных последствий своего целенаправленного и всестороннего вмешательства в экономическую и политическую жизнь страны из лучших побуждений (вот уж действительно — благими намерениями вымощена дорога в ад!), но правление каждого из них, казалось бы парадоксально, вскоре после их кончины приводило к тяжелейшим для Вьетнама последствиям: падение династии Ле Шо (1428—1527) у Ле Тхань-тонга, ожесточенные гражданские войны на протяжении десятилетий у Чинь Кыонга и французское завоевание и утрата Вьетнамом суверенитета у *Минь-манга*.

Почему же так складывалось? Что касается императора Ле Тхань-тонга, то автор свою версию происходивших в годы его правления изменений и их последствий уже изложил ранее [Полное собрание... 2002—2022, т. 6: 12—40]. Попробуем предпринять то же самое и в отношении Чинь Кыонга.

Для начала следует отметить, что активные социально-экономические реформы этого правителя до сих пор не стали предметом специальных глубоких исследований ни во Вьетнаме, ни за рубежом. Во всяком случае автору такие работы не известны. Между тем в обобщающих монографиях их оценка как прогрессивных и своевременных мероприятий, направленных на преодоление многочисленных сложностей, возникших в конце XVII — начале XVIII в. во вьетнамском обществе и экономике, издавна является общим местом и не подвергается сомнению. При этом Чинь Кыонга часто противопоставляют его «пассивному и равнодушному» предшественнику Чинь Кану, который якобы и завёл страну в тупик. В качестве примера можно привести материалы посвящённой этому правителю специальной конференции 2010 г. [Chúa Trịnh Cương 2010] или написанный Д.В. Деопиком раздел в «Новой истории Вьетнама» [Новая история... 1980: 44—59].

Чинь Кыонг (09.07.1686—08.01.1730) был правнуком своего предшественника *тюа* Чинь Кана (прав. в 1682—1709 гг.), внуком его старшего сына Чинь Виня, вторым сыном его старшего внука Чинь Биня. Это был четвертый официально назначенный Чинь Каном наследник, получивший это место в 1704 г. в возрасте 18 лет после поочередной смерти трёх своих предшественников, включая родного деда и отца. Произошло это назначение благодаря активному содействию его учителей и покровителей Данг Динь Тыонга (1649—1735) и Нгуен Куи Дыка (1648—1720), занимавших в те годы высшие посты в государственном аппарате страны и настоявших на этом выборе. К власти он пришёл после смерти прадеда в 1709 г. уже вполне зрелым (23 года) мужчиной и, судя по всему, был вполне самостоятелен в планировании и принятии своих решений, хотя его высокопоставленные покровители продолжали оставаться при нём, находясь на высоких должностях. Что же так не понравилось Чинь Кыонгу в обществе принятой им в управление страны? Что заставило его пойти на радикальные изменения, в короткие сроки буквально взорвавшие весь Дайвьет, вполне себе спокойно существовавший при его предшественнике? Зачем этот вполне разумный, хорошо образованный и в целом прозорливый человек пошел на всё это, не считаясь с рисками?

Сущность реформ Чинь Кыонга

Всё дело в том, что помимо вполне очевидных положительных результатов, которые принесло для страны постоянное налогообложение и другие нововведения времен Чинь Кана в виде стремительного экономического роста и устойчивого высокого уровня благосостояния существенной части населения (об этом см. [Рябинин 2022, Федорин 2023]), в обществе стали назревать проблемы совсем иного характера, связанные с этими реформами. Практически полный отказ государства от вмешательства во внутренние дела общин запустил в них стремительные процессы разложения и трансформации. Пользуясь своими позициями, богатые семьи стали концентрировать в своих руках существенную часть подконтрольных общине земель, неважно, к какой категории (общинные, частные, храмовые и т. д.) они относились. Будучи не в состоянии обрабатывать крупные наделы силами лишь своей семьи, они создавали на их основе поместья, используя в них труд беглых крестьян из других общин, которые, помимо прочего, таким образом уходили от уплаты подушного налога и всех остальных сборов. В результате оказывалось, что материальное положение батраков было существенно лучше, а защищённость — существенно выше, чем у независимых общинников, продолжавших тянуть свою лямку.

Быстрый рост населения создавал в деревнях его существенную избыточную массу, и если раньше был вполне надёжный клапан, позволяющий снимать излишнее демографическое давление (знаменитый «поход на юг» вьетнамского народа), то в конце XVII — начале XVIII в. он был перекрыт в связи с открытой враждой между северными (Чини) и южными (Нгуены) районами: граница усилиями как северян, так и южан была перекрыта, и массовая миграция на юг оказалась невозможной. Выделяемые в рамках общин её рядовым членам зе-

мельные паи становились всё меньше. До голода в обычные годы пока не доходило, но любой неурожай грозил обернуться катастрофой и зачастую ею и оборачивался. Дело в том, что Вьетнам в связи со сложными климатическими условиями в целом был зоной рискованного земледелия. Данное обстоятельство компенсировалось высокопродуктивным заливным рисоводством, которое позволяло в благоприятный сезон собрать урожай, которого хватало на два—три года, чтобы в будущем пережить любые неблагоприятные климатические и иные аномалии. Но при наличии избыточного населения излишек зерна был много меньше, что и приводило к негативным последствиям. Рост населения нёс и вполне очевидные социальные угрозы. В деревне появилось большое число вполне здоровых, активных и работоспособных мужчин, которым нечем было себя занять и которые не видели для себя каких-то жизненных перспектив. При этом они не являлись люмпенами или изгоями и были готовы ради получения каких-то новых возможностей на многое (в дальнейшем именно они, а не обездоленные голодающие и составили социальную базу повстанческих армий в ходе массовых мятежей в 30—50-е годы XVIII в.). Все эти потенциальные угрозы пока ещё носили скрытый характер и активно сдерживались всем довольной общинной верхушкой, но для многих (в том числе, видимо, и для Чинь Кыонга) состояние «закупоренного кипящего котла», готового вот-вот взорваться, в которое постепенно впадало вьетнамское общество, было очевидным.

Чинь Кыонг явно действовал по чёткому плану. Его шаги были жёсткими и последовательными. Указы издавались один за другим, иногда сразу по нескольку даже не в один месяц, а в один день. Первой жертвой его реформ как раз и стали пресловутые частные поместья, использовавшие труд батраков из числа беглых крестьян, которые были умело замаскированы в рамках отдельных общин. Уже через два года после прихода к власти нового правителя (1711 г.) было предложено в трёхмесячный срок их все ликвидировать под страхом крупных штрафов для владельцев и уголовного преследования для управляющих. При этом из текста указа [Ngô Cao Lãng 1995: 169] явно следовало, что фактическими собственниками названных поместий в большинстве своём были высокопоставленные гражданские чиновники, поскольку именно они должны были платить самые большие штрафы.

В том же году были предприняты первые шаги по ликвидации постоянного налогообложения. В соответствии с указом отныне вновь вводились обязательное перераспределение общинных земель (один раз в шесть лет) и пересчёт податных не силами представителей общинной верхушки, а государственными чиновниками, отвечающими за сбор налогов, или чиновниками, которым налоги с общин передавались в качестве жалованья. Соответствующие реестры должны были подаваться в государственные учреждения. Контроль за справедливым распределением земельных паёв, а также соблюдением всех норм и привилегий также изымался из ведения общины. Исключалась практика передачи за деньги другим общинникам права обрабатывать чьи-то участки общинной земли. Если это происходило на основании ещё действующих договоров, то они прекращались с выплатой пострадавшей стороне в целом мизерной компенсации (2 *куана* за 1 *мау* земли). Важно отметить, что в земельный реестр требовали внести все земли,

включая частные, хотя налог на них по-прежнему пока не ввели. Этим явно создавали условия для их возможного налогообложения в будущем. Предусматривалась возможность для частичного пересмотра результатов распределения земли в промежутках между генеральными переделами, проводимыми один раз в шесть лет, чтобы учитывать естественную убыль общинников и достижение молодежью положенного возраста. Привлечение государственных чиновников к переделам земли и учёту населения порождало новые расходы общины, связанные с необходимостью содержать их во время соответствующих командировок и выплачивать им вознаграждение [Там же: 170—175[1]].

В 1712 г. подготовка к проведению реформ была продолжена: Министерству финансов было предложено в кратчайшие сроки создать полный реестр населения и всех сельскохозяйственных земель страны по категориям в каждом из уездов каждой провинции и представить полученные сведения двору [179]. Уже в следующем году эта работа была завершена [190].

Государство получило полную информацию о населении и земельных угодьях всей страны, которая ранее в условиях постоянного налогообложения была особо и не нужна. Почва для отмены подобного вида обложения была полностью готова. Но его не отменяли ещё долгие семь лет. Связано это было, по-видимому, с позицией Нгуен Куи Дыка и Данг Динь Тыонга, которым Чинь Кыонг был всем обязан. Эти два высокопоставленных чиновника, которые, как уже отмечалось, были «учителями и покровителями» Чинь Кыонга, судя по всему, справедливо опасались непредсказуемых последствий и негативной реакции населения. И то, что принятие окончательного решения по проведению реформы в 1719 г. по времени совпало с их выходом в отставку (соответственно в 1717 и 1718 гг.) и приходом к руководству страной (формально чуть позже, в 1720 г.) нового молодого поколения политиков во главе с Нгуен Конг Хангом (1680—1732) и Ле Ань Туаном (1671—1736), вряд ли можно считать случайным. Как бы то ни было, но в десятой луне 1719 г. соответствующий указ вышел:

«...При прежних правителях, испытывавших глубокое отвращение к древним установлениям об отборе в соответствии с надоевшими цифрами, установили уравнительные правила: прирост не учитывать, в случае уменьшения — не вычитать. С тех пор прошло уже более пятидесяти лет. За это время население росло или уменьшалось неравномерно, однако изначальные нормы оставались такими же, как и ранее. Многим оказывается [несправедливое] предпочтение, [другие] покорно нищают. В связи с этим собрал придворных, чтобы обсудить замыслы, каким образом спасти людей и отнестись к ним бережно. Все сказали, что в отношении всех земель Поднебесной, не обращая внимания, частные они или общинные, надо провести инспекцию и обмер и установить нормы налогообложения, соотнеся их с количеством податных. Сделать это обычным правилом. Тем самым запасы у бедных и богатых станут одинаковыми, лёгкость и тяжесть [налогообложения] сравняются. Сделать это навечно основополагающим постоянно действующим законом. Поскольку мнения всех совпали, это нужно произве-

[1] Здесь и далее страницы даются по изданию: *Ngô Cao Lãng*. Lịch triều tạp kỷ. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội, 1995. 695 tr.

сти. Следует понять, что осуществление этого закона лишь исправляет пороки нашего времени и основывается на неотложной необходимости, а вовсе не является стремлением к произвольным переменам, чтобы добиться заслуг вдвойне больше, чем у древних» [277—278].

Обращает на себя внимание тот факт, что ни этот указ Чинь Кыонга, ни документы, появлявшиеся до и после него, в отличие от аналогичных бумаг большинства его предшественников, не содержат обычные, пусть и лицемерные фразы о стремлении облегчить жизнь народа. Главную свою цель он определяет совершенно иначе: сделать так, чтобы налоги и повинности, даже оставаясь тяжёлыми и в отдельных случаях неподъёмными, были справедливо и равномерно распределены между всеми без исключения. Более того, в одном из своих разъяснений, которые последуют через некоторое время, он и вовсе раскрыл свои «людоедские» планы. По его замыслу, если раньше власти планировали свой бюджет, основываясь на количестве налоговых поступлений, то отныне сначала будут определены размеры государственных расходов, а потом в зависимости от них будет утверждён размер налогообложения.

Уже в следующем, 1720 г. чиновникам уездов было приказано вновь заняться обмером земель [279]. У них на руках уже были результаты землемерных работ, завершенных восемь лет назад, в том числе и в отношении частных земель, так что укрыть от них что-либо стало весьма затруднительно. В 1721 г. вышел указ с требованием этот процесс максимально ускорить [294—295].

Окончательно постоянное налогообложение можно было считать ликвидированным в 1722 г., когда был принят указ о поземельном налоге и сборе *диеу* [322—325]. 1722 г. был урожайным, видимо, поэтому именно тогда решили объявить о столь непопулярной реформе. В соответствии с указом отныне этим налогом облагались все земли общин, выявленные в ходе регулярных их обмеров и переделов, проводимых казёнными чиновниками. Общий размер собираемого с общины налога отныне не был неизменным, но варьировался в зависимости от конкретных результатов обмеров. Этим налогом облагались все угодья, включая частные и храмовые, а также наносные земли вдоль рек. Ставка налога на общинные земли (8 *тиенов* в год с 1 *мау*) была ниже, чем раньше (12 *тиенов* [III-268]), однако повальное обложение всех площадей с лихвой компенсировало государству это снижение. Для земель, с которых собирали два урожая, и особо плодородной пашни в абсолютном значении (8 *тиенов*) налог был таким же, однако если с обычных земель рисом собирали одну треть (остальную — деньгами), то для этой категории была установлена норма в две трети, что явно свидетельствует о том, что рис в качестве налога крестьянам приходилось сдавать по ценам (3 *тиена* за одну корзину) ниже рыночных.

С храмовых и им подобных других «посвящённых» земель (например, приписанных к учебным заведениям) поземельный налог платили точно в тех же размерах, но шёл он не в доход государства, а на содержание соответствующих заведений.

Этим указом вьетнамское государство чуть ли не впервые в своей истории официально признало наличие в рамках общин частных землевладений и обложило их прямым налогом (2 *тиена* с 1 *мау* для обычных и 3 *тиена* для плодород-

ных земель и земель двух урожаев). Кстати, для их владельцев это было, по-видимому, не только приемлемо, но и выгодно: отныне риск их безвозмездного изъятия как незаконных был минимальным, они становились привлекательным объектом для инвестиций и законным предметом купли-продажи. При этом под налогообложение попали не только подобные земли внутри общин, но и даже наследственные наделы высокопоставленных чиновников, что регулировалось отдельным документом, вышедшим в том же 1722 г. [325—326]. От налогов были освобождены лишь относительно небольшие объемы пахотных угодий в зависимости от ранга (для чиновников 1-го ранга — 25 *мау*, 9-го ранга — 5 *мау*), а с остальных земель было приказано платить налоги как с частных.

Особые разделы указа регулировали налогообложение наносных земель. Судя по всему, доход, который они приносили своим владельцам, был изрядный, даже превышавший доход от посевов риса. С одного *мау* подобных земель стали собирать налоги листьями шелковицы (в пересчете на деньги на 1 *куан* и 3 *тиена*) и овощами (в пересчете на деньги на 6 *тиенов*), т. е. существенно большие в денежном эквиваленте, чем с заливных полей. Там, где овощей не выращивали, первую часть можно было выплатить шёлковой тканью (в пересчете на деньги на 8 *тиенов*), а вторую — деньгами. А там, где не росла шелковица, всю сумму можно было выплатить деньгами. Следует отметить, что эти нормы также были ниже, чем существовавшие ранее (2 *куана* и 1 *тиен* с одного *мау* [344]).

Отказ от постоянного налогообложения коснулся и подушного налога. Если раньше его норма составляла 1 *куан* 8 *тиенов* и 2 монеты с одного полноправного податного в год, то теперь её уменьшили более чем на треть, до 1 *куана* и 2 *тиенов* [344], но было это не некое давно зафиксированное абстрактное число, не имевшее отношения к текущему реальному количеству общинников, а пластичная норма, опиравшаяся на данные регулярных переписей населения и изменявшаяся сначала каждые шесть лет, потом (с конца 1724 г.) [364] — каждые три года, наконец (с начала 1726 г.) [386—387] — ежегодно: в любом случае всё равно платить приходилось значительно больше.

В целом вполне прогрессивными и отвечающими требованиям времени являлись положения этого указа, касающегося сбора *диеу*, который заменял собой обязательные ежегодные общественные работы для всех тягловых крестьян. Впервые его введение в новом виде было провозглашено ещё осенью 1721 г. [299], но окончательно его конституировали всё в том же указе о земельном налогообложении [322—325]. Отныне вместо общественных работ каждый выплачивал в казну местной администрации 1 *куан* и 2 *тиена* денег (по 6 *тиенов* 2 раза в год) и четыре чашки неочищенного риса. В случае необходимости проведения каких-то работ на эти деньги нанимали все тех же общинников, которые их и проводили. Таким образом, те, кто не нуждался в подобном заработке, будучи вполне занятыми другими, более выгодными для них делами, могли эти работы проигнорировать. И наоборот, многочисленные «лишние люди», у которых не было возможности найти для себя подходящее занятие на полный трудовой день в рамках общины, подключались к этим работам и могли не только вернуть свой взнос, но и заработать себе дополнительно на жизнь (заработная плата составляла примерно один *тиен* в день на человека [351—352]). При этом качество произ-

водимых работ было неизмеримо выше, чем при подневольном бесплатном, фактически рабском труде по принуждению. В следующем 1723 г. по поводу сбора *диеу* вышло ещё несколько указов, специально ему посвящённых, где все его особенности были подробно разъяснены [333—334, 335—336, 337—338].

В любом случае льготное постоянное налогообложение в 1722 г. навсегда ушло в прошлое. Налоговая нагрузка на все виды общин существенно выросла, и к ней добавилось уже подзабытое регулярное невольное общение с вороватыми мелкими чиновниками с их требованиями денег в кормление, на «тушь и кисточки» и т. д. Следует отметить, что создание полноценной сети контор-*фиен*, дублировавших названиями министерства, напрямую было связано именно с этими реформами. Все служащие этих контор (а набрать их пришлось очень много) вне зависимости от формального названия (Финансов, Общественных работ, Чинов и даже Ритуалов) были непосредственно задействованы в налоговых процессах. Содержание этих контор тяжким бременем легло и на государственный бюджет, и на общины, так что выгоды от изменения фискальной системы оказались не столь уж и значительными. В любом случае вьетнамским обществом эта реформа была встречена без всякого энтузиазма. В результате Чинь Кыонгу уже в 1723 г. пришлось обратиться с многословным разъяснением всей «справедливости и полезности» принятых реформ, чтобы хоть как-то успокоить этим общество [340—342].

В следующем 1724 г. государству пришлось пойти на введение серьёзных льгот для общин в Тханьхоа и Нгеане, наиболее сильно затронутых изменениями в связи с реформой налогообложения, а также для постоянных жителей столицы. Подушный налог в Тханьхоа и Нгеане был полностью отменён, а поземельный налог с общинных и частных земель сокращён в два раза. При привлечении к общественным работам местные жители получали компенсацию в размере 6 *тиенов*. В столице поземельный налог был сокращен до 6 *тиенов* с 1 *мау* с общинных и 2 *тиенов* с частных земель, и его дозволялось полностью выплачивать деньгами, а не зерном. Уменьшены были здесь и нормы подушного налога (до 8 *тиенов* с человека) и сбора *диеу* (до 4 *тиенов*). При этом пришлые люди в столице (а их было большинство) освобождались от двойного налогообложения по этим налогам и могли платить их только по месту основного жительства [352].

Результаты реформы в целом сочли всё-таки положительными, и в конце того же 1724 г. аналогичные нововведения, касающиеся подушного, поземельного налогов, сбора *диеу* и рекрутской повинности, были распространены и на северные провинции за пределами Дельты («внешние округа-*чан*») [366]. Подробности этого в хрониках, к сожалению, освещены не были.

Параллельно с земельной реформой стали проводить и военную, которая также оказала колоссальное влияние на ситуацию во вьетнамской деревне и обществе в целом. Эти мероприятия мы уже попытались проанализировать ранее [Федорин 2024], поэтому здесь лишь отметим их главное содержание: роспуск постоянно действующих регулярных подразделений профессиональных военных, находившихся под командованием высокопоставленных военных чиновников в основном из числа родственников *тюа*, и замена их армией, набираемой из свободных общинников, содержать которых предлагалось всё тем же общинам за счет выделения дополнительных земельных паёв их семьям.

Последствия реформ

С введением новых форм налогообложения вместо постоянного, рекрутской повинности вместо участия в ополчении и резким увеличением численности чиновников, этим занимающихся, вновь пышным цветом расцвели злоупотребления общинной верхушки, о которых вроде бы успели забыть. И если укрыть деревенские пахотные земли, тщательно переписанные ещё в 1711 г., было сложно, то с подушным налогом и сбором *duey* проблемы возникали очень часто. И дело было не столько в корысти и нечестности старост, сколько в том, что существенная часть общинников в силу тяжёлых обстоятельств регулярно пускалась в бега, их число в течение шести лет между переписями постоянно варьировалось, так что налоговая нагрузка на остающихся существенно и несправедливо возрастала. У местных предводителей возникал соблазн уже сразу при переписи не задекларировать часть тягловых, чтобы иметь хоть какую-то свободу действий. Вверху это немедленно отметили, и начиная с 1723 г. последовала череда указов о суровом наказании старост за эти налоговые преступления вплоть до пожизненной каторги в слоновниках [348—349]. Впоследствии к проблеме укрывательства податных пришлось возвращаться многократно [362, 366, 402—403], что лишний раз подчёркивает её постоянную актуальность.

Явно непродуманными оказались и пункты реформы, касающиеся наносных земель. Судя по всему, к их разработке и принятию привлекли чиновников, не слишком хорошо разбирающихся в этих вопросах. Как уже отмечалось выше, нормы обложения этих угодий являлись, пожалуй, самыми высокими из всех категорий, физические размеры их нередко были весьма велики, но утратить их по естественным причинам община могла в любое время. Одновременно в других общинах неожиданно появлялись угодья, полностью не попадавшие под фискальный учет. При наличии постоянного налогообложения, которое данные земли фактически не учитывало, это ещё как-то можно было компенсировать, но, когда соответствующие нормы сбора фиксировались по факту сроком на шесть лет, подобное развитие событий грозило общине настоящей налоговой катастрофой.

Чтобы как-то урегулировать возникшие проблемы, государство в 1724 г. перешло к переучёту намытых земель один раз в три года, а не в шесть лет, как раньше [362—364]. С 1726 г. вносить изменения в земельные реестры в зависимости от конкретной ситуации разрешили ежегодно [394]. Попытались даже обязать соседние общины (например, на противоположном берегу реки) отдавать свои вновь намытые земли тем, кто их утратил [362—364], что технически и практически осуществить было очень сложно. К этим вопросам приходилось возвращаться вновь и вновь [378, 419—420]. Чтобы как-то решить проблему наносных земель и вопросы судоходства, в 1727 г. пришлось создавать два специальных учреждения (отдельно для правого и левого берега Красной реки), которые ими занимались [420].

Недостатки вновь введённых налогов и рекрутской повинности стали очевидными практически сразу. Общины перестали справляться с возложенными на них обязательствами. Недоимки множились. Выплаты содержания военнослужа-

щим вновь набранных отрядов задерживались на долгие месяцы, что вызывало их недовольство. Уже в 3-й луне 1725 г. государство было вынуждено из собственных ресурсов выделить 100 тыс. *куанов* денег, чтобы хотя бы частично покрыть этот дефицит [367]. Ещё больше обострилась проблема бегства существенной части общинников, не справлявшихся с возложенными обязанностями, что заставило власти разрабатывать и внедрять специальные меры поддержки и стимулирования, с одной стороны, и репрессий — с другой, с целью добиться их возвращения [367—369, 379—380].

Копящиеся долги общин становились заведомо невозвратными, и их приходилось регулярно списывать [371, 399—400, 451—455]. Но и это помогало мало. Средств не хватало, и в 1727 г. налоги пришлось повысить. С общинных земель высшей категории (двух урожаев или высокой плодородности) стали брать 1 *куан* денег с 1 *мау*, в том числе две трети зерном (ранее соответственно 8 *тиенов* и две трети), с обычных — 8 *тиенов*, в том числе половину зерном (ранее соответственно 8 *тиенов* и одна треть), со скудных — 6 *тиенов*, в том числе одну треть зерном (ранее зерном с них не брали), с совсем малопригодных, требующих глубокого дренажа, — от 1 до 4 *тиенов*. Налог с частных земель и приравненных к ним храмовых и других «посвящённых» не изменился — от 2 до 3 *тиенов* в зависимости от их качества. Впрочем, стандартная стоимость одной корзины риса при определении налога увеличилась с 3 до 6 *тиенов*, что являлось фискальной уступкой [422—424]. Но и эти вполне ощутимые послабления к искомым результатам не привели: экономическое положение продолжало ухудшаться, недовольство во вьетнамской деревне продолжало расти. Платить налоги в заданном объёме не могли или не хотели, в связи с этим приходилась даже выходить со специальными указами-угрозами [437—438].

Заключение

Таким образом, в ходе реформ, проведённых правителем Чинь Кыонгом, ситуация в стране в целом и в сельскохозяйственных общинах в частности кардинально изменилась. Стремительный экономический рост конца XVII — начала XVIII в., подтверждённый анализом «эпиграфической активности» [Федорин 2006: 297—300], сменился застоем и даже падением. Напряжённость в обществе в связи с ухудшением положения не только самых бедных, но и в прошлом вполне зажиточных слоев резко обострилась. Негативное отношение к реформам во многом провоцировалось тем, что какой-то насущной потребности в них не было: государство и так жило в те годы неплохо и не нуждалось в дополнительных средствах для реализации каких-то мегапроектов или для ведения масштабных войн. Более того, в связи с резко выросшими расходами на налоговое администрирование, необходимостью содержать целую армию соответствующих чиновников, активным сопротивлением общин, выражавшимся в массовом бегстве крестьян и в упорном уходе от налогов общинной верхушки, доходы государства, по-видимому, не так уж и сильно увеличились. Игра явно не стоила свеч.

Так же, как и два других активных реформатора во Вьетнаме (императоры Ле Тхань-тонг и *Минь-манг*), Чинь Кыонг, к счастью для себя, так и не увидел тех

тяжёлых негативных последствий, к которым привела его активная внутриполитическая деятельность. Но указать на них, хотя бы кратко, по мнению автора, необходимо, чтобы картина стала полной. В конце 30-х годов XVIII в. Вьетнам буквально взорвался целым рядом восстаний по всей стране, прежде всего в левобережной части дельты Красной реки. Вновь созданная Чинь Кыонгом армия из подневольных рекрутов продемонстрировала свою полную неспособность им противостоять. Более того, существенная её часть перешла на сторону восставших, пополнивших таким образом свои ряды подготовленными и опытными солдатами во главе с командирами-северянами. Профессиональных провинциальных армий во главе с военачальниками из рода Чинь, которые, по-видимому, ещё как-то могли бы противостоять повстанцам, более не существовало. Столичная гвардия, которая и раньше не слишком утруждала себя участием в реальных боевых действиях, оказалась абсолютно несостоятельной и не готовой к такому повороту событий. Режим правителей-*тюа* из рода Чинь оказался на грани краха. Страна на десятилетия погрузилась в хаос гражданских войн.

Список литературы

Новая история Вьетнама. М.: Наука, 1980. 719 с.

Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы): в 8 т. / рук. проекта Д.В. Деопик. М.: Вост. лит., 2002—2022.

Рябинин А.Л. Постоянное обложение в Северном Вьетнаме (Дангнгоае) во второй половине XVII — начале XVIII в. и Британской Индии в XIX в.: общее и особенное // Oriental Courier. 2022, № 4. С. 141—167. DOI: https://doi.org/10.18254/S268684310023806-4

Федорин А.Л. Военные реформы в Северном Вьетнаме в XVII—XVIII вв. и их влияние на боеспособность армии // Восток (Oriens). 2024. № 2. С. 69—77. DOI: https://doi.org/10.31857/S086919080029999-5

Федорин А.Л. «Золотой век» традиционного вьетнамского общества. «Постоянное налогообложение» второй половины XVII — начала XVIII в. // Вьетнамские исследования.2023. Т. 7. № 4. С. 50—60. DOI: https://doi.org/10.54631/VS.2023.74-624973

Федорин А.Л. Особенности вьетнамской эпиграфики. Периодизация истории Вьетнама XV—XVIII вв. на основании данных эпиграфики // Теория и методы исследования восточной эпиграфики. М.: Вост. лит., 2006. С. 266—310.

Chúa Trịnh Cương. Cuộc đời và sự nghiệp. Kỷ yếu hội thảo khoa học [Правитель Чинь Кыонг. Жизнь и деятельность. Материалы научной конференции]. Hà Nội: Nxb. Văn hóa thông tin, 2010. 605 tr. (На вьет. яз.)

Ngô Cao Lãng. Lịch triều tạp kỷ [*Нго Као Ланг*. Разнообразные записи о прошлых династиях]. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội, 1995. 695 tr. (На вьет. яз.)

References

Chúa Trịnh Cương. Cuộc đời và sự nghiệp. Kỷ yếu hội thảo khoa học [Lord Trinh Cuong. Life and career. Proceedings of scientific conference] (2010). Hà Nội: Nxb. Văn hóa thông tin. 605 tr. (In Vietnamese)

Fedorin, A.L. (2006). Osobennosti v'etnamskoj epigrafiki. Periodizaciya istorii V'etnama XV—XVIII vv. na osnovanii dannyh epigrafiki [Features of Vietnamese epigraphy. Periodization of the history of Vietnam in the 15th—18th centuries. based on epigraphy data], in: *Teoriya i metody issledovaniya vostochnoj epigrafiki* [*Theory and methods of research of eastern epigraphy*]. M: Vostochnaya literatura. S. 266—310. (In Russian)

Fedorin, A.L. (2023). «Golden Age» of Traditional Vietnamese Society. «Continuous Taxation» in the Second Half of the 17th — Beginning of the 18th Century. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 7 (4): 50—60. DOI: https://doi.org/10.54631/VS.2023.74-624973. (In Russian)

Fedorin, A.L. (2024) Voennyie reformy v Severnom Vietname v XVII—XVIII vv. i ih vliyaniye na boyesposobnost armii [Reforms in North Vietnam in the 17th—18th Centuries and their Impact on the Combat Capability of the Army]. *Vostok (Oriens)*, 2: 69—77. DOI: https://doi.org/10.31857/S086919080029999-5. (In Russian)

Ngô Cao Lãng. *Lịch triều tạp kỷ* [Ngo Cao Lang. *Various records of past dynasties*] (1995). Ha Noi: Nxb. Khoa hoc Xa hoi. 695 tr. (In Vietnamese)

Novaya istoriya Vietnama (1980) [A new history of Vietnam]. M.: Nauka. 719 c. (In Russian)

Polnoe sobranie istoricheskih zapisok Dajvieta (Dajviet shy ki toan thy): v 8 t. Ruk. proekta D.V. Deopik. [Complete Annals of Dai Viet (Dai Viet su ki toan thu): in 8 volumes. Project director D.V. Deopik] (2002—2022). M.: Vostochnaya literatura (In Russian)

Ryabinin, A.L. (2022). Postoyannoe oblozhenie v Severnom Vietname (Dangngoae) vo vtoroj polovine XVII — nachale XVIII vv. i Britanskoj Indii v XIX v.: obshchee i osobennoe [Constant taxation in Northern Vietnam (Dang Ngoai) in the second half of the 17th — early 18th centuries and British India in the 19th century: general and special]. *Oriental Courier*, 4: 141—167. DOI: https://doi.org/10.18254/S268684310023806-4. (In Russian)

Дата поступления статьи: 11.03.2024
Дата поступления в переработанном виде: 10.08.2024
Принята к печати: 11.09.2024

Received: March 11, 2024
Received in revised form: August 10, 2024
Accepted: September 11, 2024

DOI: 10.54631/VS.2024.83-636573

Le Thi Lien

Transformation in Beliefs and Religious Practices among Religious Followers in Present-Day Vietnam

Abstract. Vietnam is a country with diverse religions. The transformation in beliefs and religious practices among religious followers in Vietnam is constantly influenced by global trends, the industrial revolution 4.0, the country's achievements in renovation, international integration, and the Party and State's religious policies. This context drives religious organizations to continually revive, develop both structurally and operationally, and diversify their activities. However, this dynamism also brings complexity and impacts various aspects of social life.

This study sheds light on the current process of transformation in faith and religious practices among followers of different religions in Vietnam. Furthermore, it provides authentic information for relevant researchers to compare, contrast, and support scientific arguments. Ultimately, it offers reasonable grounds for Vietnam's functional agencies to issue and enforce more effective policies related to religion.

Keywords: Vietnam, religion, faith, rituals.

Author: Le Thi Lien, Ph.D., Director, Institute for Religious Policy Research, Government Committee for Religious Affairs. E-mail: lephuonglien.tgcp@gmail.com

For citation: Le Thi Lien (2024). Transformation in Beliefs and Religious Practices among Religious Followers in Present-Day Vietnam. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (3): 57—69.

Ле Тхи Лиен

Трансформация верований и религиозных практик среди верующих в современном Вьетнаме

Аннотация. Вьетнам — страна с большим количеством различных религий. Трансформация верований и религиозных практик среди последователей различных конфессий во Вьетнаме находится под влиянием мировых тенденций, промышленной революции 4.0, реформ обновления, международной интеграции и религиозной политики партии и государства. Эти процессы воздействуют на возрождение, развитие и диверсификацию деятельности религиозных организаций. Однако они непросты и оказывают неоднозначное влияние на общественную жизнь.

Данное исследование освещает текущий процесс трансформации верований и религиозных практик среди последователей различных религий во Вьетнаме. Оно предоставляет достоверную информацию для научных разработок в этой области и может помочь повышению эффективности политики в области религии.

Ключевые слова: Вьетнам, религия, вера, ритуалы.

Автор: Ле Тхи Лиен, к. н., директор, Институт исследований религиозной политики, Комитет по религиозным делам Правительства СРВ.
E-mail: lephuonglien.tgcp@gmail.com

Для цитирования: *Ле Тхи Лиен.* Трансформация верований и религиозных практик среди верующих в современном Вьетнаме // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 3. С. 57—69.

Research background

Religion across the globe is undergoing profound transformations, intricately woven into various aspects of social life. Among these shifts, religious diversification stands out as a powerful trend, even in countries where a single dominant religion once held sway, such as Islam, Christianity, or Buddhism. Today, the influence of different faiths and even emerging religious phenomena is palpable. Author Cao Huy Thuan provides evidence from 2004: in Europe, only 10 % of the population adheres strictly to a single truth, while the remaining 90 % recognizes multiple truths across various religions [Cao Huy Thuần 2006: 70—71]. Meanwhile, the growth and development among religions vary. While Catholicism shows signs of decline, Islam is growing rapidly. According to the Centre for the Study for Global Christianity, in 120 years (1900—2020), Islam grew tenfold [Status of Global Christianity 2021]. In the first 20 years of the 21st century, Islam continued to grow strongly, accounting for 24.78 % of the world's population [World Christian Database: 05.07.2020]. Samuel Huntington in his book "The Clash of Civilizations" also noted that ultimately, Muhammad will prevail. Christianity spread primarily through conversion and rebirth. He believed that Catholicism peaked in 1980 and would decline thereafter, while Islam, with its high population growth rate, would continue to grow rapidly, surpassing Catholicism by the end of the 20th century [Huntington 2003: 69].

The phenomenon of secularization in religion is currently strong and continues to shape social life. Additionally, adherence to religious rules and prohibitions has waned compared to the past. Social conflicts related to religion are increasingly expanding, especially in multi-ethnic, multi-religious countries.

Regarding the trend of secularization of religion in Vietnam, Nguyen Van Dung believes that the secularization process is primarily reflected in the decline in religious practice and some traditional beliefs [Nguyễn Văn Dũng 2018]. The phenomenon of religious globalization is increasingly evident, impacting social issues and posing many challenges for countries. According to"La Globalisation du religieux," religious globalization today tends to escape state control and transcend borders. Additionally, religious flows are no longer limited to North-South (or West-East) dissemination but have become more complex [Bastian, Champion 2001: 10—11].

In Vietnam, the trend of religious movement and transformation follows the general trend of the world in all three categories: imported religions, indigenous religions, and new religious phenomena. The degree and intensity vary among each religion and category. A common point is that changes in beliefs and religious practices are taking place strongly at the individual level. Le Duc Hanh states that this transformation trend is most vigorous in Catholicism, Protestantism, and Buddhism. The author points out

that one of the main reasons is the impact of globalization and national renewal [Lê Đức Hạnh 2018]. With new religious phenomena the changes are even more pronounced and complex compared to recognized religions. Ngo Huu Thao believes that new religious phenomena will move towards the following trends: an increase in the number of believers, a probable decrease in the number of new phenomena, "followers" are likely to convert to another faith, superstitious and anti-cultural characteristics are reduced, instead political characteristics and colors are likely to be adopted [Ngô Hữu Thảo 2018]. These models are generally trying to change in order to propose that the authorities accept centralized religious activities, moving towards seeking organizational recognition like the already recognized religious organizations.

The religious transformation in Vietnam is posing challenges in building a socialist rule-of-law state, in preserving and promoting the traditional cultural values of ethnic minority areas. In terms of building a rule-of-law state, it is necessary to ensure the right to freedom of belief and religion, but also to ensure religious security. From a cultural perspective, researcher Truong Van Mon argues that the issue of changing beliefs and religion of the Cham people when there is the introduction of Hinduism — Buddhism, Brahmanism, and Islam has profoundly changed the indigenous beliefs of the Cham people. However, in modern society, the change in the practice of beliefs and religion of the Cham people is very clear, which is simplification and reduction of rituals, but the indigenous people pay less attention to traditional cultural rituals and instead adopt a modern lifestyle. This has hindered the preservation of the traditional cultural heritage of the Cham community [Trương Văn Món 2008: 131—173].

This overview of the research background has reflected the most general state of change in the religious situation. Research on religious change in the movement from the internal structure of religious organizations, including changes in beliefs and religious practices of followers in Vietnam today, is quite vague, and has not yet obtained convincing information and data. Therefore, conducting this research is very necessary to supplement, clarify the missing issues, and also to find out the fundamental factors that strongly influence the general change in religion that other works have not specifically mentioned.

Research methods

The study investigates the changes in beliefs and religious practices among followers of various religions in Vietnam today. To obtain empirical evidence on the changes in beliefs and religious practices of the faithful, statistical methods, synthesis, analysis, comparison, and sociological survey methods have been employed. The design of the survey questionnaire has established questions that are hypothetical in nature, suitable for the research content. With the sociological survey research method, in 2022 the research team (Institute for Religious Policy Research, Government Committee for Religious Affairs) selected three out of sixteen religions in Vietnam: Buddhism, Catholicism, and Protestantism for the survey. After selecting the religions, we randomly chose two groups to survey: 300 out of more than 60,000 clergy and religious workers; 450 out of nearly 21,000 followers of the three religions. The reason for

choosing these three religions is that they have a large number of followers, clergy, religious facilities, a wide range of activities and the most significant influence in Vietnamese society. The results obtained were manually processed, and the data needed for analysis were entered into Excel software. Each field of data was processed into tables for analysis of the corresponding content.

Research findings

Overview of the religious situation in Vietnam

Vietnam is a country with diverse religions. As of December 2023, there are 43 organizations belonging to 16 religions recognized by the state and granted registration for operation, which includes two groups:

The group that was introduced from foreign countries has 9 religions: Buddhism, Catholicism, Protestantism, Islam, Brahmanism, Baha'i, Vietnam Revival Church, Church of Jesus Christ of Latter-day Saints in Vietnam, and Minh Su Dao. The group formed in Vietnam has 7 religions: Cao Dai (or Caodaism), Hoa Hao Buddhism, Tu An Hieu Nghia Buddhist Association, Buu Son Ky Huong, Pure Land Home-Practice Buddhist Association of Vietnam, Minh Ly Dao Tam Tong Mieu, and Ta Lon Buddhism. Among the 16 religions, there are 43 organizations that have been recognized by the Vietnamese state and granted operational registration, divided into 2 groups: The religious group that includes only one organization and the religious group that includes multiple organizations.

According to statistical data in the report on work results of the Government Committee for Religious Affairs (Ministry of Home Affairs), in 2021, the number of followers of the 41 religious organizations was 27.7 million, accounting for 27.7 % of the population; there were over 54.5 thousand clergy, over 135 thousand religious workers, and more than 29.8 thousand places of worship [Ban Tôn giáo Chính phủ 2022: 12]. The religious organizations are guaranteed to operate according to the provisions of the law and their charters and regulations, building appropriate religious directions, and actively participating in the country's social welfare and humanitarian activities. They have expanded missionary work into urban areas and industrial zones — places with many workers, laborers, and students living and studying. They continue missionary work in mountainous areas and regions of ethnic minorities to promote the development of followers, increase the number of clergy and religious workers, and establish new organizations and places of worship.

Alongside stable and pure religious activities, the religious landscape in Vietnam also experiences complex and deviant issues that impact both the religious environment and social stability. The emergence of schisms leading to the establishment of new religious entities occurs in some Protestant congregations, Cao Dai, and among certain Hmong Christian groups due to internal conflicts and disagreements in leadership management. These divisions affect the religious practices of believers. Furthermore, there is a decline in moral conduct among some clergy and religious practitioners who engage in superstitious and non-standard activities for personal gain. Some clergy members exploit the trust of believers to raise funds for constructing large physical facilities, impacting the lives of followers. Some violate religious precepts and

consequently receive cautions. Violations of land and construction laws also occur. Additionally, new religious phenomena, cults, and groups exploit people's beliefs, intensifying superstitious, anti-cultural, and anti-scientific propaganda online to attract and deceive followers, thereby affecting the pure and traditional religious environment. Some malicious actors exploit existing instability to distort the religious situation and undermine the implementation of religious policies and laws in certain localities, impacting religious unity, ethnic harmony, and human rights in Vietnam.

Changes in beliefs and religious practices among religious followers

Changes in the number of followers

In Vietnam, when evaluating a religious organization's size and strength, the number of followers is a fundamental metric. Therefore, developing a strong following is a top priority for all religions. For religious institutions, nurturing and reinforcing faith is essential for their survival, regardless of the circumstances or era. Faith serves as the "core" of a belief system, and followers provide the foundation for building a robust religious organization. Consequently, the number of adherents in various religions in Vietnam continues to rise. According to statistical data and comparisons from the Institute for Religious Policy Research, Government Committee for Religious Affairs, prior to the enactment of the Law on Belief and Religion in 2004, Vietnam had approximately 17 million followers out of a population of over 80 million. These followers belonged to six major religions: Buddhism, Catholicism, Protestantism, Caodaism, Islam, and Hoa Hao Buddhism. By November 2021, the country had nearly 27.7 million followers across 41 religious organizations, constituting over 27.7 % of the total population. The number of religious worship facilities reached 29,8. Over the course of 17 years (2004—2021), the number of adherents grew by more than 10.7 million people, and metrics related to religious positions and worship facilities also increased [Ibid.]. Although the number of religions expanded significantly from 6 to 16 denominations, the annual growth in followers remained consistent and not unusual or abrupt. Overall, the increase in the number of followers across various religions can be attributed to several fundamental reasons: natural growth, where families pass down their faith to children and grandchildren (applicable to Catholicism, Protestantism, and Islam); conversions, where people join a particular faith; and interfaith transitions, where individuals switch between different religious denominations, although this number remains relatively small.

Based on data from previous years and the results of a sociological survey conducted by the Institute for Religious Policy Research, Government Committee on Religious Affairs, in 2022 (using 300 questionnaires for religious officials), the projected trends for religious followers are as follows (Table 1).

The results indicate that the trend toward an increasing number of religious followers in Vietnam continues. However, the shifts and fluctuations in numbers vary across different regions. The delta regions and urban areas have traditionally been strongholds for various religions such as Buddhism, Catholicism, and indigenous religions. However, maintaining and expanding the follower base faces challenges due to rural-to-urban migration, where many young adults leave rural areas in search of employment. Consequently, the majority of remaining followers in these regions are

Table 1. **Projected levels of religious follower growth**

No.	Level of Assessment	Frequency	
		Number of Respondents	%
1	Significant Increase	55	18.3
2	Slight Increase	184	61.3
3	No Change	24	8.0
4	Slight Decrease	10	3.3
5	Strong Decrease	0	0.0
6	No Response	27	9.0

Source: Data from the sociological survey conducted by the author and the Institute for Religious Policy Research, Government Committee on Religious Affairs in 2022.

elderly individuals and children. Conversely, a significant number of followers from northern regions migrate to the south, particularly to industrial zones in Binh Duong, Dong Nai, and Ho Chi Minh City. This migration contributes to the growth of religious followers in southern provinces. Additionally, religious outreach strategies are targeting mountainous, remote, and distant areas, leading to an upward trend in religious life in those regions.

Changes in religious beliefs

According to various assessments, Vietnam is still a country where religious followers hold deep faith. In other words, it is a place where religious beliefs are strong and firmly upheld. Currently, the majority of believers continue to practice their faith with profound commitment.

A social survey conducted by the Institute for Religious Policy Research with 300 respondents from different religious backgrounds reveals the following results (Table 2).

Table 2. **Assessed demand for religious guidance among believers of various faiths in Vietnam**

No.	Level of Assessment	Frequency	
		Number of Respondents	%
1	High Demand	161	53.7
2	Normal Demand	111	37.0
3	Low Demand	10	3.3
4	No Response	18	6.0

Source: Data from the sociological survey conducted by the author and the Institute for Religious Policy Research, Government Committee on Religious Affairs in 2022.

The survey results indicate that regardless of external circumstances, the desire of believers to explore their own religion remains high. This underscores the necessity and impact of religion in the lives of a significant portion of the population.

However, along with changes in quantity, the religious faith of believers in Vietnam has been influenced by economic conditions, social factors, and the country's

international integration. The proliferation of new religious forms has created a diverse "market of religions and beliefs," where people have multiple choices to follow novel doctrines or embrace a variety of religious beliefs instead of adhering strictly to one faith as in the past. This has led to conversions and reforms in religious life, particularly in mountainous regions. Among the younger generation, there is a growing trend of fading commitment to religious practices — where some people believe but do not actively follow, or follow without true conviction — highlighting the evolving landscape of religious fidelity in Vietnam:

Firstly, there are transformations in the diversity of religious beliefs.

Additionally, some devotees integrate additional beliefs related to divine beings from other religions or spiritual practices. They express these beliefs in places considered sacred. For instance, the La Vang Marian Shrine in Quang Tri Province and the tomb of Catholic priest Truong Buu Diep in Bac Lieu Province both attract followers from various religious backgrounds, as well as non-religious individuals who come to seek solace and blessings. Conversely, many Catholic devotees and practitioners of other faiths visit spiritual and pilgrimage sites associated with Buddhism. Examples include the Bai Dinh Temple in Ninh Binh Province, the Tam Chuc Pagoda in Ha Nam Province, the Buddha statues atop Fansipan Mountain in Ha Giang Province (despite the primary focus being tourism), or the Ba Den Mountain tourist attraction in Tay Ninh province. Similarly, people visit sites connected to various belief systems. This trend was relatively uncommon in the past. Notably, there is a deep respect for the sacredness of other religions. The rigid view that one's own religious belief is absolute has softened, and there is less denial of the spiritual systems and beliefs of other faiths, unlike in previous decades.

Even within traditional religions, there has been a process of integration and cross-fertilization from the very beginning. This occurs not only in the objects of worship but also in religious doctrines and practices. For instance, followers of Caodaism worship various figures, including Buddha Gautama, Jesus Christ, and Lao Tzu. Simalarly, during its development, Hoa Hao Buddhism has incorporated ideas from Buu Son Ky Huong and mainstream Buddhism, but has shifted toward home-based practice with the ultimate goal of achieving Nirvana. Elements from Chinese and Khmer cultures have found their way into festivals held at Buddhist temples in the Mekong Delta region. Beyond venerating Buddhas, Buddhism also integrates aspects of Dao Mau (Mother Goddess worship) and other folk beliefs. In contemporary preaching, religious leaders no longer focus solely on their own faith. Instead, they acknowledge and appreciate the value of other religions. Exclusivity and criticism of other faiths have diminished compared to previous decades.

Moreover, it's not only religious devotees but also ordinary people who seamlessly blend Buddhism with other belief systems. The mindset is often, "Respect the sacred, avoid taboos, and seek blessings." Whether in business or personal life, people turn to deities from different faiths, seeking peace and good fortune.

Secondly, a portion of believers has experienced a fading of religious faith

Empirical evidence and sociological investigations indicate that there is ongoing and future movement and shifts in the religious beliefs of some followers. Previously, adherents were devoted to a single religion, unwavering in their faith in that particular

religious system, its sacred elements, and the objects of worship associated with it. However, nowadays, those beliefs have undergone transformation. The trend toward diluted religious commitment is particularly evident among urban populations and young adults. They perceive life as shaped more by personal agency and effort rather than divine intervention. Some adherents continue to observe traditional religious rituals, albeit not strictly adhering to prescribed doctrines or laws. Others simultaneously embrace the tenets of their chosen religion while also acknowledging the existence of spiritual elements from other faiths. Many individuals appreciate Buddhist practices, visit temples, and observe fasting on the 1st and 15th days of the lunar month, yet they may not fully commit to becoming devout Buddhists. Additionally, the Cao Dai faith experiences a decline in younger adherents who are descendants of clergy members. These individuals aspire to carry on family traditions but often remain at the level of mere followers, resulting in a shortage of young successors.

The phenomenon of diluted religious commitment is not only observed in the practice of adhering to a particular faith but also manifests in personal religious transformations and conversions in present-day Vietnam. This shift occurs from multifaceted beliefs among some ethnic minority groups (such as those in the Central Highlands and Northwest regions) to a monotheistic belief system adhering to a single religion (such as Catholicism or Protestantism). Conversely, there are transitions from traditional indigenous beliefs to Christianity (Catholicism or Protestantism) or Buddhism. For instance, within the Hmong and Dao communities in the Northwest, some ethnic minority groups have abandoned their traditional beliefs in favor of Christianity (Catholicism or Protestantism). Additionally, there is a subset that transitions from Catholicism or Buddhism to embrace Protestantism or vice versa. Several other adopt new religious phenomena and unfamiliar sects.

The trend of religious conversion and transformation is also associated with the process of a portion of Vietnamese people going abroad for work and livelihood. Among them, some individuals have religious affiliations, while others do not follow any specific religion. However, upon returning, some have forsaken their traditional beliefs in favor of new or unfamiliar religions, sects, or religious organizations that propagate within Vietnam.

Changes in religious ritual practices

Most religions, especially those that worship God, express the faith of believers through daily participation in religious ceremonies at religious institutions. This practice serves as both an expression of faith and a deeply ingrained habit in the lives of each believer. However, in recent times and within the context of religious movements, the practice of religious rituals has significantly declined and undergone substantial changes. Attending church services is no longer the sole measure of religious faith. According to survey results from a study conducted at several Catholic churches, in the past, daily church services typically included 1—2 masses, while Saturdays and Sundays consistently maintained 3—4 services. Nowadays, on regular weekdays, there are only 1—2 services (with morning services mainly attended by older individuals). Saturdays and Sundays also have only 2 services. Previously, rain or shine, devout followers attended services, but now even a slight drizzle leads to reduced attendance, with only

the main celebrant and a few officials present. The current state of church services is not significantly different from the pandemic era; the number of attendees during morning services is limited to a few rows of seats. Additionally, most Catholic parishes now organize only one catechism class for children on Sundays, instead of the previous two classes per week, and these classes often take place immediately after services for adolescents, without which attendance would be sparse.

According to the observations of the author at Thang Nghiem Pagoda (on January 4, 2024, according to the lunar calendar of Vietnam), this ancient temple, closely associated with the spiritual life of people in the outskirts of Hanoi, reveals significant changes in ritual practices. Most people visit the temple not primarily for religious ceremonies but rather for photography and sightseeing.

This transformation in religious belief is also evident in the participation in religious rituals at religious institutions (Table 3).

Table 3. **Believers' participation in religious rituals at religious institutions**

No.	Level of participation	Frequency	
		Number of respondents	%
1	Attend all religious ceremonies	199	44.2
2	Only attend when having free time	121	26.9
3	Occasionally attend	94	20.9
4	Rarely attend	26	5.8
5	Never attend, perform ceremonies by themselves	10	2.2

Source: Data from the sociological survey conducted by the author and the Institute for Religious Policy Research, Government Committee on Religious Affairs in 2022.

The survey results indicate that believers' faith is expressed at varying levels. Simultaneously, the impact of daily life and employment has influenced the participation of believers in religious ceremonies, with a decreasing trend observed, especially in industrial areas.

The fading of religious faith across different generations is also evident. The results of a sociological study involving 450 believers are reflected in Table 4.

According to Vietnamese religious tradition, following a particular faith was often tied to family lineage and household practices, especially within Catholic and Protestant communities. Consequently, religious ceremonies typically involved multiple generations within a family. This practice was both a tradition and an obligation, driven by their own faith. Many parishes and congregations had to organize separate liturgical services for different age groups to align with their themes and study schedules. However, the fundamental composition of attendees at religious ceremonies has undergone significant changes. Nowadays, during religious events, the primary participants are usually the elderly and middle-aged, while the presence of young adults and teenagers is scarce. Bishop Bui Tuan of the Long Xuyen diocese has sarcastically

Table 4. **Participation of different generations in religious rituals at religious institutions**

No	Generation	Frequency	
		Number of respondents	%
1	Grandparents (older generation)	322	71.6
2	Children (second generation)	100	22.2
3	Grandchildren (third generation)	26	5.8
4	All three generations	2	0.4

Source: Data from the sociological survey conducted by the author and the Institute for Religious Policy Research, Government Committee on Religious Affairs in 2022.

used the terms "tree stump faith" and "wandering faith" to refer to the fact that some individuals attend religious sites but only sit under the tree or wander outside until the ceremony is finished. Our observations at the Church of the Congregation of the Savior at No. 38 Ky Dong Street, Ho Chi Minh City, also reveal a similar trend. Many devotees choose to sit outside the church grounds, citing reasons such as the need to conveniently pick up children from school or attend work commitments.

Furthermore, the current religious landscape reflects diversification of beliefs within families. Numerous Vietnamese households now consist of only one or two members adhering to a particular faith, while others may either follow different religions or do not follow any. For instance, some families have grandparents practicing Buddhism, while their children embrace Catholicism or Protestantism. In some other households, only one family member actively follows a religion, while others neither adhere nor feel pressured by the religious practices of their family members. Mutual respect for differing beliefs prevails.

Changes in believers' perception of religious practitioners

In general, the lives and education levels of the population, including religious believers, have improved over time. Consequently, perceptions of faith and religious practices have also changed. Notably, believers have become less dependent on their faith in religious officials, and clergy.

One of the differences between religious followers in Vietnam and those in some other countries is the 'reverence for clergy,' sometimes bordering on 'excessive veneration.' This is especially true for religions where religious rituals depend on clergy members. In the past, followers not only respected clergy during religious activities but also in their daily lives. There was always a certain distance between followers and clergy. Clergy members often asserted their authority over followers, while followers expressed their faith and reverence through diligent religious practice, respectful behavior, and caring for the clergy's well-being. However, in today's context of increasing democratic movements, the reverence and obedience towards clergy have noticeably diminished. This change is evident in reduced participation in religious ceremonies, infrequent reception of sacraments, and incomplete adherence to religious rules and prohibitions. For instance, some sacraments related to marriage in

Catholicism and Protestantism are less strictly followed (such as less frequent attendance of rituals post wedding, or no attendance at all, especially when the spouse is of a different faith). Conversely, clergy members now interact more closely with followers.

With the support of social media today, believers have more options when it comes to seeking spiritual guidance and teachings. These options extend beyond national borders, allowing individuals to access religious resources not only within their own country but also from abroad. For instance, some Buddhist practitioners visit temples for religious ceremonies but choose to listen to Dharma talks by Vietnamese monks residing overseas (such as Venerable Thich Phap Hoa, currently in Canada). Alternatively, believers may seek online blessings for their families through ordained clergy. They engage in spiritual practice based on the guidance of teachers abroad, without being solely dependent on or confined to local religious authorities as in the past. This shift also affects the dynamics between believers and religious authorities. Previously, if dissatisfied with a particular religious figure, devotees would remain silent and express minimal dissent. However, today, believers are more assertive in expressing their stance. They may refrain from attending ceremonies conducted by that authority. They avoid participating in activities at religious institutions associated with that figure. In more extreme cases, they openly express their disapproval to fellow believers. Some even submit formal requests to religious organizations for the transfer of that authority elsewhere. Social media platforms are also used to criticize such figures.

Although the reverence for clergy is undergoing shifts and changes in various states, in the spiritual life of Vietnamese followers, clergy members remain indispensable. They play a crucial role in guiding followers to adhere to the authentic traditions of their religion. Therefore, despite a decrease in fervor and reverence, Vietnamese followers still greatly rely on clergy members and religious institutions.

Observations reveal that the trend of transformation in religious faith continues. It partly reflects that religious devotion is no longer as profound as before, and people are easily influenced by economic and practical factors. However, this does not alter a prominent characteristic: the multifaceted spiritual consciousness still shapes the religious life of the Vietnamese.

Conclusion

Research has shown that history consistently demonstrates how religion adapts, evolves, and responds to new social contexts. Within this context, some religions swiftly seek directions to adapt and develop their beliefs and religious practices. However, there are also religions that struggle to keep pace with the changing societal impact, leading to consolidation and preservation of existing practices. Certain religious traditions lag behind broader trends in both spiritual life and religious activities. Vietnam is considered a country with a relatively low proportion of religious followers (around 27 % of the population). However, this community is often characterized by deep-rooted faith and unwavering commitment. Nevertheless, this characteristic primarily holds true for the older generation (aged 60 and above). Among younger followers, there has been a shift

and transformation in various directions: some adhere to specific aspects of their faith while practicing less rigorously or engaging in fewer religious practices; some follow a faith but do not fully believe in it; and some draw from multiple religious traditions, embracing diverse beliefs.

When religious life undergoes changes from the primary beneficiaries (the followers), it raises important issues for religious institutions. This emerging trend requires careful attention and thorough research. Firstly, it means religious institutions and clergy members must adjust their strategies for indoctrination and administration. This adaptation aims to preserve faith, retain followers, and continue the development of religious practices. It also implies the need to innovate religious activities to align with the evolving social context. Secondly, sustaining and developing religious faith becomes challenging if religious institutions and clergy rigidly adhere to outdated methods of indoctrination. Despite Vietnam's policies and laws that respect and guarantee religious freedom, there is a growing disparity between imported and indigenous religions. Additionally, differences persist among religious denominations within the same group across various indicators.

The process of transforming religious beliefs and practices in Vietnam reveals an increasingly symbiotic relationship between religion and society. As society develops, so does religion, and it plays an ever-stronger role in various aspects of social life. International religions such as Catholicism, Protestantism, Buddhism and Muslim are actively participating in the globalization of religious practices. Religious institutions seize opportunities to expand their influence within the community. This ongoing transformation affects religious faith beyond purely spiritual matters, turning religion into a social entity. Consequently, it has significant implications for policies related to religious freedom, diplomacy, security, and the socio-economic fabric of the nation. Additionally, emerging religious phenomena, groups, and organizations continue to emerge, register activities, and seek official recognition. This diversity in religious expression impacts people's evolving beliefs and practices. However, it also introduces complexities related to maintaining public order and security, especially concerning individual choices of faith.

Despite the changing trends in religion in Vietnam, the direction they take, and the position they hold in relation to national security, the goal remains to ensure unity among all ethnic groups. It involves eliminating and countering the schemes and tactics of hostile forces that exploit faith and religious practices to undermine the country. Throughout history, defending the nation against invaders and the lessons learned from colonial slavery have deeply ingrained trust in every Vietnamese, regardless of their religious beliefs.

The evolving trends and transformations in religious faith and practices also pose challenges in building a legal state in Vietnam. From a deeper perspective, religion is not merely a cultural or spiritual phenomenon; it is also a social reality. Therefore, addressing misconceptions about the nature and role of religion is essential [Đỗ Quang Hưng 2016: 116]. Additionally, effective religious work requires attention from authorities at all levels. Analyzing the current situation and accurately forecasting trends and changes is crucial for policy-making, law enforcement, and proactive measures to safeguard religious freedom and navigate the impact of new factors.

References

Ban Tôn giáo Chính phủ (2022). *Tôn giáo và chính sách tôn giáo ở Việt Nam*. Nxb. Thế giới. (In Vietnamese)

Bastian, J.-P., Rousselet, K., Champion F. (Eds.). (2001) *La Globalisation du religieux* [*The Globalization of Religion*]. Paris: L'Harmattan. (In French)

Cao Huy Thuần (2006). *Tôn giáo và xã hội hiện đại: chuyển biến của lòng tin ở phương Tây* [Cao Huy Thuan. *Religion and Modern Society: Transformations of Faith in the West*]. Nxb. Thuận Hóa. (In Vietnamese)

Center for the Study of Global Christianity. *Status of Global Christianity, 2021, in the Context of of 1900—2050.* Retrived on 25.01.2024 from URL: https://www.gordonconwell.edu/center-for-global-christianity/wp-content/uploads/sites/13/2020/12/Status-of-Global-Christianity-2021.pdf

Đỗ Quang Hưng (2016). Nhà nước pháp quyền và tôn giáo; Thực tiễn Việt Nam và Hoa Kỳ [Do Quang Hung. The Rule of Law State and Religion: Vietnam's Practical Experience Compared to the United States], in: *Chính sách, pháp luật về tôn giáo, tín ngưỡng của Việt Nam: 25 năm nhìn lại* [*Religious Policies and Laws in Vietnam: A 25-Year Review*]. Học viện Chính trị Quốc gia Hồ Chí Minh. Nxb. Lý luận Chính trị. (In Vietnamese)

Huntington, S. (2003) *Sự va chạm của các nền văn minh* [*The Clash of Civilizations*]. Nxb. Lao động. (Translation to Vietnamese)

Lê Đức Hạnh (2018). *Xu hướng biến đổi, phát triển của tôn giáo trước tác động toàn cầu hóa 10 năm qua* [Le Duc Hanh. *Trends and Developments in Religion Amidst Globalization Impact over the Past 10 Years*]. Hà Nội: Nxb. Công an Nhân dân. (In Vietnamese)

Lê Tâm Đắc (2018). Một số xu hướng trong đời sống tôn giáo trên thế giới hiện nay [Le Tam Dac. Some Trends in Religious Life Worldwide], in: *Tôn giáo, tín ngưỡng ở Việt Nam trong bối cảnh mới* [*Religion and Beliefs in Vietnam in the New Context*]. Nxb. Lý luận Chính trị. (In Vietnamese)

Ngô Hữu Thảo (2018). Biến đổi tôn giáo ở Việt Nam: Nghiên cứu hiện tượng tôn giáo mới [Ngo Huu Thao. Religious Transformations in Vietnam: A Study of New Religious Phenomena], in: *Tôn giáo, tín ngưỡng ở Việt Nam trong bối cảnh mới* [*Religion and Beliefs in Vietnam in the New Context*]. Nxb. Lý luận Chính trị.

Nguyễn Văn Dũng (2018). Về xu hướng thế tục hóa ở các nước trên thế giới hiện nay [Nguyen Van Dung. Trends of Secularization in Countries Worldwide]. *Tạp chí Công tác tôn giáo*, số 1+2. (In Vietnamese)

Trương Văn Món (2008). Sự biến đổi tín ngưỡng, tôn giáo của người Chăm ở Việt Nam [Truong Van Mon. Changes in Beliefs and Religion Among the Cham People in Vietnam], in: *Sự biến đổi của tôn giáo tín ngưỡng ở Việt Nam hiện nay* [*Current Religious Transformations in Vietnam*]. Hà Nội. Nxb Thế giới. Tr. 131—173. (In Vietnamese)

World Christian Database. Retrived on 05.07.2020 from URL: www.worldchrianiandatabase.org.

Дата поступления статьи: 08.06.2024
Дата поступления в переработанном виде: 15.09.2024
Принята к печати: 20.09.2024

Received: June 8, 2024
Received in revised form: September 15, 2024
Accepted: September 20, 2024

ФИЛОЛОГИЯ

DOI: 10.54631/VS.2024.83-633514

И.В. Бритов

Анализ грамматических трансформаций (на примере перевода с вьетнамского языка на русский)

Аннотация. В статье рассматривается вопрос применения грамматических трансформаций при переводе вьетнамских текстов на русский язык. Отмечается, что необходимость такого вида преобразований определяется несовпадениями грамматических форм и структур в русском и вьетнамском языках, принадлежащих к разным языковым системам. Выделяются абсолютные и частичные несовпадения. Анализируется частотность использования таких приёмов грамматических трансформаций, как замены, перестановки, членение, объединение. Теоретические положения иллюстрируются примерами перевода текстов современных вьетнамских средств массовой информации. Делается вывод о том, что применение грамматических трансформаций, предполагающих замену грамматических форм и конструкций вьетнамского языка неэквивалентными с формальной точки зрения формами и конструкциями русского языка, способствует достижению равноценности текста оригинала и перевода.

Ключевые слова: перевод, переводческие трансформации, грамматические трансформации, адекватность, вьетнамский язык.

Автор: Бритов Игорь Викторович, старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
ORCID: 0000-0002-7298-856X. E-mail: igorviet@mail.ru

Для цитирования: *Бритов И.В.* Анализ грамматических трансформаций (на примере перевода с вьетнамского языка на русский) // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 3. С. 70—81.

I.V. Britov

Analysis of Grammatical Transformations (Using the Example of Translation from Vietnamese into Russian)

Abstract. The article considers the issue of using grammatical transformations in the process of translating Vietnamese texts into Russian. The author notes that the need for this type of transformation is determined by the discrepancies in grammatical forms and structures in Russian and Vietnamese languages, which belong to different language systems. The article distinguishes absolute and partial discrepancies, analyzes the frequency of using such grammatical transformation techniques as substitutions, rearrangements, division, and unification. Theoretical provisions are illustrated by examp-

les taken from modern Vietnamese media. It is concluded that the use of grammatical transformations, which involve replacing grammatical forms and constructions of the Vietnamese language with formally non-equivalent forms and constructions of the Russian language, contributes to achieving the equivalence of the original and translation texts.

Keywords: translation, translation transformations, grammatical transformations, adequacy, Vietnamese language.

Author: Britov, Igor V., Senior Lecturer, National Research University Higher School of Economics. ORCID: 0000-0002-7298-856X. E-mail: igorviet@mail.ru

For citation: Britov I.V. (2024) Analysis of Grammatical Transformations (Using the Example of Translation from Vietnamese into Russian). *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (3): 70—81.

Введение

При переводе текста с одного языка на другой используются переводческие трансформации. Их необходимость вызвана лексическими и грамматическими несовпадениями в языках оригинала и перевода. Эти расхождения особенно велики у языков, относящихся к разным языковым системам, например, у русского (флективного типа) и вьетнамского (изолирующего типа).

В качестве определения понятия «переводческие трансформации» может служить следующая трактовка одного из известных советских теоретиков перевода Л.С. Бархударова: «Переводческие трансформации — это те многочисленные и качественно разнообразные преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности (“адекватности”) перевода вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [Бархударов 1975: 190]. Представляя собой частичное преобразование текста, переводческие трансформации обеспечивают возможность адекватного перевода текста в целом.

Современная классификация предполагает четыре типа переводческих трансформаций: лексические, грамматические, комплексные лексико-грамматические и технические. К наиболее многочисленным и сложным относятся грамматические трансформации. Именно им и посвящена данная статья.

В российском вьетнамоведении проблема переводческих трансформаций находится в сфере научных интересов профессора кафедры восточных языков Высших курсов иностранных языков МИД РФ, канд. ист. наук Е.И. Тюменевой. Глубокая разработка данной темы нашла отражение, в частности, в курсе её лекций по теории и практике перевода [Тюменева, Глазунова 2014]. Частично вопросы переводческих трансформаций затрагиваются в исследованиях канд. филолог. наук М.Б. Ташлыковой [Ташлыкова, Буй Ха Тху 2014].

Вопросы перевода с одного языка на другой, в том числе и проблема переводческих трансформаций, активно исследуются вьетнамскими лингвистами [Lê Hùng Tiến 2010; Lê Thị Giao Chi 2014; Bùi Thị Diên 2005]. Однако данная тема в большинстве случаев рассматривается в сопоставлении вьетнамского и английского языков, что объясняется чрезвычайно высоким интересом в современном

Вьетнаме к изучению английского языка. Несмотря на это, наработки вьетнамских ученых также оказались полезными при написании данной статьи. В сопоставлении русского и вьетнамского языков тема переводческих трансформаций нашла отражение в работах вьетнамских исследователей, ведущих научную деятельность в России, в частности, аспиранта Иркутского государственного университета Буй Ха Тху [Буй Ха Тху 2012; Ташлыкова, Буй Ха Тху 2014].

В настоящей статье предпринята попытка дальнейшего развития темы переводческих трансформаций. В частности, представлены дополнительные грамматические способы переводческих трансформаций, которые иллюстрируются конкретными примерами в основном из текстов общественно-политической тематики, опубликованных в современных вьетнамских СМИ. Акцент сделан именно на переводе с вьетнамского языка на русский (а не с русского на вьетнамский).

Результаты работы могут быть использованы при обучении вьетнамскому языку и в процессе переводческой деятельности.

Необходимость использования грамматических трансформаций диктуется несовпадением внутренних структур исходного языка и языка перевода. Эти несовпадения могут быть частичными или абсолютными. Частичное несовпадение обычно связано с тем, что грамматическая категория одного языка **уже** или шире, чем подобная категория другого языка. Абсолютное несоответствие означает полное отсутствие той или иной грамматической формы в одном из языков [Карпеева 2017: 213].

Рассмотрение вопроса грамматических трансформаций предполагает определение при переводе приёмов передачи форм слова и синтаксических конструкций.

Трансформации форм слова

Что касается форм слова, то в русском и вьетнамском языках нет их полного соответствия; это связано с тем, что, по классификации В.М. Солнцева, первый относится к формосвязывающим, а второй — к формоизолирующим языковым макротипам [Солнцев 1995: 18]. Так, например, в русском языке существительные изменяются по родам, числам и падежам, глаголы — по лицам, числам, временам, родам и прочим морфологическим категориям (вид, залог, наклонение). Во вьетнамском языке слова не изменяются, их грамматические категории передаются с помощью порядка слов в предложении и служебных частиц (классификаторов, модификаторов, показателей числа и множественности, маркеров половой принадлежности, ориентирующих слов, показателей времени).

Наиболее распространённым и многообразным видом трансформаций при передаче форм слова является замена.

Замена грамматического числа

Необходимо учитывать следующее различие двух языков: если в русском языке у имён существительных различают два числа — единственное и множественное, то во вьетнамском языке — четыре: единственное и общее число, а также

частичная и полная множественность. Чтобы передать единственное число исчисляемого имени существительного, во вьетнамском языке имеются классификаторы, которые употребляются с числительным *một*. На общее число указывает ничем не маркированное знаменательное слово. Признаком частичной множественности выступает показатель *những*, а служебным словом *các* обозначается полная множественность. Как справедливо указывает Е.И. Тюменева, «наибольшую трудность при переводе представляет общее число, часто воспринимаемое носителем русского языка как единственное, хотя оно может означать и единичность, и множественность» [Тюменева, Глазунова 2014: 293]. При переводе общественно-политических текстов с вьетнамского языка на русский общее число обычно передается множественным числом: "Việt Nam ký hợp đồng mua *tàu ngầm* của Nga" («Вьетнам подписал контракт на закупку у России *подводных лодок*»).

Использование приёма замены требуется и в тех случаях, когда в двух языках у слова не совпадают формы грамматического числа: в одном языке слово может употребляться как в единственном, так и множественном числе, а в другом — только в единственном или только во множественном числе. Примеры: *những lựa chọn* giữa điều tốt và điều xấu — *выбор* между хорошим и плохим, но *cuộc bầu cử* tổng thống — *выборы* президента.

У русского человека может вызывать недоумение несогласованность в числе при употреблении существительного и замещающего его местоимения, что нередко встречается во вьетнамских текстах. Когда речь идет о совокупности единиц чего-либо, во вьетнамских текстах она может передаваться местоимением третьего лица множественного числа вместо единственного числа. Объяснить подобную грамматическую нестыковку можно особенностями мышления вьетнамцев, которые воспринимают совокупность не как абстрактное целое, а как множество конкретных единиц. "*Đội* bóng đá của Philippines là đối thủ quen thuộc với tuyển Việt Nam, chúng ta đã từng thắng và thua trước *họ*" («Футбольная *команда* Филиппин — знакомый для вьетнамской сборной соперник, нам случалось побеждать *её* [в оригинале: *их* — имеются в виду футболисты команды] и проигрывать *ей* [в оригинале: *им*]»).

Замена видовременной формы глагола

Хотя во вьетнамском языке есть служебные слова, указывающие на время совершения действия: *đã*, *vừa/mới*, *đang*, *sắp*, *sẽ*, однако они не всегда употребляются. Факультативность показателя времени является особенностью вьетнамского языка, то есть он может не использоваться, «поскольку во вьетнамском языке основные сигналы, позволяющие соотнести описываемые действия с определённым моментом речи, содержатся в контексте или в экстралингвистической действительности. Эти сигналы дают носителю вьетнамского языка возможность не маркировать глагольную форму временным показателем, что обеспечивает экономию речевых усилий и, в конечном счете, определяет своеобразие вьетнамской языковой картины мира, отражающей специфическую логику мышления вьетнамца» [Буй Ха Тху 2012]. При переводе на русский язык немаркированный вьетнамский глагол передаётся в соответствующей временной форме.

Фраза “Việt Nam và Mỹ *nâng cấp* quan hệ lên Đối tác chiến lược toàn diện” не может быть точно переведена на русский язык с точки зрения временной формы глагола, если не знать контекста: написана она до или после переговоров генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга с президентом США Дж. Байденом в 2023 г., на которых была подписана совместная декларация о всеобъемлющем стратегическом партнерстве. Немаркированный вьетнамский глагол *nâng cấp* в русском переводе должен обрести конкретную временную форму — поднимут или подняли. Для выбора соответствующей формы глагола нужно соотнести время события и время сообщения о нём. Например, в газете «Tuổi trẻ» сообщение на эту тему появилось вечером 10 сентября после вьетнамо-американских переговоров, поэтому в переводе глагол ставится в прошедшее время: «Вьетнам и США *подняли* отношения на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства».

С точки зрения терминологии в грамматике вьетнамского языка принято выделять продолженный и завершённый вид, чему соответствует несовершенный и совершенный вид русских глаголов. «Значение вида, подобно другим грамматическим значениям, выражается, как свойственно изолирующим языкам, аналитическим образом, то есть с помощью служебных слов. При этом форма продолженного вида аналогична немаркированной форме глагола. Завершённый вид образуется путем добавления к глаголу продолженного вида специальных служебных слов» [Ташлыкова, Буй Ха Тху 2014: 204]. К служебным словам, которые указывают на завершённость действия, относятся *xong*, *được*, *rồi*, *hết*, *đi*, *mất*, *ra*, *nổi*, *thấy*, *lên* и др. Таким образом, перфективация (образование глаголов совершенного вида от глаголов несовершенного вида) выступает основным способом видовой пары не только в русском, но и во вьетнамском языке. Однако есть существенное различие: в русском языке приёмом перфективации в основном является префиксация, а во вьетнамском — употребление служебных слов. При переводе вьетнамских глаголов завершённого вида происходит грамматическая замена: служебное слово заменяется на префикс (đọc *xong* — *про*читать; chạy *ra* — *вы*бежать).

Особого внимания заслуживает служебное слов *đang*, которое является видовременным показателем настоящего времени. Однако в ряде случае глаголы с этим показателем могут передаваться в русском языке глаголами прошедшего времени.

В частности, это обусловлено несовпадением правил согласования времён во вьетнамском и русском языках. Во вьетнамском языке, если в главном предложении глагол-сказуемое выражает прошлое действие, а действие придаточного предложения происходит в тот же самый период времени (одновременно), что и действие главного, то в придаточном предложении глагол употребляется с показателем настоящего времени *đang*: “Hai phạm nhân trốn trại *đã* bị bắt khi *đang* lẩn trốn gần biên giới”.

В русском языке при одновременности действия придаточного предложения с прошедшим действием главного предложения глагол в придаточном предложении может быть выражен либо настоящим, либо прошедшим временем. Следует отметить, что формы настоящего и прошедшего времени не являются синони-

мичными: для формы настоящего времени характерно обобщение, а форма прошедшего времени предполагает определённую единичность, конкретность действия. «*Я видел сегодня, как они работают* (не только в момент наблюдения, но и вообще). *Я видел сегодня, как они работали* (в момент наблюдения)» [Петрухина 2023: 165].

Эту особенность необходимо учитывать при переводе. В вышеприведённом вьетнамском примере речь идет о конкретном моменте задержания преступников, поэтому в русском переводе в придаточном предложении требуется использование глагола в форме прошедшего времени, следовательно, необходимо произвести замену формы настоящего времени, которой выражен вьетнамский глагол: «Оба преступника, сбежавшие из колонии, *были пойманы*, когда они *отсиживались* близ границы».

Замена частей речи

Данный тип замен диктуется рядом факторов.

1. Состав частей речи в русском и вьетнамском языках различен. Различия касаются как самого набора частей речи, так и их количества. В русском языке, в частности, отсутствуют модификаторы, классификаторы, ориентирующие слова, ориентирующие слова-предлоги. Во вьетнамском языке нет причастий, деепричастий.

Модификаторы на русский язык не переводятся, но предусматривают замену частей речи: глагола — на существительное (phát triển / *sự* phát triển — *развивать* / *развитие*); прилагательного — на глагол (béo / béo *ra* — *толстый* / *потолстеть*).

Классификатор нередко заменяет во вьетнамском предложении существительное. При переводе на русский язык вместо классификатора используется слово, которое он заменяет: “Đội *tàu bay* đang khai thác của ‘Vietnam Airlines’ đạt con số 100 *chiếc*” («Парк *воздушных судов*, эксплуатируемых авиакомпанией “Vietnam Airlines”, составляет 100 *самолетов*»).

Ориентирующие слова при переводе на русский язык обычно передаются с помощью приставок: bay *đi* — *улетать;* bay *tới* — *прилетать;* bay *lên* — *взлетать.*

Ориентирующие слова-предлоги на русский язык переводятся предлогами: *đứng lên* bục — встать *на* подиум; *đáp xuống* sân bay — приземлиться *в* аэропорту; *đặt lên* bàn thờ — положить *на* алтарь.

В ряде случаев целесообразно использование деепричастного оборота при переводе с вьетнамского языка на русский. Выделим два из них.

Во-первых, это касается предложений, построенных по следующей схеме: глагольный оборот + подлежащее + сказуемое. *Пример: “Căn cứ vào* Nghị quyết của Quốc hội, Chính phủ đã thông qua chương trình hành động cụ thể” («Исходя из решения Национального собрания, правительство приняло конкретную программу действий»).

Во-вторых, нередко предлог *với*, занимающий первую позицию в предложении, может быть трансформирован в деепричастие, исходя из сочетания предлога с существительным: “*Với* sức mạnh vật chất và tinh thần, cả dân tộc Việt Nam đều ra trận” («*Обладая* физической и душевной силой, весь вьетнамский народ поднялся на войну»).

2. Русский язык больше тяготеет к именным конструкциям, а вьетнамский — к отглагольным формам. Соединение во вьетнамской фразе двух глаголов может заменяться при переводе на русский язык следующими вариантами:

— либо формулой: глагол + существительное, то есть с помощью субстантивации второго вьетнамского глагола (góp phần *phát triển* đất nước — способствовать *развитию* страны);

— либо схемой: глагол + предлог (biểu quyết *tán thành* Hiến pháp mới — голосовать *за* новую конституцию);

3. В русском и вьетнамском языках устоявшиеся стилистические формы и правила различны. «Для вьетнамского текста повторение одного и того же слова в одном предложении не является стилистической проблемой» [Тюменева, Глазунова 2014: 259]. Пример: “Những xu hướng *phát triển* trên thế giới đang diễn ra sẽ tạo ra cơ hội để *phát triển*”.

В русском же языке лексический повтор может быть средством художественной выразительности, особенно в поэзии, но обычно это всё-таки стилистическая ошибка. Поэтому в процессе перевода необходимо использовать синонимическое богатство русского языка, то есть лексические замены. Но из-за разных в русском и вьетнамском языках стилистических подходов к текстам часто требуются и грамматические трансформации — замена частей речи. Это может быть прономинализация (замена существительного местоимением). Так, во вьетнамских политических текстах, когда речь идёт о должностных лицах, обычно из предложения в предложение повторяется их должность.

Пример: “Chiều nay, *Thủ tướng Phạm Minh Chính* đã có bài phát biểu quan trọng tại Phiên thảo luận chung Cấp cao Đại hội đồng LHQ. Đánh giá về những khó khăn hiện nay, *Thủ tướng Chính phủ* cho rằng thế giới hiện đang phải đối mặt với khủng hoảng nghiêm trọng về lòng tin, về hợp tác đa phương. Sau khi *Thủ tướng Chính phủ* kết thúc phát biểu, nhiều bè bạn quốc tế đã chúc mừng *Thủ tướng* và đánh giá cao vai trò của Việt Nam ở khu vực và trên trường quốc tế”. — «Сегодня во второй половине дня *премьер-министр Фам Минь Тинь* выступил с важной речью на совещании в рамках Недели высокого уровня Генеральной Ассамблеи ООН. Оценивая нынешние трудности, *он* отметил, что современный мир должен преодолеть серьезный кризис доверия и проблемы, связанные с развитием многостороннего сотрудничества. После выступления *Фам Минь Тиня* многие зарубежные друзья поздравили *его* с успешным участием в совещании и дали высокую оценку роли Вьетнама в регионе и на международной арене».

В русском переводе следует чередовать название должности и местоимение третьего лица единственного числа (или имя и фамилию лица, о котором идёт речь во вьетнамском тексте).

Синтаксические трансформации

Синтаксические трансформации предполагают преобразования синтаксических связей в предложении. Они касаются членов предложения и типов предложения. Синтаксическим трансформациям присуще наибольшее разнообразие:

они включают в себя такие основные приемы, как замены, перестановки, членение, объединение [Чыпсымаа 2020: 38].

Замена членов предложения

Такого рода трансформации приводят к преобразованию синтаксической схемы построения предложения. Наиболее распространёнными являются случаи замены вьетнамского подлежащего на какой-либо другой член предложения. Во вьетнамском языке подлежащее не только обозначает субъект действия (что соответствует роли подлежащего в русском языке), но часто выполняет и другие функции. Это и обуславливает необходимость определённых замен при переводе с вьетнамского языка на русский.

Нередко при переводе на русский язык производится замена вьетнамского подлежащего на обстоятельство места. Пример: "*Bài này viết* về đàm phán Việt — Nga" («*В этой статье* говорится о российско-вьетнамских переговорах», дословно: «Эта статья пишет о российско-вьетнамских переговорах»).

Во вьетнамском языке подлежащее может выполнять функцию обозначения причины. В русском переводе оно заменяется обстоятельством причины. Пример: "*Tai nạn làm* hai người đi xe máy tử vong tại chỗ" («*Из-за аварии* два мотоциклиста погибли на месте», дословно: «Авария сделала то, что два человека на мотоциклах погибли на месте»).

Замена членов предложения также может быть вызвана необходимостью актуального членения предложения, сутью которого является деление информации на известную и новую (тему и рему). Примером такого типа синтаксической модификации служит замена вьетнамский пассивной конструкции русской активной: вьетнамское подлежащее в русском предложении становится дополнением, а вьетнамское дополнение при переводе на русский язык заменяется подлежащим. Пример: "Hội nghị tổng kết hoạt động năm 2023 được Hội hữu nghị Nga — Việt tổ chức" («Общество российско-вьетнамской дружбы организовало конференцию по итогам 2023 г.»). Во вьетнамском предложении *hội nghị* (*конференция*) — подлежащее, в русском переводе — дополнение.

Замена типа синтаксических связей

Этот вид замен необходим в первую очередь в тех случаях, когда несоответствия внутренних структур языка-источника и языка перевода носят абсолютный характер, иначе говоря, когда в одном языке отсутствует грамматическая форма, присущая другому языку. Во вьетнамском языке имеются виды предложений, которым нет аналогов в русском языке — предложения по типу сцепления и членные предложения с включённой частью.

В предложениях по типу сцепления дополнение первой части служит подлежащим для второй части. На русский язык такое вьетнамское предложение переводится либо сложноподчинённым предложением с союзом «который», либо предложением с причастным оборотом. Пример: "Nước này tích cực mở rộng sự hợp tác với Việt Nam đang phát triển nhanh chóng nền kinh tế của mình" («Эта страна активно расширяет сотрудничество с Вьетнамом, *который* быстро развивает свою экономику» или «Эта страна активно расширяет сотрудничество с Вьетнамом, быстро развивающим свою экономику».

Членные предложения имеют самостоятельный предикативный центр и встраиваются в другое предложение в качестве какого-либо его члена. То есть главным признаком членного предложения является развёртывание какого-либо его члена до самостоятельного предложения с наличием подлежащего и сказуемого. Это самостоятельное предложение принято называть включённой частью. Включённой частью могут быть подлежащее, присвязочная часть сказуемого, дополнение, определение, обстоятельство. При переводе на русский язык предложений такого типа могут использоваться разные способы, соответствующие синтаксической структуре русского предложения. Наиболее подходящий способ — трансформация вьетнамского сказуемого в подлежащее [Тюменева, Глазунова 2014: 284—287]. Пример, в котором включенной частью является подлежащее: "*Việc Việt Nam và Nga hợp tác* trong lĩnh vực quốc phòng — an ninh đóng góp thiết thực vào việc duy trì môi trường hòa bình và ổn định ở khu vực và trên thế giới" («*Сотрудничество* России и Вьетнама в сфере национальной обороны и безопасности вносит реальный вклад в сохранение мирной и стабильной обстановки в регионе и во всем мире»).

Перестановка

Перестановка — это изменение порядка следования языковых элементов в тексте перевода, по сравнению с текстом оригинала. Языковыми элементами в процессе перестановки могут быть слова, словосочетания, части сложного предложения, самостоятельные предложения. Перестановки, как правило, диктуются различием в строе предложения в разных языках. Для русского предложения характерна свободная позиция членов предложения, порядок слов во многом зависит от актуального членения предложений [Чыпсымаа 2020: 38]. Вьетнамское предложение, как уже было отмечено, предполагает строго фиксированный порядок слов: подлежащее, сказуемое, дополнение. Важным моментом, который нужно учитывать, является и то, что во вьетнамском и русском языках может быть разный порядок следования частей сложного предложения. Поэтому в процессе перевода нередко приходится менять местами главное и придаточное предложения.

При переводе следующего вьетнамского предложения можно использовать несколько вариантов с различными перестановками: "Sau *khi* dự Hội nghị thượng đỉnh G20 tại Ấn Độ, *tổng thống* Mỹ *đến* Việt Nam ngay". Пример перевода — с использованием перестановки частей сложного предложения (сначала главное, потом придаточное): «Президент США прибыл во Вьетнам сразу после того, как принял участие в саммите G20 в Индии». Другой пример перевода, помимо перестановки (подлежащее, выраженное существительным, переносится из главного предложения в придаточное), предусматривает еще и замену (в главном предложении существительное, выступающее в роли подлежащего, заменяется на местоимение): «После того, как *президент* США принял участие в саммите G20 в Индии, *он* сразу прибыл во Вьетнам».

Членение / объединение предложений

Членение предполагает преобразование одного предложения на языке оригинала в два или более самостоятельных предложения в тексте перевода. Объеди-

нение предложений при переводе — способ трансформации, при котором синтаксическая структура в исходном тексте преобразуется путем соединения двух предложений в одно сложное.

Практика перевода вьетнамских политических текстов свидетельствует, что способ членения более востребован, чем приём объединения. Особенностью политических текстов на вьетнамском языке часто является наличие развёрнутых предложений, насчитывающих десятки слов, со сложной синтаксической структурой. Такие предложения обычно требуют членения, так как громоздкие синтаксические конструкции не отвечают норме русского языка [Мамедов 2014: 102].

Кроме того, причиной для членения предложения может быть более широкая сочетаемость одновременно употребляемых вьетнамских глаголов по сравнению с теми, которые используются в русском переводе. Пример: “Chính phủ cần khuyến khích, tạo điều kiện thuận lợi cho việc phát triển các công ty tư nhân một cách bền vững để củng cố cơ sở kinh tế — xã hội của đất nước” («Правительству нужно стимулировать устойчивое развитие частных компаний для того, чтобы укрепить социально-экономическую базу страны. Кроме того, следует создавать благоприятные условия для деятельности таких бизнес-структур»). В русском переводе вьетнамское предложение разделено на два самостоятельных предложения, каждое из которых является законченной мыслью. Это связано с тем, что требуется разное управление после глагола *стимулировать* (что-либо) и выражения *создавать условия* (для чего-либо).

Заключение

Переводческие трансформации играют важную роль в процессе перевода: они позволяют осуществить переход от оригинального теста к переводному без утраты смысловой нагрузки первого. Особым типом переводческих преобразований являются грамматические трансформации, применение которых обусловлено различиями в строе языков. Использование грамматических трансформаций представляет определённую сложность, степень которой зависит от характера различий в структуре двух языков. Эти различия проявляются в абсолютных или частичных несовпадениях. При применении грамматических преобразований заменяются грамматические формы и конструкции языка оригинала неэквивалентными с формальной точки зрения формами и конструкциями языка перевода с целью достижения равноценности текста оригинала и перевода. Для обеспечения адекватности перевода используются различные приёмы грамматических трансформаций, такие как замены, перестановки, членение, объединение и др.

Грамматические трансформации широко используются при переводе с вьетнамского языка на русский и наоборот, что связано с их принадлежностью к разным языковым системам. Нередко при переводе структура вьетнамского предложения частично или полностью оказывается отличной от структуры русского предложения.

Умение пользоваться грамматическими трансформациями свидетельствует о высоком профессиональном уровне переводчика.

Список литературы

Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Буй Ха Тху. Значения видовременной формы русского глагола и способы их выражения во вьетнамском языке // Современные исследования социальных проблем. Электронный научный журнал. 2012. № 4. URL: https://clck.ru/3AC5wq (дата обращения: 25.03.2024).

Карпеева О.Я. Некоторые виды лексических и грамматических трансформаций при переводе с английского языка на русский язык // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 213—217.

Мамедов А.Н. Основные лексико-грамматические трансформации при переводе текстов печатной немецкоязычной рекламы // Вестник РУДН, серия «Лингвистика». 2014. № 1. С. 97—109.

Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта, 2023.

Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Восточная литература, 1995. 352 с.

Ташлыкова М.Б., Буй Ха Тху. Способы репрезентации частных видовых значений русского глагола во вьетнамском языке // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 203—214.

Тюменева Е.И., Глазунова С.Е. Вьетнамский язык: общественно-политический перевод: учебное пособие для продолжающих. М.: МГИМО-Университет, 2014. 472 с.

Чыпсымаа О.О. Анализ грамматических способов переводческой трансформации // Вестник Тувинского государственного университета. 2020. № 4. С. 33—42.

Bùi Thị Diên. Các phương thức chuyển dịch câu bị động tiếng Anh sang tiếng Việt [*Буй Тхи Зиен*. Способы перевода пассивных конструкций с английского языка на вьетнамский] // Tạp chí khoa học ĐHQGHN, Ngoại ngữ. T. XXI. 2005. № 3. Tr.36—42. (На вьет. яз.)

Lê Hùng Tiến. Tương đương dịch thuật và tương đương trong dịch Anh — Việt [*Ле Хунг Тиен*. Переводческая эквивалентность и эквивалентность в переводах с английского языка на вьетнамский] // Tạp chí Khoa học ĐHQGHN, Ngoại ngữ. 2010. № 26. Tr. 141—150. (На вьет. яз.)

Lê Thị Giao Chi. Ẩn dụ ngữ pháp và hiện tượng chuyển đổi trong dịch thuật [*Ле Тхи Зяо Ти*. Грамматическая метафора и феномен переводческих трансформаций] // Tạp chí Khoa học và Công nghệ — Đại học Đà Nẵng. Quyển 2. 2014. № 6. Tr. 42—45. (На вьет. яз.)

References

Barhudarov, L.S. (1975) *Yazyk i perevod* [*Language and translation*]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 240 p. (In Russian)

Bùi Thị Diên (2005). Các phương thức chuyển dịch câu bị động tiếng Anh sang tiếng Việt [Bui Thi Dien. Ways to translate passive constructions from English into Vietnamese]. *Tạp chí khoa học ĐHQGHN, Ngoại ngữ*, XXI (3): 36—42. (In Vietnamese)

Bui Ha Thu (2012). Znacheniya vidovremennoj formy russkogo glagola i sposoby ih vyrazheniya vo vietnamskom yazyke [Meanings of the tense form of the Russian verb and ways of expressing them in Vietnamese]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, 4. Retrieved on 25.03.2024 from URL: https://clck.ru/3AC5wq. (In Russian)

Chypsymaa, O.O. (2020) Analiz grammaticheskih sposobov perevodcheskoj transformacii [Analysis of grammatical methods of translation transformation]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4: 33—42. (In Russian)

Karpeeva, O.Ya. (2017) Nekotorye vidy leksicheskih i grammaticheskih transformacij pri perevode s anglijskogo yazyka na russkij yazyk [Some types of lexical and grammatical transformations when translating from English into Russian]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2: 213—217. (In Russian)

Lê Hùng Tiến (2010). Tương đương dịch thuật và tương đương trong dịch Anh — Việt [Le Hung Tien. Translation equivalence and equivalence in translations from English to Vietnamese]. *Tạp chí Khoa học ĐHQGHN, Ngoại ngữ*, 26: 141—150. (In Vietnamese)

Lê Thị Giao Chi (2014). Ẩn dụ ngữ pháp và hiện tượng chuyển đổi trong dịch thuật [Le Thi Giao Chi. Grammatical metaphor and the phenomenon of translation transformations]. *Tạp chí Khoa học và Công nghệ — Đại học Đà Nẵng*, 2, (6): 42—45. (In Vietnamese)

Mamedov, A.N. (2014) Osnovnye leksiko-grammaticheskie transformacii pri perevode tekstov pechatnoj nemeckoyazychnoj reklamy [Basic lexical and grammatical transformations when translating texts of printed German-language advertising]. *Vestnik RUDN*, 1: 97—109. (In Russian)

Petrukhina, E.V. (2023). Russkiy glagol: kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy) [Russian verb: categories of type and tense (in the context of modern linguistic research]. 2nd edition. M.: Flinta. 288 p. (In Russian)

Solncev, V.M. (1995) *Vvedenie v teoriyu izoliruyushchih yazykov* [Solntsev, V.M. *Introduction to the theory of isolating languages*]. Moscow: Vostochnaya literatura. 352 p. (In Russian)

Tashlykova, M.B., Bui Ha Thu (2014). Sposoby reprezentacii chastnyh vidovyh znachenij russkogo glagola vo v'etnamskom yazyke [Methods of representing particular aspectual meanings of a Russian verb in the Vietnamese language]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, 4: 203—214. (In Russian)

Tyumeneva, E.I., Glazunova, S.E. (2014) *Vietnamskij yazyk: obshchestvenno-politicheskij perevod: uchebnoe posobie dlya prodolzhayushchih* [*Vietnamese language: socio-political translation: a textbook for advanced students*]. M.: MGIMO-Universitet. 472 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 17.06.2024
Дата поступления в переработанном виде: 13.08.2024
Принята к печати: 17.09.2024

Received: June 17, 2024
Received in revised form: August 13, 2024
Accepted: September 17, 2024

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.54631/VS.2024.83-636613

Е.С. Бурова

Учёные России и стран ЮВА — о настоящем и будущем Меконга

Аннотация. В академическом формате впервые в РФ прошла конференция «Меконг: региональные вызовы и возможные решения», организованная Центром изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН и Центром научно-аналитической информации ИВ РАН при поддержке Фонда Горчакова. В статье приведён обзор этой конференции. Участники конференции рассмотрели геополитическую ситуацию в субрегионе Большого Меконга (СБМ), дали оценку его ресурсов, особенностей социально-экономического развития отдельных государств, обобщили различные мнения по вопросам устойчивого развития субрегиона, выявили основные противоречия, связанные с трансграничным характером реки, проанализировали планы, эффективность механизмов сотрудничества между соседними странами и внешними партнерами, а также выдвинули предложения по решению существующих проблем с участием России.

Ключевые слова: субрегион Меконга, ЮВА, США, Китай, региональное сотрудничество, цифровая повестка, транспортная взаимосвязанность.

Автор: Бурова Елена Сергеевна, н. с., Центр изучения Вьетнама и АСЕАН, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0003-1047-2573. E-mail: epylcina@yandex.ru

Для цитирования: *Бурова Е.С.* Учёные России и стран ЮВА о настоящем и будущем Меконга // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 3. С. 82—90.

E.S. Burova

Scholars from Russia and Southeast Asia Countries on the Present and Future of Mekong River

Abstract. This is an overview of the conference "Mekong: Regional Challenges and Possible Solutions" organized by the Center for Vietnam and ASEAN Studies of the Institute of China and Contemporary Asia within Russian Academy of Sciences, and the Center for Scientific and Analytical Information of the Institute of Oriental Studies within Russian Academy of Sciences, with the support of the Gorchakov Foundation. The conference participants examined the geopolitical situation in the Greater Me-

kong Sub-region, assessed its resources, peculiarities of socio-economic development of individual states, summarized various opinions on sustainable development of the GMS, identified the main contradictions associated with the transboundary nature of the river, analyzed plans, the effectiveness of cooperation mechanisms between neighboring countries and external partners, as well as put forward proposals for solving existing problems with the participation of Russia.

Keywords: Mekong sub-region, SEA, USA, China, regional cooperation, digital agenda, transport connectivity.

Author: Burova Elena S., Researcher, Centre for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Ruassian Academie of Sciences. ORCID: 0000-0003-1047-2573. E-mail: epylcina@yandex.ru

For citation: Burova, E.S. (2024) Scholars from Russia and Southeast Asia Countries on the Present and Future of Mekong River. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (3): 82—90.

26 и 28 июня 2024 г. состоялась международная научно-практическая конференция «Меконг: региональные вызовы и возможные решения». Она была организована при поддержке Фонда Горчакова Центром изучения Вьетнама и АСЕАН Института Китая и современной Азии РАН и Центром научно-аналитической информации Института востоковедения РАН и прошла в стенах этих двух ведущих востоковедческих научных учреждений России (рис. 1).

Рис. 1. Конференция в стенах ИКСА РАН.
Фото ИВ РАН.

Отличительной чертой собрания стал его масштабный характер. В нём приняли участие российские и зарубежные специалисты — учёные, эксперты-практики, преподаватели вузов, сотрудники посольств. Что самое важное — с докладами выступили представители всех стран субрегиона Меконга, показав свое видение на проблемы и обсудив возможные пути их решения. Ещё одной особенностью встречи, пожалуй, впервые нашедшей проявление, стало участие специалистов естественных наук, в том числе экологов, биологов и химиков. Широкий круг профессионалов позволил не только существенно раздвинуть рамки заинтересованной и предметной беседы о субрегионе, но и наметить ряд проектов на ближайшее будущее, предпосылки которых уже созданы в академической среде РАН.

В последние годы вопрос о роли водных ресурсов в международных отношениях стал одним из самых обсуждаемых, причиной чего является отсутствие альтернативы этому дефицитному ресурсу на фоне непрерывного увеличения спроса на него. Однако в России тема эксплуатации Меконга и сопряжённых с ней политических и социально-экономических вызовов поднималась впервые. Стратегическая роль Меконга в субрегионе и зависимость дальнейшей траектории его развития от характера использования потенциала реки актуализирует исследования по данной проблематике. Актуальность проблемы обусловлена и растущим влиянием водного фактора на международные отношения, в том числе в Юго-Восточной Азии (ЮВА), значение этой проблемы во внешней политике России на фоне усиливающегося противостояния с коллективным Западом всё более увеличивается.

По мере роста эксплуатации ресурсов реки Меконг всё отчетливее проявляются связанные с этим противоречия. Заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока СПбГУ профессор В.Н. Колотов рассмотрел историю борьбы за доминирование и современную расстановку сил в субрегионе Меконга. Эффективность сложившихся механизмов сотрудничества и конкуренции между соседними странами и внешними партнерами находится в состоянии неустойчивого равновесия, поскольку расположенные выше по течению страны не заинтересованы учитывать интересы тех, кто расположен ниже, а последние даже с опорой на внешние силы не имеют ресурсов заставить «верхних» изменить свою политику, отметил учёный. По его мнению, в данном контексте оптимальным решением является добрая воля «верхних», чтобы помочь «нижним», или же альтернативой может стать движение в сторону управляемого локального конфликта под внешним контролем.

Доцент Чиангмайского университета Нарут Тьеренсри затронул проблему конкуренции сверхдержав в субрегионе, осветил существующие инициативы при их поддержке и отметил, что ни одна субрегиональная инициатива не была институализирована. За последние несколько лет сотрудничество активизировалось благодаря новым инициативам, возглавляемым крупными державами. На данный момент в субрегионе Меконга действуют более 13 структур и механизмов. Тайский ученый считает, что неинституализированный характер сотрудничества является существенным препятствием для устойчивого развития в субрегионе.

Заведующий Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН Д.В. Мосяков рассказал о превращении проекта Меконга в рамках американо-китайского противостояния из макроэкономического в политический. Эксперт заключил, что из задуманного символа единства проект Меконга превратился в «яблоко раздора», и перспективы найти общий консенсус в условиях американо-китайских противоречий выглядят крайне неопределённо. Именно поэтому директор Института международных отношений Королевской академии Камбоджи Кин Пхеа отметил, что решение проблем субрегиона Меконга с учётом геополитических сложностей требует деликатного балансирования (рис. 2). Только развивая сотрудничество и выступая за единый подход, страны бассейна Меконга могут гарантировать, что великая река станет мостом к устойчивому и процветающему будущему, а не ядром противоречий.

Рис. 2. Кин Пхеа выступает на конференции в стенах ИВ РАН.
Фото ИВ РАН.

Директор Центра исследований России и стран СНГ Института европейских исследований Вьетнамской академии общественных наук Ву Тхюи Чанг (рис. 3) обратила внимание на то, что различия в политических институтах и в уровнях

Рис. 3. Ву Тхюи Чанг (слева) на конференции в стенах ИВ РАН.
Фото ИВ РАН.

экономического развития стран в регионе, также как и культурные и социальные различия создают множество трудностей для сотрудничества стран СБМ. Поскольку в этом регионе находятся в основном небольшие страны, экономика которых сильно зависит от внешних факторов, связанные с сотрудничеством и инвестициями риски также относительно высоки. Всё это приводит к тому, что страны СБМ имеют разный уровень готовности реагировать на угрозы и вызовы в сфере безопасности в регионе.

Профессор кафедры востоковедения, н. с. исследовательской лаборатории «Центр японских, корейских и монгольских исследований» МГИМО (У) МИД РФ С.Г. Лузянин проанализировал сотрудничество в субрегионе через призму Китая, подчеркнув, что последний является основным бенефициаром освоения СБМ. Пекин крайне внимательно следит за всеми событиями на данном направлении внешней политики. В рамках трансформации региональной системы Китай добивается целого ряда стратегических целей, в том числе установления своего преобладающего влияния в Юго-Восточной Азии.

Сложное сопряжение экономических интересов, политического соперничества и экологических соображений в субрегионе привлекло внимание основных мировых держав, превратив субрегион Меконга в арену геополитической конкуренции с далеко идущими последствиями для региональной стабильности, экономической интеграции и устойчивого развития. Ведущий эксперт Центра научно-аналитической информации ИВ РАН А.А. Бутко определил перспективы

влияния водной проблемы Меконга на развитие не только отношений стран речного бассейна, но и международных отношений в ЮВА в контексте роста американо-китайского противостояния. По его мнению, развитие противоречий происходит не в сторону скатывания в конфликт, а в направлении наращивания сотрудничества.

В. н. с. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России К.А. Ефремова с сожалением констатировала, что в набирающем амплитуду американо-китайском противостоянии ведущие страны АСЕАН предпочли занять антироссийскую позицию. Хотя она нигде не афишируется, но очевидно проявляется в некоторых знаковых деталях.

Огромное экономическое значение Меконга определило масштаб и глубину противоречий вокруг использования водных ресурсов этой главной индокитайской реки. Их проявлением стала деградация речного бассейна, происходящая под влиянием множества факторов природного и рукотворного характера. Уменьшение количества осадков, строительство плотинных гидроэлектростанций в основном течении и на притоках Меконга, добыча песка из речного дна и увеличение водозабора для ирригации привели к падению и изменению характера годового стока реки, сокращению продуктивности сельского хозяйства и рыболовства, обрушению берегов и засолению почв дельты Меконга приливными водами ЮКМ. Н. с. центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН Е.С. Бурова отметила, что неправильное использование природных ресурсов происходит отчасти из-за того, что их истинная экономическая ценность не признается, а нынешние и будущие последствия разрушения природного капитала сильно недооцениваются. Однако фактически это истощение не отражается на ВВП в краткосрочной перспективе. В долгосрочной же серьёзные экологические последствия подчас могут поставить под угрозу дальнейшее развитие. Решение проблем совместного использования водно-энергетических ресурсов в субрегионе имеет не только ключевое экономическое, но и огромное экологическое, политическое, в том числе и международное, значение. По сути, это один из основных факторов формирования в регионе зоны стабильности, экономического развития и экологической безопасности.

Заместитель директора департамента развития международных проектов «Русатом — Международная Сеть» Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» И.В. Паламарчук рассказал о новейших технологиях в области энергетики, аграрного сектора и медицины, применение которых позволит сохранить энергетический и технологический суверенитет в странах субрегиона. Директор Института органической химии РАН А.О. Терентьев также сообщил о разработках российских ученых в области органической химии, которые могут быть использованы в стратегических отраслях экономики Индокитайского полуострова (рис. 4).

Были затронуты и вопросы транспортной инфраструктуры. Так, доцент, зам. директора Центра исследований ШОС при Институте международных исследований Фуданьского университета Ма Бин проанализировал аспекты транспортной взаимосвязанности в субрегионе, отметив, что с тех пор, как была выдвинута инициатива «Один пояс, один путь», Китай играет более активную и важную

Рис. 4. А.О. Терентьев выступает на конференции в стенах ИВ РАН.
Фото ИВ РАН.

роль в этом процессе. Однако его усилия порождают ряд проблем. Геополитическая конкуренция, являясь важным фактором, влияющим на перспективы железнодорожного сообщения между Китаем и Юго-Восточной Азии, в то же время служит ключевым препятствием для роста благосостояния, формируемого новой геоэкономической сетью Китаю и ЮВА. В свою очередь, доцент, н. с. Института исследований Юго-Восточной Азии Вьетнамской академии общественных наук Зыонг Ван Хюи высказал серьёзные опасения относительного возрастающего влияния Китая в субрегионе. Учёный подчеркнул, что в целом страны региона стремятся сотрудничать с Китаем, особенно в экономической сфере. Вместе с тем эти страны существенно различаются в видении перспектив развития СБМ и стратегиях адаптации к растущему влиянию Китая в регионе.

Профессор факультета мировой экономики и мировой политики департамента международных отношений НИУ ВШЭ, в. н. с. Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН Е.А. Канаев оценил основные черты субрегиона Большого Меконга как многостороннего проекта, показав его цифровое

измерение, основные параметры и совместные инициативы его цифровой поддержки.

Руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН В.М. Мазырин подчеркнул, что более тесные экономические связи с внешними рынками дают СБМ возможность извлечь выгоду из расширения торговли, туризма, инвестиций, обеспечить впечатляющий экономический рост в субрегионе. В то же время страны СБМ — самое слабое звено в цепи АСЕАН. Разрыв в уровне развития между ними и другими членами АСЕАН остаётся серьезной проблемой для построения Экономического сообщества. Как региональная группировка АСЕАН остаётся второстепенным игроком, даже сторонним наблюдателем в отношении многих экологических и других проблем в бассейне Меконга, а их нерешённость влияет на продовольственную безопасность региона, сдерживает борьбу с изменением климата. Разворачивающийся экологический кризис в последние годы приобрел беспрецедентно острый характер: экосистема Меконга находится на грани необратимого разрушения.

Отдельная сессия была посвящена проблемам экологии. Изменение климата подвергает риску жизни и здоровье населения, экономику и природные ресурсы в субрегионе Большого Меконга. Среди ключевых угроз — рост изменчивости погоды, учащение опасных природных явлений и изменение характера выпадения осадков. В среднесрочной перспективе устойчивому развитию региона начнут угрожать вызванные ими снижение урожайности сельскохозяйственных культур, доступности пресной воды, а также деградация окружающей среды и снижение биологического разнообразия. Повышение уровня моря, особенно в дельте реки Меконг и прибрежных районах, может привести к срыву планов реализации крупных инвестиционных проектов. Действия стран региона по борьбе с изменением климата и адаптации к его последствиям будут определять судьбы миллионов его жителей в ближайшие десятилетия.

Руководитель Лаборатории экологии прибрежных донных сообществ Института океанологии РАН им. П.П. Ширшова В.А. Мокиевский проанализировал роль мангровых лесов в природных комплексах дельты Вьетнама и в жизни местного населения, рассказал об изменениях их границ и структуры за последние десятилетия, а также предложил подходы к расширению научного сотрудничества в изучении природы Меконга.

Заместитель директора, с. н. с. Института демографических исследований ФНИСЦ РАН А.С. Лукьянец и с. н. с. этого института Е.М. Моисеева подробно осветили климатические вызовы для субрегиона, их социально-экономические последствия, реализуемые инициативы в области окружающей среды и адаптации к изменениям климата, а также выявили причины затруднений в их реализации.

Иностранными и российскими специалистами была отмечена потенциальная роль России в противостоянии вызовам, стоящим перед субрегионом. Обладая обширным опытом в таких областях, как многосторонняя дипломатия, управление водными ресурсами, адаптация к изменению климата, устойчивое сельское хозяйство и возобновляемые источники энергии, Россия имеет все возможности для предоставления ценной помощи и знаний странам субрегиона

Меконга. Это взаимодействие может привести к взаимовыгодным результатам, способствуя более стабильному, процветающему и устойчивому будущему как для субрегиона Меконга, так и для России. Ряд ученых из стран СБМ напрямую предложили России создать постоянно действующую структуру по сотрудничеству с ними и продвижению перспективных российских технологий по аналогии (и, от себя добавим, для конкуренции) с теми, которые используют Китай и западные державы, типа Партнерства Россия—Меконг. Подводивший итоги сессии в ИКАС профессор В.М. Мазырин выделил это предложение как один из основных итогов конференции для организаторов и обещал приложить усилия для его реализации.

Дата поступления статьи: 03.09.2024
Принята к печати: 17.09.2024

Received: September 3, 2024
Accepted: September 17, 2024

DOI: 10.54631/VS.2024.83-636614

М.А. Сюннерберг

Новый формат изучения Вьетнама в МГУ

Аннотация. В статье представлен обзор первой мультимедийной страноведческой викторины по Вьетнаму, состоявшейся 21 сентября 2024 г. в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор идеи и составитель вопросов викторины рассказывает об особенностях формата этого мероприятия, его целях и задачах, а также о впечатлениях тех, кто его посетил.

Ключевые слова: ИСАА МГУ, мультимедийная викторина, вьетнамоведение, Вьетнам, история, культура.

Автор: Сюннерберг Максим Алексеевич, к. и. н., доцент, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0002-0111-9551.E-mail: hongik@mail.ru

Для цитирования: *Сюннерберг М.А.* Вьетнам в новом формате // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 3. С. 91—96.

M.A. Syunnerberg

A New Format for Studying Vietnam at MSU

Abstract. This is an an overview of the first multimedia regional studies quiz on Vietnam, which took place on September 21, 2024, at the Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University. The author of the quiz idea presents the features of the format of this event, its goals and objectives, as well as the impressions of those who attended it.

Keywords: IAAS MSU, multimedia quiz, Vietnam studies, Vietnam, history, culture.

Author: Syunnerberg, Maxim A., Ph.D. (History), Assistant Professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University.
ORCID: 0000-0002-0111-9551. E-mail: hongik@mail.ru

For citation: Syunnerberg, M.A. (2024) A New Format for Studying Vietnam at MSU. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (3): 91—96.

Много эмоций, новых знаний и впечатлений получили участники и зрители первой мультимедийной страноведческой викторины по Вьетнаму, прошедшей 21 сентября 2024 г. в Институте стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. Это первая викторина такого формата в истории российского обучения не только студентов-вьетнамистов, но и востоковедов в целом.

Инициатором викторины и автором её вопросов стал доцент ИСАА М.А. Сюннерберг (рис. 1). По его мнению, проведение мультимедийной страноведческой викторины призвано представить новый формат в изучении Вьетнама и в пропаганде его культуры. В России, известной своей сильной школой вьетна-

Рис. 1. Доцент ИСАА МГУ М.А. Сюннерберг.
Фото ИСАА

моведения, давно проводятся научные конференции (как для состоявшихся учёных, так и для студентов), есть конкурсы вьетнамского языка (самый известный из которых — ежегодно проводимый в МГИМО конкурс общественно-политического перевода), концертные мероприятия с участием студентов-вьетнамистов. Представители вьетнамского посольства и землячества регулярно проводят Дни Вьетнама в России. При всей своей масштабности каждое из подобных мероприятий охватывает преимущественно какую-либо одну сферу: либо это чисто научный доклад, либо демонстрация знаний вьетнамского языка или творческих и художественных навыков.

Идея викторины заключается в том, чтобы в рамках одного мероприятия соединить интеллектуальную и развлекательную составляющую и сделать это динамично и увлекательно, чтобы за один вечер студенты могли продемонстрировать свою эрудицию, реакцию, логику в по-настоящему спортивно-азартной атмосфере. Механика викторины в полной мере помогает осуществить это.

Механика викторины

Первое и самое главное — викторина проходит полностью в мультимедийном формате, без использования привычных листков бумаги и ручек. Для этого была привлечена организация-партнер, специализирующаяся на проведении барных квизов, и механика их игры была подстроена под вьетнамоведческий контент конкретного мероприятия. Все вопросы выводились на большой на-

стенный экран, а ответы давались через специальные пульты-геймпады в руках участников (рис. 2). Викторина состояла из пяти разноплановых раундов, в каждом из которых по 15 вопросов. К каждому вопросу давалось по нескольку (как правило, 4—5) вариантов ответа.

Время для выбора того варианта, который каждый участник считает верным, и для нажатия соответствующей кнопки на индивидуальном пульте — от 15 до 20 секунд в зависимости от раунда. После чего на экран для всеобщего сведения выводились результаты: кто дал неправильный ответ, кто — правильный и быстрее всех. За правильный ответ и его быстроту начислялись баллы (от 200 до 300 в зависимости от скорости), за неправильные — баллы списывались (от -50 до -200 баллов). То есть мало было ответить просто правильно, нужно было сделать это быстрее остальных.

Рис. 2. Участники с геймпадами.
Фото ИСАА

Динамичности турнирного положения способствовало и то, что лидеры теряли на неправильных ответах больше баллов, чем те, кто на тот момент был позади списка. Это позволяло на протяжении всей игры сохранять турнирную интригу и не расслабляло ни лидеров, ни аутсайдеров гонки.

Вопросы викторины

Формат раундов был также различен: в первом раунде предлагались достаточно простые вопросы по базовым знаниям о стране, в третьем — посложнее. Второй раунд — «50/50» — где только два варианта ответа, но на весьма необыч-

ные вопросы. Четвертый раунд — полностью мультимедийный и состоял исключительно из фото, видео и аудио-вопросов. В пятом раунде были наиболее сложные вопросы, направленные, как правило, не на знание конкретных фактов, а на «знание через знание», когда для нахождения верного ответа от участников требуется сопоставить несколько фактов или соединить их в логическую цепочку. Совокупность вопросов должна была дать участникам и зрителям достаточно полное представление о стране, не сводясь преимущественно к какой-либо одной сфере. Именно поэтому вопросы затрагивали самые разные аспекты — культуру, историю, религию, литературу, одежду и кухню, вьетнамские поговорки, забавные факты о стране и другое.

Пример лёгкого вопроса из первого раунда: «Сколько тонов во вьетнамском языке?», «Как раньше назывался г. Хошимин?», «Что означает термин «Нам тиен»?». Из раунда посложнее — «Название какой из этих стран по-вьетнамски не имеет омонима-имени нарицательного?» (Испания, Англия, Италия, Германия). В наиболее сложных вопросах предлагалось выбрать правильный хронологический порядок правления разных династий, расставить архитектурные постройки с севера на юг, разгадать вьетнамскую загадку.

Ход игры

Участие в викторине приняли 27 студентов московских вузов, где преподаются дисциплины, связанные с Вьетнамом. На одной площадке сразились студенты ИСАА, МГИМО, МГЛУ, ВШЭ. Участники играли под псевдонимами, что позволило им не стесняться допущенных ошибок и гипотетически низкого рейтинга.

Почётными гостями мероприятия стали представители оказавшего содействие организации и проведению квиза Фонда содействия развитию российско-вьетнамского сотрудничества «Традиции и дружба» во главе с техническим директором Нгуен Хоанг Зянгом, представитель Посольства СРВ в РФ, представители руководства ИСАА, а также преподаватели вьетнамского языка и вьетнамоведения из других вузов Москвы (рис. 3). Всего зал собрал около 60 человек.

Игру вели профессиональный ведущий от организации-партнера, а также организатор викторины М.А. Сюннерберг.

Как и предполагалось, в начале игры лидеры все время сменяли друг друга. Однако примерно к середине выделился дуэт главных претендентов на победу — Мария Нарбут из МГИМО, единственная решившаяся выступать под своим настоящим именем, и Арсений Ребров, выступавший под псевдонимом Ле Хоан. В результате с разницей всего в 100 баллов победительницей стала представительница МГИМО (рис. 4). После завершения игры она призналась: «Победа на викторине стала для меня праздником и неожиданностью: ведь ИСАА славится своими вьетнамистами. Спасибо ИСАА за проведение современной интерактивной викторины».

Призы были выбраны в соответствии со страноведческой тематикой мероприятия — аутентичная продукция вьетнамского ремесленного производства.

Рис. 3. Гости викторины.
Фото ИСАА.

Рис. 4. Награждение победительницы.
Фото ИСАА.

На протяжении всей игры никто из присутствующих — участников и зрителей — не оставался равнодушным. Как отметила старший преподаватель вьетнамского языка МГИМО Светлана Глазунова, «викторина прошла в фантастическом формате, очень здорово, очень весело. Важно, что были вопросы не только про язык, но и про страну — её историю, географию, культуру. Даже мы, преподаватели, хоть и не участвовали в викторине, но были воодушевлены так же, как и её участники, переживали за них. Будем ждать следующей подобной викторины».

Думается, что подобный интеллектуально-развлекательный формат органично дополнит усилия отечественных вьетнамистов по изучению страны и распространению в России ее культуры. Хочется надеяться, что эта викторина станет ежегодной знаковой площадкой, где студенты-вьетнамисты смогут продемонстрировать свои знания и навыки.

Дата поступления статьи: 23.09.2024
Принята к печати: 25.09.2024

Received: September 23, 2024
Accepted: September 25, 2024

ВОСПОМИНАНИЯ

DOI: 10.54631/VS.2024.83-636616

В.В. Бобров

Начало работ по тропикостойкости в Российско-Вьетнамском Тропическом центре

Аннотация. Приводятся определения биоповреждений и тропикостойкости и описание работы первого экспедиционного отряда по оценке влияния термитов на материалы и оборудование в 1988—1989 гг. во Вьетнаме.

Ключевые слова: Вьетнам, Тропический центр, биоповреждения, тропикостойкость.

Автор: Бобров Владимир Владимирович, к. б. н., с. н. с. Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН. ORCID: 0000-0001-6756-516X. E-mail: vladimir.v.bobrov@gmail.com

Для цитирования: *Бобров В.В.* Начало работ по тропикостойкости в Российско-Вьетнамском Тропическом центре // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 3. С. 97—106.

V.V. Bobrov

Beginning of Works on Tropical Resistance in the Vietnam-Russia Tropical Center

Abstract. The article provides descriptions of biodeteriorations and tropical resistance and of the work of the first expedition team to assess the effect of termites on materials and equipment in 1988—1989 in Vietnam.

Keywords: Vietnam, Tropical Center, biodeteriorations, tropical resistance.

Author: Bobrov, Vladimir V., Ph.D. (Biology), Senior Researcher, A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution RAS. ORCID: 0000-0001-6756-516X.
E-mail: vladimir.v.bobrov@gmail.com

For citation: Bobrov, V.V. (2024) Beginning of Works on Tropical Resistance in the Vietnam-Russia Tropical Center. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (3): 97—106.

Светлой памяти Дмитрия Павловича Жужикова (1932—2020) — начальника первого экспедиционного отряда по тропикостойкости в Российско-Вьетнамском Тропическом центре

7 марта 1987 г. в соответствии с межправительственным соглашением СССР и СРВ был создан Советско-Вьетнамский (ныне Российско-Вьетнамский) научно-исследовательский и технологический Тропический центр (Тропцентр). Его

создание и развитие подробно описаны [Бочаров 2002; Бобров 2020]. При формирования этого научного учреждения были определены три основных направления его работы: фундаментальные исследования в области биологии и экологии тропического региона (тропическая экология); испытание тропикостойкости материалов и техники и разработка средств защиты от коррозии, старения и биологических повреждений техники (тропическое материаловедение); исследование отдалённых медико-биологических и экологических последствий массированного применения армией США гербицидов и дефолиантов во время войны с Вьетнамом, а также исследование особо опасных инфекционных болезней (тропическая медицина).

Предыдущие статьи автора были посвящены описанию экологического направления [Бобров 2017; 2018]. В настоящем сообщении приводится информация о начале работ в области тропикостойкости. Под этим термином подразумевается свойство материалов или изделий выдерживать хранение и эксплуатацию в тропических условиях (интенсивное солнечное облучение, высокая температура, высокая относительная влажность воздуха, наличие спор грибковой плесени и другие условия, свойственные странам с влажным и сухим тропическим климатом) без недопустимого ухудшения практически важных свойств [Невдяев 2002].

История работ по тропикостойкости в России ведёт свое начало с создания в 1980 г. в Институте эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР (ныне — Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН) лаборатории биоповреждений для проведения исследований по проблеме защиты материалов, технических изделий и объектов народного хозяйства от повреждений, причиняемых грызунами, птицами, насекомыми, плесневыми грибами и другими макро- и микроорганизмами. Институт стал головной российской организацией по данной проблеме, а первым (и единственным) заведующим лабораторией был назначен Борис Васильевич Бочаров. С самого начала были определены её основные задачи: изучение ущерба от биоповреждений, исследование экологии и биологии животных — агентов биоповреждений, совершенствование средств и способов защиты от биоповреждений [Институт эволюционной морфологии ... 1996].

Лабораторией совместно с научным советом по биоповреждениям и смежными научными учреждениями был проведён сбор, обобщение и анализ данных по биоповреждениям, выделены наиболее опасные группы организмов — агентов биоповреждений, их привязка к различным природно-климатическим и эксплуатационным условиям, проведена классификация материалов по их стойкости к повреждению различными организмами. Важное значение придавалось изучению химических средств защиты от биоповреждений (биоцидов), наиболее широко применяемых в нашей стране и за рубежом, был подготовлен каталог опытных и промышленных биоцидов. В связи с ростом требований по защите окружающей среды от загрязнения химическими веществами перспективным направлением работ лаборатории стали: изучение химической экологии и экотоксикологии биоцидов, пестицидов и других ксенобиотиков, изыскание обладающих репеллентным действием средств и способов защиты от биоповреждений (взамен биоцидов), разработка высокочувствительных методов аналитиче-

ского контроля экотоксикантов в объектах внешней среды, а также изучение путей распространения и перемещения некоторых экотоксикантов.

В 1988 г. на базе лаборатории было образовано Тропическое отделение, состоящее из трёх подразделений: лабораторий тропикостойкости (реорганизована в 1993 г. в лабораторию тропических технологий) и аналитической экотоксикологии и группы тропической экологии.

Термин «биоповреждения» относится к ситуациям, когда живые организмы своей деятельностью или даже присутствием вызывают изменения (ухудшения) функциональных и структурных характеристик у объектов антропогенного происхождения или природных объектов, используемых в качестве сырья [Ильичев и др. 1985]. Биоповреждающая ситуация, возникающая вследствие одновременного присутствия всех необходимых компонентов и факторов как предпосылок для возникновения и протекания биоповреждающего процесса, представляет собой одно из наиболее важных понятий проблемы биоповреждений. Важнейшими компонентами, одновременное присутствие которых создает биоповреждающую ситуацию, являются живые организмы, могущие стать источником биоповреждающего воздействия при взаимодействии с биоповреждаемым объектом, защищённым или не защищённым специальными средствами, обладающими или не обладающими биоцидными свойствами. В качестве средств защиты от биоповреждений используются различные биоциды, уничтожающие живые организмы, этологические средства и репелленты, отпугивающие живые организмы от объектов нападения, разнообразные изолирующие покрытия, делающие объекты недоступными для живых организмов.

В конце 1988 г. было принято решение о первой (ознакомительной) поездке специалистов по тропикостойкости в Тропцентр. В состав группы входили два сотрудника биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (крупнейший на тот момент специалист по термитам в СССР д. б. н. Д.П. Жужиков, который был руководителем группы (рис. 1), и к. б. н. Н.В. Беляев) и автор настоящей статьи. Учёные из МГУ специализировались на изучении термитов — необычайно важной в плане экономического ущерба для любой тропической страны группы насекомых, а автор настоящей статьи — на изучении позвоночных (в данном случае — грызунов).

Рис. 1. Дмитрий Павлович Жужиков.
Фото автора

Вот некоторые факты о термитах, приводимые по главной монографии, посвящённой этой группе насекомых [Жужиков 1979]. Термиты (Isoptera) — отряд насекомых, широко распространённый в тропической и субтропической зонах нашей планеты. Общественная жизнь термитов издавна привлекала внимание исследователей. Семья этих мелких созданий представляет собой одно из наиболее совер-

шенных обществ в мире насекомых: многообразие каст, чёткое распределение функций между ними, сложные инстинкты, позволяющие термитам возводить совершенные сооружения — гнёзда, камеры которых имеют специализированное назначение, жизнь, подчинённая строгим правилам. Но не столько эти биологические особенности привлекли внимание человека и вызвали огромные финансовые расходы, связанные с их изучением, сколько тот колоссальный ущерб, который причиняют эти невидимые при солнечном свете создания в тропических странах. Поскольку питаются термиты мёртвой древесиной, наиболее существенный ущерб они приносят, повреждая деревянные жилые и промышленные строения, железнодорожные шпалы, столбы линий электропередач и связи. В результате их нападений нередко полностью разрушаются целые посёлки. В СССР термиты были наиболее широко распространены в равнинных районах Средней Азии. Активное их изучение началось после разрушительных землетрясений в Ашхабаде в 1948 г. и в Ташкенте в 1966 г., когда два больших города за считанные минуты оказались разрушенными, поскольку, в том числе и в результате деятельности термитов, большинство зданий сложились, как карточные домики. Исследования термитов велись с середины 1950-х годов в Институте зоологии АН Туркменской ССР и с 1968 г. на биологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, где была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория по разработке методов борьбы с биологическими повреждениями материалов. Помимо подробного изучения всех биологических особенностей представителей этого отряда, были начаты работы по определению стойкости различных материалов к их воздействию и поиск средств, которые бы способствовали снижению ущерба от деятельности этих насекомых.

Нередко этих насекомых относят к всеядным. На самом деле это не так: термиты питаются мертвой древесиной, и лишь немногие виды поедают живые растения. Естественно, что наибольшую опасность термиты представляют для деревянных конструкций. Но наряду с этим в нашу эпоху термиты стали представлять опасность для различных искусственных материалов. В сложных радиоэлектронных установках термиты могут повреждать изоляцию, выводя из строя электрические цепи; забираясь внутрь различных механизмов, они затаскивают туда землю, загрязняя и приводя их в негодность.

Всё вышесказанное привело к необходимости проведения исследований повреждений, причиняемых термитами материалам и технике. И подобные работы в Советском Союзе активно проводились на двух стационарах в Туркмении: в Душаке и в Гаррыкуле. Регулярно выходили сборники со статьями, посвящёнными результатам этих работ [Термиты и меры борьбы с ними 1968; Изучение термитов и противотермитных мероприятий 1973]. Для ознакомления с методами работы автор данной статьи был командирован на оба этих стационара, и в результате к первой поездке во Вьетнам был подготовлен к участию в аналогичных исследованиях.

Необходимо отметить, что термиты делятся на две группы: почвенных и суходревесных, имеющих в образе жизни отличия, весьма существенные с точки зрения биоповреждений. Поскольку суходревесные термиты, выгрызающие камеры и ходы только в древесине, за её пределы вообще не выходят, они могут по-

пасть в строение или другие конструкции только вместе с заражённой ими древесиной. Они могут прогрызать и заселять также древесноволокнистые и древесностружечные плиты, фанеру, картон и другие материалы, содержащие клетчатку. Повреждения суходревесными термитами непищевых материалов возможны лишь при непосредственном контакте с заражённой ими древесиной. Почвенные термиты добывают корм за пределами своего гнезда и в поисках его могут уходить на значительные расстояния. При этом они способны прогрызать многие непищевые материалы, встречающиеся на их пути. Строительство лепных галерей приводит к тому, что почвенные термиты натаскивают землю в различные полости и могут загрязнять многие аппараты и приборы. Эти термиты широко распространяются по всему строению, образуют многочисленные колонии, за счёт чего уровень нанесённого ими вреда существенно увеличивается (рис. 2).

Рис. 2. Вылет крылатых особей термитов в гостиничном номере в национальном парке Каттиен.
Фото автора.

В СССР обитали только почвенные термиты, поэтому все исследования были посвящены им, а разработка методик по исследованию биоповреждающей деятельности обычных в тропиках суходревесных термитов была впереди. При обсуждении плана работ Тропцентра в области тропикостойкости изучение термитов было признано одним из важных направлений, для чего был создан экспедиционный отряд для рекогносцировочной оценки возможностей развития этого направления.

Группа биологов из Москвы прибыла в Ханой 2 декабря 1988 г. На тот момент весь штат Северного отделения (ныне — это Головное отделение) Тропцентра состоял из двух человек: директора отделения В.В. Денисенко и его замести-

теля В.В. Судницына. Группе была организована встреча с руководителем работ с вьетнамской стороны профессором Ханойского университета Фам Бинь Куеном (выпускником кафедры энтомологии МГУ им. М.В. Ломоносова и учеником Д.П. Жужикова). После обсуждения плана работ 8 декабря состоялся первый выезд в г. Хоабинь для обследования складов военной техники и оборудования. Предполагалось развитие работ в двух направлениях: 1) защита вооружения и военной техники (ВВТ) и другого имущества на складах от повреждения термитами; испытания новых материалов и средств защиты на стойкость к повреждению термитами; 2) экологические исследования в природных лесных ландшафтах и влияние антропогенных факторов на термитов как наиболее характерный и важный элемент тропического биоценоза.

В задачу участников отряда входило:

— знакомство с работами вьетнамских энтомологов по изучению термитов;

— знакомство с условиями хранения на складах ВВТ, повреждения имущества термитами и работами по защите от этих насекомых;

— знакомство с основными представителями фауны термитов СРВ.

Результаты работы отряда изложены по неопубликованному отчету Д.П. Жужикова и Н.В. Беляевой [1989].

Центральное место в работе группы на севере страны заняло проведение исследований на складах, изучение заражённости их этими насекомыми. Эта работа была проведена в два этапа. Для выполнения первого из них с 8 по 14 декабря 1988 г. был организован выезд в провинцию Хашонбинь. Группа базировалась в г. Хоабинь и выезжала оттуда на объекты для их обследования (рис. 3). На всех обследованных складах имущество хранилось в основном в деревянных ящиках на дощатых стеллажах, установленных на бетонных подставках. Складские помещения были каменными, но за счёт трещин, водостоков и вентиляционных окон они оказались доступны для термитов, и многие стеллажи и ящики были ими заражены.

Второй этап был проведен 23 декабря. Группа посетила склады обмундирования в Ванлиене и Заляме. Практически вся территория складов была забетонирована, стеллажи в складских помещениях были высокие, соблюдалась чистота и порядок. В связи с этим почвенные термиты здесь встречались значительно реже, но в избытке были суходревесные, которыми было поражено дерево стеллажей и ящиков. Встречалась также моль, повреждающая шерстяные одеяла, пальто, костюмы и др. В итоге знакомства со складами мы пришли к очевидному заключению о большой опасности термитов для хранящегося снаряжения. При полном разрушении ящиков термитами было выявлено также повреждение ими деревянных черенков саперных лопат и деревянных прикладов винтовок.

Небольшое время группа смогла уделить знакомству с состоянием памятников культуры СРВ. Мы осмотрели пагоду Тайфын и Тай. Обе они, особенно первая, были значительно повреждены термитами. При этом почвенные виды термитов повреждали деревянные конструкции, а суходревесные, кроме того, и деревянные скульптуры. В то же время некоторые деревянные элементы, изготовленные из древесины стойких к воздействию пород, сохранились в течение веков. Очевидно, такие породы следовало использовать и при реставрации памятников культуры. Возможна была и защитная пропитка особо ценных дере-

Рис. 3. Члены экспедиционного отряда по тропикостойкости вместе с вьетнамскими коллегами во время первого выезда в г. Хоабинь (декабрь 1988 года).
Фото автора.

вянных деталей, но она требовала специальной проверки и доработки применительно к условиям СРВ.

Что касается защиты складов от повреждения термитами и грызунами, то целесообразно было организовать особую службу, включающую специалистов по термитам и грызунам, поскольку на местах систематически должна была проводиться работа по защите военного имущества, направляемая и контролируемая из центра.

Ясно также, что система защиты складов должна была быть комплексной и включать:

— строительство помещений с учетом стойкости к термитам;

— оборудование складов соответствующими стеллажами;

— создание условий, препятствующих проникновению грызунов в помещения;

— систему вентиляции складов и режим воздухообмена в помещениях;

— защиту древесины с помощью пропитки её специальными составами;

— постоянное поддержание чистоты и порядка в помещениях и на всей территории складов;

— контроль за появлением термитов и грызунов и их уничтожение, а также другие мероприятия.

Другой аспект этой проблемы в значительной мере мог быть решён советской стороной. Дело в том, что имущество на складах хранилось в основном в деревянной таре, которая в первую очередь и повреждалась термитами. Значительная часть этой тары поставлялась в СРВ из СССР и не обеспечивалась соответст-

вующей защитой. Таким образом, защита деревянной тары могла существенно повысить сохранность дорогого имущества.

СССР в течение многих лет поставлял в СРВ различное оборудование для народного хозяйства и обороны страны. Многие из поставляемых изделий в условиях тропического климата быстро выходили из строя, так как отдельные их узлы и материалы не имели соответствующей защиты от коррозии, старения и биологических повреждений. В СССР была разработана и действовала система проверки стойкости материалов к воздействию тропических условий. Но натурные испытания во влажном тропическом климате не проводились из-за отсутствия такового на территории СССР. Подобные испытания были важны и для вьетнамских изделий и материалов. Отсюда и возникла задача организовать испытательные площадки на территории СРВ в рамках Тропцентра, и были разработаны требования к организации таких площадок.

Работы по защите древесины от повреждения термитами активно велись в Ханойском лесотехническом институте и Ханойском университете. Они сопровождались лабораторными испытаниями различных вариантов защиты. Были

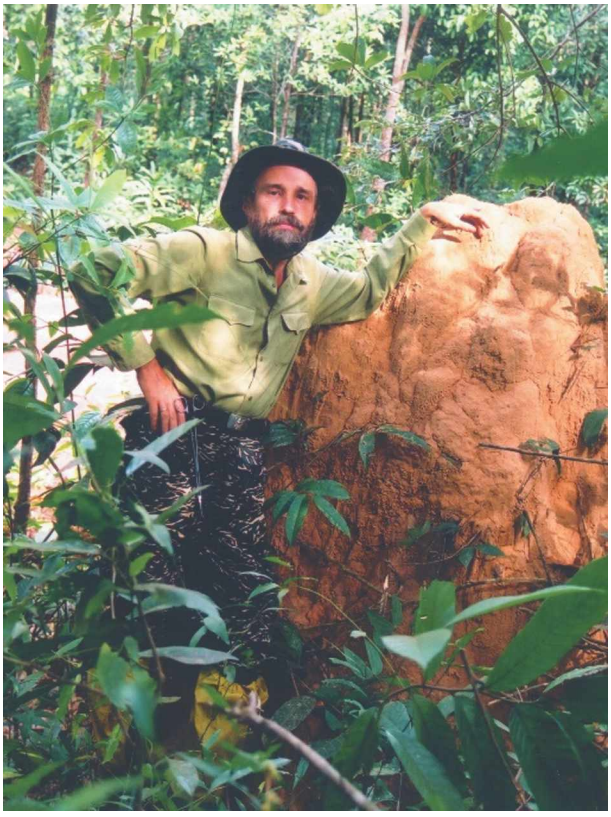


Рис. 4. Таких размеров достигают термитники в тропических лесах Вьетнама. Автор на острове Фукуок.
Фото автора.

попытки проведения и натурных испытаний, но они не вошли в практику, хотя научные разработки уже вышли за пределы лабораторий. Наша группа ознакомилась со всем технологическим процессом изготовления и ремонта деревянной тары, начиная с заготовок досок и кончая выпуском готовых ящиков. Этот процесс включал пропитку деревянных заготовок защитным составом по способу, разработанному под руководством Фам Бинь Куена. Способ состоял в том, что заготовленную тарную дощечку погружали примерно на 10 мин. в ванну с дизельным топливом, в котором содержалось 6 % ДДТ, по 2 % ГХЦГ и ПХФ, затем дощечки извлекали и сушили.

В результате работы экспедиционного отряда были разработаны и предложены к использованию местными специалистами методики по обследованию складов с ВВТ и имуществом, сельскохозяйственных угодий, жилых построек и т. п., по определению первоочередности проведения мер, предотвращающих или сокращающих ущерб от термитов, рекомендации по созданию и функционированию испытательных площадок для исследования средств отпугивания или уничтожения этих вредителей и разработан план исследований на предстоящие годы. Такие площадки должны были размещаться во влажном тропическом лесу и включать открытую часть (поляну) и лесную часть, а образцы должны были закладываться так, как это было отработано в Туркмении: необработанные дощечки в качестве образца и обработанные различными биоцидами или репеллентами для исследования (рис. 4).

К сожалению, вскоре последовал распад СССР, что привело к резкому сокращению финансирования Тропцентра, и работы по изучению термитов и их влияния на материалы и технику во Вьетнаме на долгие годы были приостановлены. А поскольку львиная доля ареала термитов в СССР приходилась на Среднюю Азию, которая стала заграницей, Д.П. Жужиков вынужден был перейти на изучение тараканов, что для постсоветской России, конечно же, было гораздо актуальнее. Работы по изучению термитов и их биоповреждающей деятельности во Вьетнаме спустя какое-то время были возобновлены Н.В. Беляевой, но это уже тема для отдельной статьи.

Список литературы

Бобров В.В. Совместные российско-вьетнамские исследования наземных экосистем Вьетнама // Вьетнамские исследования. Вып. 7. М.: ИДВ РАН. 2017. С. 387—407.

Бобров В.В. О самой первой комплексной зоолого-ботанической экспедиции Российско-Вьетнамского Тропического центра // Вьетнамские исследования. 2018. Т. 2. № 3. С. 91—97.

Бобров В.В. Российско-Вьетнамский Тропический центр — уникальный пример двустороннего сотрудничества // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 236—252.

Бочаров Б.В. Предыстория Тропцентра. М., 2002. 28 с.

Жужиков Д.П. Термиты СССР. М.: Изд-во МГУ, 1979. 225 с.

Жужиков Д.П., Беляева Н.В. (1989) Термиты СРВ. Фауна, экологическое и хозяйственное значение. Отчет об ознакомительной поездке в 1988—1989 гг. Ханой; Хошимин; М., 1989. 39 с. (Не опубликовано.)

Изучение термитов и разработка противотермитных мероприятий / отв. ред. А.О. Ташлиев. Ашхабад: Ылым, 1973. 216 с.

Ильичев В.Д., Бочаров Б.В., Горленко М.В. Экологические основы защиты от биоповреждений. М.: Наука, 1985. 264 с.

Институт эволюционной морфологии и экологии животных имени А.Н. Северцова (1936—1996): Справочник / отв. ред. В.Ф. Куликов. М.: Наука, 1996. 89 с.

Невдяев Л.М. Телекоммуникационные технологии. Англо-русский толковый словарь-справочник / под ред. Ю.М. Горностаева. М., 2002. 592 с.

Термиты и меры борьбы с ними. Сборник докладов второго всесоюзного совещания по изучению термитов и противотермитным мероприятиям / отв. ред. А.Н. Луппова. Ашхабад: Ылым, 1968. 224 с.

References

Bobrov, V.V. (2017) Joint Russian-Vietnamese studies ofland ecosystems of Vietnam. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 1 (7): 387—407. (In Russian)

Bobrov, V.V. (2018) On the first complex zoological and botanical expedition of the Russian-Vietnamese tropical center. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 2 (3): 91—97. (In Russian)

Bobrov, V.V. (2020) The Russian-Vietnamese tropical center as a unique example of bilateral cooperation, in: *Russia — Vietnam relationship: Convergence of bilateral interests*. M.: IDV RAN. P. 236—252. (In Russian)

Bocharov, B.V. (2002) *Predystoriya Troptsentra* [*Tropcenter's background*]. M. 28 s. (In Russian)

Ilichev, V.D., Bocharov, B.V., Gorlenko, M.V. (1985) *Ekologicheskie osnovy zashchity ot biopovrezhdenij* [*Ecological foundations of protection against biodamage*]. M.: Nauka. 264 s. (In Russian)

Institut evolyucionnoj morfologii i ekologii zhivotnyh imeni A.N. Severcova (1936—1996): Spravochnik. Otv. red. V.F. Kulikov [The A.N. Severtsov Institute of Evolutionary Morphology and Ecology of Animals (1936—1996). Handbook. V. F. Kulikov ed.] (1996). M.: Nauka. 89 s. (In Russian)

Izuchenie termitov i razrabotka protivotermitnyh meropriyatij. Otv. red. A.O. Tashliev [Study of termites and development of anti-termite measures. A.O. Tashliev ed.] (1973). Ashkhabad: Ylym. 216 s. (In Russian)

Nevdyaev, L.M. (2002) *Telekommunikacionnye tekhnologii*. Anglo-russkij tolkovyj slovar'-spravochnik. Pod red. Yu.M. Gornostaeva [*Telecommunication technologies*. English-Russian explanatory dictionary-reference book. by Yu.M. Gornostaev ed.]. M. 592 s. (In Russian)

Termity i mery bor'by s nimi. Sbornik dokladov vtorogo vsesoyuznogo soveshchaniya po izucheniyu termitov i protivotermitnym meropriyatiyam. Otv. red. A. N. Luppova [Termites and measures to combat them. Collection of reports of the second all-Union conference on the study of termites and anti-termite measures. A. N. Luppova ed.] (1968). Ashkhabad: Ylym. 224 s. (In Russian)

Zhuzhikov, D.P. (1979) *Termity SSSR* [*Termites of the USSR*]. M.: Izd-vo MGU. 225 s. (In Russian)

Zhuzhikov, D.P., Belyaeva, N.V. (1989) *Termity SRV. Fauna, ekologicheskoe i hozyajstvennoe znachenie*. Otchet ob oznakomitel'noj poezdke v 1988—1989 gg. [*Termites of the SRV. Fauna, ecological and economic significance*. Report on a study tour in 1988—1989] (unpublished). Hanoj; Hoshimin; M. 39 s. (In Russian)

Дата поступления статьи: 12.08.2024
Принята к печати: 17.09.2024

Received: August 12, 2024
Accepted: September 17, 2024

О ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИЙ

О защите диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук Чан Хоанг Хиеу [ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»] на тему «Моделирование свойств распределения цен на вторичном рынке жилой недвижимости в задачах информационного обеспечения экономических решений субъектов смежных рынков»

On the defense of the thesis for the degree of candidate of economic sciences by Tran Hoang Hieu (Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University) on the topic "Modeling the properties of price distribution in the secondary residential real estate market in the tasks of information support for economic decisions of entities in related markets"

Защита диссертации по специальности 5.2.2. — Математические, статистические и инструментальные методы в экономике — состоялась 5 июля 2024 г. на заседании диссертационного совета У.5.2.2.43 при ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого».

Анализ вторичного рынка жилой недвижимости играет важную роль в организации интегративной экономики, обеспечивая субъекты смежных рынков необходимой информацией для принятия обоснованных экономических решений. Автором сформирован комплекс инструментов моделирования свойств распределения цен на вторичном рынке жилой недвижимости в задачах информационного обеспечения таких решений. Данный комплекс включает в себя инструменты кластерного анализа и статистического моделирования, применяемые для аппроксимации ценовой волатильности, и фокусируется на метриках, таких как средняя цена и стандартное отклонение.

Коммерческие банки, субъекты инвестиционной деятельности, государственные структуры, строительные корпорации и не относящиеся к строительному сектору предприятия могут использовать разработанные аналитические инструменты для оптимизации своих стратегических решений. Центральный банк может интегрировать полученные выводы в процесс разработки денежно-кредитной политики.

События последних лет, включая пандемию COVID-19 и СВО, оказали значительное влияние на рынок недвижимости, подтверждая необходимость адаптации инструментов анализа.

Научный руководитель: Конников Евгений Александрович, к. э. н., доцент Высшей инженерно-экономической школы Института промышленного менеджмента, экономики и торговли ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого».

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.

Оппоненты:

Ильясов Руслан Хизраилевич, д. э. н., доцент, и. о. заведующего кафедрой учёта, анализа и аудита в цифровой экономике Института экономики и финансов ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»;

Савина Ольга Александровна, д. э.. н., профессор кафедры информационных систем и цифровых технологий Института приборостроения, автоматизации и информационных технологий ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева».

Основные публикации по теме диссертации

1. *Родионов Д.Г., Чан Х.Х., Конников Е.А., Унгвари Л.* Методы машинного обучения в исследовании рынка жилой недвижимости // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 6-2(144). С. 123—130.

2. *Чан Х.Х.* Анализ привлечения прямых иностранных инвестиций в недвижимость Вьетнама в пандемических условиях // Modern Economy Success. 2021. № 4. С. 30—38.

3. *Чан Х.Х.* Оценка залоговой недвижимости во Вьетнаме / Х.Х. Чан // Modern Economy Success. 2023. № 5. С. 241—247. (0,81 п.л.).

4. *Чан Х.Х., Конников Е.А., Родионов Д.Г., Борисов О.Ю.* Кластерный анализ рынка вторичной жилой недвижимости // Modern Economy Success. 2024. № 3. С. 212—220.

5. *Маршалов Д.П., Чан Х.Х., Себбаггала Т.М., С. Попова, Конников Е.А.* Изучение прогностической способности алгоритма дерева решений для определения прибыльности акций // Мягкие измерения и вычисления. 2024. № 6. С. 114—125.

О защите диссертации на соискание учёной степени кандидата политических наук Телегиным Дмитрием Сергеевичем [ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»] на тему «Взаимодействие Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и Российской Федерации в контексте интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе»

On the defense of the thesis for the degree of candidate of political sciences by Telegin Dmitry Sergeevich (Lomonosov Moscow State University) on the topic “Interaction between the Association of Southeast Asian Nations and the Russian Federation in the context of integration processes in the Asia-Pacific region”

Защита диссертации по специальности 5.5.4. — Международные отношения, глобальные и региональные исследования — состоялась 12 сентября 2024 г. на заседании диссертационного совета совета МГУ.054.1 при ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Автор выдвигает гипотезу, согласно которой по мере эскалации противоборства между США и КНР в АТР страны — члены АСЕАН вынуждены будут выбирать между Пекином и Вашингтоном. Таким образом, разрушается один из основных принципов функционирования АСЕАН: нейтральный статус блока.

Автор полагает, что на фоне усиления противостояния между США и КНР, а также появления новых интеграционных объединений (AUKUS, QUAD, ВРЭП, ОПОП) Ассоциация теряет свою роль ведущего регионального политико-экономического актора, ввиду чего странам — членам АСЕАН необходим внешний актор, который, с одной стороны, может сбалансировать влияние КНР и США, а, с другой — разделяет позицию об АСЕАН-центричной архитектуре безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Таким актором может стать Российская Федерация, что актуализирует положения Концепции внешней политики РФ, касающейся формирования широкого интеграционного контура — Большого Евразийского партнерства — посредством объединения потенциалов всех стран, региональных организаций и объединений Евразии с опорой на ЕАЭС, ШОС и АСЕАН.

Для более эффективного развития интеграционного проекта «Большая Евразия» Российской Федерации необходимо сконцентрировать свои ресурсы на углублении Евразийской интеграции с вовлечением в её орбиту новых государств, а также на модернизации транспортной инфраструктуры, в первую очередь Северного морского пути. Развитие СМП позволит наполнить экономическим содержанием новый геополитический конструкт «Аркто-Пацифика», который сопрягается с видением стран АСЕАН концепции Индо-Пацифики, благодаря чему Россия сможет более активно проецировать свое политическое влияние в ЮВА. Кроме того, совершенствование Северного морского пути позволит стимулировать не только рост товарооборота между Россией и ЮВА, но и будет способствовать реализации морской компоненты китайской инициативы «Один пояс — один путь» на выгодных для России условиях, а также развитию отношений РФ со странами ЮВА.

Научный руководитель: Леонова Ольга Георгиевна, д-р полит. наук, доцент кафедры глобалистики факультета глобальных процессов ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Оппоненты:

Кефели Игорь Федорович, д. филос. н., профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Михалев Алексей Викторович, д. полит. н., доцент, директор Центра изучения политических трансформаций Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова;

Колотов Владимир Николаевич, д. и. н., доцент, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Восточного факультета, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Основные публикации по теме диссертации

1. *Телегин Д.С.* Регионализация как ответ на вызовы современной глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 5. С. 353—357.

2. *Телегин Д.С.* Евразийство как идейная основа интеграции на евразийском пространстве // Россия и современный мир. 2021. № 3. С. 224—234.

3. *Телегин Д.С.* Теоретические основы политики Соединенных Штатов Америки по сдерживанию Китайской Народной Республики в Индо-Тихоокеанском регионе // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 1(77). С. 218—222.

4. *Телегин Д.С.* Роль арктического региона в формировании проекта «Большая Евразия» // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 10(86). С. 3503—3508.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Совместное заявление об укреплении всеобъемлющего стратегического партнёрства между СРВ и Республикой Индия

Joint statement on strengthening of the comprehensive strategic partnership between the SRV and the Republic of India

Аннотация. Приводится текст Совместного заявления об укреплении всеобъемлющего стратегического партнёрства между СРВ и Республикой Индия, принятого в Нью-Дели 1 августа 2024 г.

Abstract. The full text of the Joint statement on strengthening of the comprehensive strategic partnership between the SRV and the Republic of India adopted on August 1, 2024 in New Delhi, is given.

1. По приглашению премьер-министра Индии Его Превосходительства Нарендры Моди премьер-министр Вьетнама Его Превосходительство Фам Минь Тинь посетил Индию с государственным визитом с 30 июля по 1 августа 2024 г. Премьер-министра Фам Минь Тиня сопровождала высокопоставленная официальная делегация, в которую входили руководители многих министерств и ведомств Вьетнама.

2. 1 августа 2024 г. премьер-министру Фам Минь Тиню был оказан торжественный прием в Раштрапати Бхаван, и он посетил Радж Гхат, где возложил цветы Махатме Ганди. Затем последовали двусторонние переговоры между двумя премьер-министрами. После этого премьер-министры стали свидетелями подписания и обмена двусторонними документами. В честь премьер-министра Вьетнама Фам Минь Тиня премьер-министром Индии Нарендрой Моди был устроен банкет. Премьер-министр Фам Минь Тинь встретился с президентом Индии Его Превосходительством Драупади Мурму и вице-президентом Индии Его Превосходительством Джагдипом Дханкаром, а также с министром иностранных дел Индии Его Превосходительством Субраманьямом Джайшанкаром. Премьер-министр Фам Минь Тинь выступил с речью в Индийском совете по мировым делам и на Вьетнамско-индийском бизнес-форуме, а также имел беседы с индийскими предпринимателями.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

3. Переговоры между делегациями Вьетнама и Индии прошли в теплой, сердечной и дружественной атмосфере. Премьер-министр Фам Минь Тинь поздравил премьер-министра Нарендру Моди с избранием на исторический третий срок и выразил уверенность в том, что под его руководством Индия продолжит курс на динамичное развитие, её роль в мире возрастёт, а позиции на международной арене укрепятся.

4. Лидеры двух стран констатировали, что народы Индии и Вьетнама связывает глубокая и давняя дружба и выразили удовлетворение успешным развитием двусторонних отношений с момента их повышения до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства в 2016 г. Лидеры согласились продолжить эффективную реализацию результатов переговоров на высоком уровне и визитов последних лет, включая Совместное видение Индии и Вьетнама во имя мира, процветания и народа, принятое в 2020 г., и результаты встреч премьер-министра Нарендры Моди и премьер-министра Фам Минь Тиня 1 августа 2024 г. в Нью-Дели.

5. Лидеры согласились поддерживать регулярные обмены на всех уровнях. Лидеры пришли к единому мнению, что текущие геополитические реалии требуют более тесного сотрудничества между Индией и Вьетнамом. Они признали сближение в своих взглядах на мир и выразили поддержку более активному участию Глобального Юга в международных делах. Лидеры согласились и далее укреплять всеобъемлющее стратегическое партнерство Вьетнама и Индии во всех областях.

6. Лидеры высоко оценили многомерные институциональные механизмы между двумя странами в области внешней политики, безопасности и морской сферы, оборонного сотрудничества, парламентских обменов, торговли и инвестиций, сельского хозяйства, здравоохранения, гражданской авиации, информационно-коммуникационных технологий, науки и технологий, включая космические и ядерные технологии, туризма и культуры. Руководители двух государств договорились активизировать и укреплять взаимовыгодный двусторонний диалог в различных областях, включая Совместную комиссию по экономике, торговле, науке и технологиям. Они приветствовали подписание Плана действий по реализации Всеобъемлющего стратегического партнерства на период 2024—2028 гг.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, ТОРГОВОЕ И ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

7. Поскольку Индия и Вьетнам являются быстрорастущими экономиками, лидеры двух стран договорились укреплять сотрудничество на уровне правительств и предприятий для расширения двусторонней торговли, инвестиций и технологического партнерства. Премьер-министры пришли к соглашению об увеличении объема торговли по сравнению с нынешним уровнем, достигающим почти 15 млрд долл. Обе стороны также согласились с необходимостью более тесного сотрудничества в устранении торговых барьеров с целью активизации и расширения двусторонней торговли. Они согласились с тем, что пересмотр Со-

глашения о торговле товарами между АСЕАН и Индией должен создать более удобный, простой и благоприятный торговый режим для обеих стран.

8. Лидеры согласились продолжить усилия по содействию инвестиционным потокам между двумя странами. Вьетнам приветствовал инвестиции из Индии в инфраструктуру, высокие технологии, ресурсные технологии, чистые технологии, информационные технологии, вспомогательные и производственные отрасли, текстильную и автомобильную промышленность, зеленое и умное сельское хозяйство, инновации и стартапы, производство полупроводников, возобновляемые источники энергии и проекты по энергосбережению, производство электроэнергии, биогаза и полиэфирных тканей и т. д. во Вьетнаме. Индия приветствовала инвестиции из Вьетнама в сельское хозяйство, агропереработку, аквакультуру, деревообработку, городское развитие и инфраструктуру, производство бамбука и лесной продукции, индустрию гостеприимства и туризма, цифровые технологии, выпуск электромобилей, здравоохранение и услуги в Индии. Эти взаимные обязательства направлены на дальнейшее укрепление экономического сотрудничества между двумя странами.

9. Индия приветствовала решение Вьетнама присоединиться к Коалиции по инфраструктуре, устойчивой к стихийным бедствиям, и скорейшее завершение внутренних процедур для официального присоединения к Международному солнечному альянсу. Вьетнам оценил инициативу Индии по Глобальному биотопливному альянсу.

10. Как две прибрежные страны региона, стороны договорились укреплять сотрудничество в области океанографии, морских наук и голубой экономики, а также в наращивании потенциала в этой области. Лидеры также подтвердили взаимовыгодное сотрудничество в нефтегазовом секторе, включая разведку и добычу на континентальном шельфе Вьетнама.

11. Лидеры договорились усилить обмен опытом в разработке правил и мер, способствующих продвижению электронной коммерции и цифровой экономики; поддерживать присоединение предприятий обеих стран к электронной коммерции и цифровым платформам, используя преимущества электронной коммерции для улучшения экспортного потенциала и участия в устойчивых региональных и глобальных цепочках создания стоимости. Лидеры также призывают соответствующие правительственные учреждения и предприятия обеих сторон изучать возможности сотрудничества в зеленой экономике, экономике замкнутого цикла, цифровой экономике и критически важных отраслях, таких как редкоземельные элементы, полупроводники, наноматериалы.

СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ

12. Лидеры высоко оценили эффективную реализацию Совместного видения индийско-вьетнамского оборонного партнерства на период до 2030 г. и укрепление оборонного сотрудничества между двумя странами в последние годы, охватывающего диалоги, сотрудничество в области обучения и наращивания потенциала, обмен передовым опытом, учения, оборонную политику и промышленное сотрудничество. Они договорились о дальнейшем расширении оборонного сотрудничества на основе взаимных интересов и приоритетов двух стран, что

также будет способствовать большей стабильности в расширенном Индо-Тихоокеанском регионе.

13. Лидеры договорились продолжать укреплять сотрудничество в различных областях, включая развитие человеческих ресурсов и поддержание взаимодействия в операциях по поддержанию мира, гидрографии, кибербезопасности, обмене информацией, стратегических исследованиях, морской безопасности, поисково-спасательных операциях, гуманитарной помощи, управлении стихийными бедствиями и реагировании на чрезвычайные ситуации и оказании помощи.

14. Лидеры договорились о скорейшем введении в действие Исполнительного соглашения по гидрографии и формировании Совместного комитета.

15. Лидеры приветствовали подписание Кредитного соглашения в рамках кредитной линии на сумму 300 миллионов долларов США, предоставленной правительством Индии правительству Вьетнама для оборонных закупок.

СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ИННОВАЦИЙ И НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

16. Лидеры подтвердили важность цифровых технологий и призвали к разработке рамок для содействия двустороннему сотрудничеству в области финансовых инноваций и цифровых платежей между Вьетнамом и Индией.

17. Признавая национальные приоритеты обеих стран в области цифровой трансформации и энергетического перехода, лидеры решили поощрять более широкие обмены и сотрудничество в таких областях, как цифровая общественная инфраструктура, применение космических технологий, возобновляемые источники энергии, биотехнологии и технологии устойчивости к стихийным бедствиям.

18. Лидеры с удовлетворением отметили продолжающееся сотрудничество в области мирного использования атомной энергии и согласились активизировать действия по различным направлениям сотрудничества, определённым на 3-м заседании Совместного индийско-вьетнамского комитета по атомной энергии.

19. Лидеры приветствовали прогресс в создании во Вьетнаме АСЕАН-индийской станции слежения и приёма данных и центра обработки данных.

РАЗВИТИЕ, КУЛЬТУРА, ТУРИЗМ И ГУМАНИТАРНЫЕ ОБМЕНЫ

20. Лидеры высоко оценили двустороннее взаимодействие в целях развития в рамках сотрудничества по Меконгу и Гангу с помощью проектов с быстрой отдачей, программы обучения ITEC и образовательных стипендий. Они высоко оценили создание Центра передового опыта в области разработки программного обеспечения и обучения в Хошиминском технологическом институте почт и телекоммуникаций при участии Индии. Они также приветствовали создание Армейского парка программного обеспечения в Университете телекоммуникаций в Нячанге при поддержке правительства Индии.

21. Лидеры призвали к более активному обмену студентами, преподавателями и исследователями между университетами, аналитическими центрами и другими институтами двух стран в контексте «Viksit Bharat @ 2047» и стремления Вьетнама стать развитой страной с высоким уровнем дохода к 2045 г. Они также

поддержали сотрудничество между учреждениями по вопросам, представляющим интерес для Глобального Юга.

22. Лидеры высоко оценили увеличение числа прямых рейсов между двумя странами, что расширило двусторонние туристические потоки. Они призвали к дальнейшему росту связей и туризма между Индией и Вьетнамом.

23. Напоминая об исторических и культурных связях между двумя странами, лидеры призвали к более активному обмену буддийскими учеными, монахами, паломниками, студентами и в этом направлении приветствовали продолжающееся развитие буддийских и других духовных объектов и учреждений. Вьетнам оценил приверженность Индии реставрации и сохранению объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО Мишон и работу, проделанную Археологической службой Индии в блоках A, H и K, а также предстоящий проект в блоке F.

24. Индия высоко оценила поддержку Вьетнама в ежегодной организации Международного дня йоги во многих вьетнамских городах и провинциях. Лидеры выразили поддержку более тесному сотрудничеству между институтами йоги двух стран и двусторонним обменам в области традиционной медицины, включая применение лекарственных растений. Они также договорились об усилении культурного обмена и сотрудничества между двумя странами в области СМИ.

РЕГИОНАЛЬНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

25. Лидеры согласились с ключевой ролью АСЕАН в развивающейся региональной архитектуре для мира, стабильности и процветания региона. Они поддержали дальнейшее укрепление Всеобъемлющего стратегического партнерства АСЕАН—Индия, которое дополняет двусторонние отношения с соответствующими государствами-членами. Лидеры высоко оценили Совместное заявление АСЕАН—Индия о сотрудничестве в рамках Концепции АСЕАН по Индо-Тихоокеанскому региону (AOIP) для мира, стабильности и процветания в регионе, которое предоставляет возможности для дальнейшего сотрудничества между AOIP и Инициативой по Индийскому и Тихому океанам. Они договорились продолжать укреплять сотрудничество и взаимную поддержку на всех международных форумах. Индия высоко оценила последовательную поддержку Вьетнамом постоянного членства Индии в реформированном Совете Безопасности ООН.

26. Подчёркивая связь между процветанием и безопасностью, лидеры подтвердили важность поддержания мира, стабильности, безопасности и свободы судоходства и воздушного сообщения в Южно-Китайском море, одновременно добиваясь мирного разрешения споров в соответствии с международным правом, в частности Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. (UNCLOS), не прибегая к применению силы или угрозам её применения. Оба лидера подчеркнули важность отказа от милитаризации и самоограничения в осуществлении всех видов деятельности заявителями и всеми другими государствами, а также избегания действий, которые могут еще больше осложнить ситуацию или обострить споры, влияющие на мир и стабильность. Оба лидера подчеркнули, что вся деятельность в океанах и морях должна осуществляться в правовых рамках, установленных UNCLOS, и что UNCLOS является основой для определения морских прав, суверенных прав, юрисдикции и законных интересов в отношении

морских зон. Оба лидера далее призвали к выполнению Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море (DOC) в полном объеме и к предметным переговорам в целях скорейшего заключения эффективного Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море (COC) в соответствии с международным правом, особенно с UNCLOS, который не нанесёт ущерба законным правам и интересам всех стран, включая те, которые не являются участниками этих переговоров.

27. Оба лидера безоговорочно осудили терроризм во всех формах и проявлениях, включая трансграничный терроризм. Они подчеркнули важность международного сотрудничества в борьбе с этой угрозой в соответствии с международным правом, особенно с принципами Устава ООН, и подтвердили свою приверженность совместным усилиям в этом начинании.

28. Лидеры приветствовали подписание прилагаемых документов о двустороннем сотрудничестве.

29. Премьер-министр Вьетнама высоко оценил организацию визита и гостеприимство, оказанное ему и его делегации. Он передал приглашение премьер-министру Индии посетить Вьетнам.

Нью-Дели 1 августа 2024 г.

Источник: https://vufo.org.vn/Vietnam-India-issue-joint-statement-14-58111.html?lang=en

DOI: 10.54631/VS.2024.83-636620

КОММЕНТАРИЙ ЭКСПЕРТА

С.В. Уянаев

Вьетнам—Индия: дорогой стратегического партнерства

Аннотация. Автор комментирует состоявшийся в конце июля — начале августа 2024 г. визит в Индию премьер-министра Вьетнама. Рассматриваются детали проведённых переговоров и принятые по их итогам документы. На этом фоне анализируется динамика развития стратегического партнерства двух стран, включая мотивы их взаимодействия. Делается вывод о том, что в отношениях между Ханоем и Нью-Дели продолжает реализовываться тенденция укрепления многопрофильного диалога, в том числе в сфере обороны и безопасности.

Ключевые слова: Вьетнам, Индия, визит, совместное заявление, стратегическое партнерство, Китай, безопасность.

Автор: Уянаев Сергей Владимирович, к. и. н, зам. директора по науке, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-5471-8224.
E-mail: svuyav@yahoo.com

Для цитирования: *Уянаев С.В.* Вьетнам—Индия: дорогой стратегического партнерства // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 3. С. 117—124.

Expert's Commentary

S.V. Uyanaev

Vietnam—India: Along the Road of Strategic Partnership

Abstract. The author comments on the visit of the Prime Minister of Vietnam to India in late July — early August 2024. The details of the negotiations and the documents adopted as a result of them are being considered. Against this background, the dynamics of the development of the strategic partnership between the two countries is analyzed, including the motives for their interaction. The general conclusion concerning the Vietnam-India relations is made that the trend of strengthening multidisciplinary bilateral dialogue, including in the field of defense and security, continues to increase.

Keywords: Vietnam, India, visit, joint statement, strategic partnership, China, security.

Author: Uyanaev, Sergey V., Ph.D. (History), Deputy Director, Institute of China and Contemporary Asia RAS. ORCID: 0000-0002-5471-8224.
E-mail: svuyav@yahoo.com

For citation: Uyanaev, S.V. (2024) Vietnam—India: Along the Road of Strategic Partnership. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (3): 117—124.

Введение

Состоявшийся на стыке июля и августа 2024 г. визит в Индию премьер-министра Вьетнама Фам Минь Тиня в очередной раз привлек внимание наблюдателей к теме отношений двух значимых азиатских государств. Вьетнамо-индийское взаимодействие в последние два десятилетия находится на траектории очевидного подъема. Движущие силы и мотивы сторон, сферы и направления этого процесса уже нашли отражение в исследованиях (включая совсем недавние) представителей научных и экспертных сообществ обеих стран [Iqbal, Yadav, Phan Quoc Nguyen 2024], в экспертных комментариях и разработках специалистов третьих государств [Strangio: 31.07.2024]. Свою лепту в изучение связей Вьетнама и Индии вносят и отечественные ученые. В их работах, в том числе вышедших в последние время, в достаточной степени представлена, в том числе, и степень изученности проблемы, имеющаяся на сегодня как в российском, так зарубежном экспертном пространстве [Федоров, Гарин: 2023:7—8].

Успешный визит: отталкиваясь от заделов

Отталкиваясь от переговоров в индийской столице, прежде всего, следует отметить, что нынешняя поездка премьер-министра Вьетнама в Индию имеет серьезные заделы. Достаточно напомнить, что еще в 2007 г. вьетнамо-индийские отношения, корнями уходящие в годы антиколониальной борьбы, были объявлены стратегическими. За десятилетия сотрудничества сформировались важные встречные интересы. Ныне они концентрируются в сферах как экономики, торговли и культуры, так и политики, обороны и безопасности. Причем не секрет, что в последнем случае импульсом к сотрудничеству и общим долговременным вызовом (пусть и редко афишируемым официально) в обеих странах считают политику Китая, с которым и у Вьетнама, и у Индии имеются нерешённые проблемы, в частности, территориальные споры [Уянаев 2022:17]

Показателем восходящей динамики вьетнамо-индийских связей является сложившийся двусторонний механизм взаимодействия. Причем его наиболее значимым элементом служат переговоры первых лиц, о чём вновь наглядно напомнил и нынешний визит вьетнамского премьер-министра. В своих комментариях наблюдатели отметили, что это была первая поездка Фам Минь Тиня в Индию в качестве премьер-министра и в целом первый визит главы правительства Вьетнама в Индию за последние десять лет [Вьетнам и Индия: 31.07.2024]. В любом случае переговоры в Дели можно считать важнейшим двусторонним событием после официального визита Н. Моди во Вьетнам в 2016 г., когда отношения двух стран были подняты на новую высоту — обрели статус всеобъемлющего стратегического партнерства.

Фам Минь Тинь и Нарендра Моди провели насыщенные переговоры в узком и расширенном составе, в виртуальном режиме открыли созданный в рамках индийского гранта Армейский парк программного обеспечения, который отныне будет функционировать во вьетнамском г. Нячанге. На брифинге по итогам визита заместитель главы МИД Индии напомнил об официальной позиции своей

страны, согласно которой Вьетнам является для Нью-Дели «одним из самых близких партнеров в регионе АСЕАН и опорой индийской политики «Действуй на Востоке», страной, с которой Индия имеет «давние исторические и цивилизационные отношения» [Там же].

Ключевыми результатами переговоров стали «Совместное заявление об укреплении всеобъемлющего стратегического партнерства» [Joint Statement...: 01.08.2024] и «План действий» по его реализации на 2024—2028 гг. Был подписан еще ряд соглашений (всего девять), затрагивающих различные конкретные аспекты и направления сотрудничества — от фармацевтики до таможенного дела, от правовой и информационной сферы до культуры и гуманитарных контактов [List of outcomes: 01.08.2024]. При этом более подробное рассмотрение Совместного заявления и Плана действий — наиболее важных документов —помогает представить основные направления текущего вьетнамо-индийского сотрудничества, проследить его тенденции.

Руководство к действиям

Совместное заявление и План, подписанные 1 августа в столице Индии, по праву могут считаться «руководством к действиям» в реализации насыщенной повестки вьетнамо-индийского партнерства на ближайшие 4—5 лет. В Заявлении акцентируются главные области взаимодействия.

Политическая сфера. Лидеры двух стран охарактеризовали отношения двух стран как «укоренившуюся и давнюю дружбу», выразили удовлетворение их «стремительным развитием» после обретения статуса «всеобъемлющего стратегического партнерства». Стороны договорились «поддерживать регулярные обмены на всех уровнях», особо подчеркнули высокую планку достигнутого взаимного доверия. Важной стала констатация, что «нынешние геополитические реалии требуют более тесного сотрудничества между Индией и Вьетнамом». Ханой и Нью-Дели признали совпадение своих мировоззрений и выразили, в частности, поддержку «усилению роли Глобального Юга». В результате было вновь подчеркнуто твёрдое намерение «укреплять двусторонний диалог в различных областях».

Примечательным выглядит упоминание «морской сферы» сотрудничества. Это направление в последние годы обрело для обеих стран особое значение в контексте их встречной заинтересованности в обеспечении «свободы судоходства». На них объективно сказываются территориальные споры в Южно-Китайском море (ЮКМ), причём в Нью-Дели и Ханое нередко связывают такого рода вызовы с региональным курсом КНР. Напомним, что Индия часто идентифицирует себя в качестве «морской нации», 90 % торговли которой проходит морем, а потому проявляет повышенный интерес к геостратегическому положению Вьетнама «вблизи важных торговых путей». Неслучайно в ходе визита Фам Минь Тиня, давая общую оценку значимости отношений с Вьетнамом, Нарендра Моди, повторил, что Вьетнам является «важнейшей опорой индийской политики в Индо-Тихоокеанском регионе» [English translation... 01.08.2024]. Вьетнам,

в свою очередь, ценит позицию Индии, которая схожим с ним образом подходит к ситуации в ЮКМ. Как подчеркнул в ходе визита Фам Минь Тинь, «традиция добрых отношений, схожая история, культура и идеи, политическое доверие, открытый рынок; нацеленность на развитие своих стран» — именно эти пять фундаментальных факторов позволяют связям двух стран уверенно двигаться вперед [Премьер-министр Фам Минь Тинь: 31.07.2024].

Экономика, торговля, инвестиции. Стороны поставили задачу увеличения товарооборота, обратили внимание на необходимость «устранения торговых барьеров», в том числе выразили сходное видение, что «пересмотр Соглашения о торговле товарами между АСЕАН и Индией должен создать более удобный торговый режим для обеих стран».

Составлявшая в начале века по объему лишь 200 млн долл., двусторонняя торговля по статистике индийского финансового года — с 1 апреля 2023 по 31 марта 2024 г. — оценивается в 14,8 млрд долл. [Export Import 2024]**.** Причем только за последние восемь лет она выросла втрое. Комментируя визит Фам Минь Тиня, индийская печать выделила его выступление перед индийскими предпринимателями, в котором, говоря о задаче вывести двусторонний товарооборот на уровень 20 млрд долл., вьетнамский лидер заявил о необходимости «изучить создание между двумя странами Зоны свободной торговли» [India, Vietnam should explore... 31.07.2024]

Руководители двух стран договорились также продолжать усилия по стимулированию взаимных инвестиционных потоков. Нужно иметь в виду, что пока объёмы инвестиционного сотрудничества относительно невелики. Индия находится на 25 месте среди 146 стран и территорий — держателей прямых иностранных инвестиций на вьетнамском рынке, имея здесь свыше 410 действующих инвестиционных проектов стоимостью более 1 млрд долл. [Премьер-министр Фам Минь Тинь: 31.07.2024]. Что же касается вьетнамских прямых инвестиций в Индии, то их суммарный объем с апреля 2000 г. по сентябрь 2023 г. не превысил 7,83 млн долл., и по этому показателю Вьетнам занимает лишь 94 место на индийском рынке. [India Vietnam Trade 2024]. Обозначенное в Совместном заявлении намерение наращивать сотрудничество выглядит в данном контексте тем более актуальным.

Оборона и безопасность. В Заявлении дана высокая оценка подписанного в июне 2022 г. «Совместного видения индийско-вьетнамского оборонного партнерства на период до 2030 года». В опоре на этот комплексный документ, регламентирующий такие формы кооперации, как обмены, «обучение и наращивание потенциала, учения, промышленное сотрудничество», стороны договорились и дальше укреплять оборонные связи, способствуя «стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе».

Следует иметь в виду, что за этими официальными формулировками кроется многолетняя встречная работа. Она, прежде всего, включает формирование юридической базы оборонного сотрудничества, в том числе уникальное в практике Вьетнама Соглашение (2022 г.) о взаимной логистической поддержке, предусматривающее возможность захода кораблей ВМФ в порты друг друга и их обслуживания. Кроме этого, развиваются направления, связанные с поставками

военной техники и оборудования и совместными маневрами. Последними примерами стали визиты индийских боевых кораблей в Хошимин (ноябрь 2022 г.) и Дананг (май 2023 г.), безвозмездная передача Вьетнаму индийского ракетного корвета (июнь 2023 г.). По оценке наблюдателей, именно в сфере обороны стороны показывают самые крупные примеры взаимодействия [Strangio: 31.07.2024]

В Заявлении от 1 августа 2024 г. конкретизированы важные пункты, которые в рамочном порядке были определены еще в 2016 г. и касались выделения Индией Вьетнаму специальных «оборонных» кредитных линий. Одна из них (100 млн долл.) была уже реализована, когда в июне 2022 г. Вьетнаму были переданы 12 патрульных катеров. И вот ныне главы двух правительств заявили «о приветствии подписания соглашения» о новом кредите «для оборонных закупок» — теперь в размере 300 млн долл. Кредит разделён на два транша (180 и 120 млн). Конкретные намерения его использования в официальных документах не раскрываются. Наблюдатели говорят «о возможной покупке Вьетнамом индийско-российской сверхзвуковой крылатой ракеты Brahmos и об интересе Ханоя к индийской системе зенитных ракет Akash». [Там же]

Инновации, наука, технологии, туризм, гуманитарная сфера. Эти области традиционно занимают важное место в двусторонней повестке. И на этот раз стороны подчеркнули актуальность продвижения совместных научно-технических проектов в таких областях, как цифровые, космические и биотехнологии, возобновляемые источники энергии, мирный атом. Лидеры двух стран приветствовали прогресс в «создании во Вьетнаме АСЕАН-индийской станции слежения и центра обработки данных».

В заявлении зафиксировано намерение развивать студенческие и исследовательские обмены. Внимание уделено продвижению обмена буддийскими учеными, монахами, паломниками. Сказано и об актуальности сохранения общего культурно-исторического наследия. Конкретно речь идет о предоставлении Индией технической помощи Вьетнаму (она оценивается в 2,25 млн долларов) для сохранения и реставрации объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО Мишон (провинции Куангнам).

Все это, включая увеличение традиционных туристических потоков и рост количества прямых авиарейсов (еженедельно их сейчас свыше 55), рассматривается сторонами как составные части развития общего важного направления сотрудничества —контактов между людьми.

Международное сотрудничество. Данный раздел, завершающий Заявление, служит отражением одного из приоритетных направлений взаимодействия, которое, будучи важным и самодостаточным, одновременно тесно связано с взаимной поддержкой по актуальным вопросам безопасности и защиты базовых национальных интересов. Индия солидаризируется с Ханоем в его подходах ко многим проблемам региональной политики. Вьетнам при этом твёрдо поддерживает «бо́льшую роль Индии в мировых делах», включая её кандидатуру на постоянное членство в Совете Безопасности ООН. Ханой приветствует индийские шаги по укреплению сотрудничества с АСЕАН, в том числе подписание между Индией и АСЕАН соглашения, предусматривающего «сближение» принятой в АСЕАН концепции Индо-Тихоокеанского региона (Asean Outlook on Indo-Pacific, или

AOIP) и аналогичной индийской концепции (The Indo-Pacific Oceans Initiative, или IPOI) [Rajagopalan 2020].

На фоне ряда сопровождавших визит комментариев, напоминающих о сохранении у Китая «экспансионистских претензий распространить свой суверенитет на значительную часть водного пространства ЮКМ» [Parashar 2024], показательным стал сделанный в Заявлении упор на положение, что именно правовые рамки ЮНКЛОС являются основой для определения «суверенных прав, юрисдикции и законных интересов в отношении морских зон». Оба лидера вновь призвали к «выполнению Декларации о поведении сторон» в ЮКМ и к переговорам по заключению «эффективного Кодекса поведения в Южно-Китайском море в соответствии с ЮНКЛОС», подчеркнули важность «отказа от милитаризации региона».

В данном контексте международные наблюдатели обратили также внимание на то, что незадолго до визита лидера СРВ в Дели Индия присоединилась к позиции группировки Quad, которая в своём недавнем заявлении напомнила об отказе в 2016 г. Международного арбитражного суда признать правоту КНР в островном территориальном споре с Филиппинами, причем на этой основе «четвёрка» призвала сделать этот прецедент основой в разрешении подобного рода споров.

Заключение

Переговоры глав правительств Индии и Вьетнама в июле—августе 2024 г. продемонстрировали настроенность двух государств на дальнейшее развитие отношений всеобъемлющего стратегического партнерства.

Вьетнам, для которого Индия (вслед за КНР и РФ) стала в 2016 г. третьей страной с таким статусом партнерства, намерен за счёт тесных связей с крупным игроком продолжить диверсифицированный международный курс, нацеленный на обеспечение максимально прочных региональных позиций. Неслучайно, что за последние годы соглашения о всеобъемлющем стратегическом партнерстве Ханой заключил еще с четырьмя значимыми странами (Южная Корея, США, Япония, Австралия).

Индия укрепляет отношения с Вьетнамом как с опорой своей выдвинутой еще в 1990-е годы «активной политики в Восточной Азии» (Look East, Act East). Нью-Дели рассчитывает, в том числе, и на содействие Ханоя в укреплении связей Индии с системообразующей в ЮВА организацией АСЕАН.

Отношения Вьетнама и Индии развиваются в различных областях, включая политическую, экономическую, культурно-гуманитарную сферы. Особенно заметно взаимодействие в области безопасности. Сближающим элементом служат сходные озабоченности, связанные с политикой Китая, с которым у обеих стран есть территориальные споры.

Сколько-нибудь серьезных проблем, способных осложнить текущую повестку связей Индии и Вьетнама, исторически не имевших политических разногласий, не просматривается. Это не означает, что отношения совсем лишены «узких мест». Таковые проявляются, например, в упомянутой несбалансированности

взаимных инвестиций. Есть двусторонние нюансы, проистекающие из отношений Индии и Вьетнама с третьими странами и структурами. Здесь иллюстрацией служит, в частности, участие Индии в группировке Quad, к которой Вьетнам относится с осторожностью.

Успешный диалог Ханоя и Нью-Дели в целом отвечает и российским интересам, поскольку речь идет о продуктивном взаимодействии двух стратегических партнеров РФ. Однако усилившееся в последние годы параллельное сближение и Вьетнама, и Индии с США рождает для РФ известные озабоченности и диктует задачу мониторинга ситуации.

Список литературы

Вьетнам—Индия: близкие друзья, надежные партнеры // Нян Зан. 31.07.2024. URL: https://special.nhandan.vn/Viet-Nam-An-Do-ban-be-gan-gui-doi-tac-tin-cay/index.html

Премьер-министр Фам Минь Тинь: 5 фундаментальных элементов успешного сотрудничества между Вьетнамом и Индией. 31.07.2024. URL: https://www.vietnam.vn/ru/thu-tuong-pham-minh-chinh-5-yeu-to-nen-tang-de-doanh-nghiep-viet-nam-an-do-hop-tac-thanh-cong/

Уянаев С.В. Индия—Вьетнам: 50 лет по пути взаимодействия // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 13—22. DOI: https://doi.org/10.54631/VS.2022.64-117515

Федоров Н.В., Гарин А.А. Оборонное и экономическое сотрудничество Индии и Вьетнама в увязке с проблематикой Южно-Китайского моря // Вьетнамские исследования. 2023. Т. 7. № 1. С. 5—16. DOI: https://doi.org/10.54631/VS.2023.71-111035

Export Import Data Bank. Country — wise / Department of Commerce, Government of India, August 2024. URL: https://tradestat.commerce.gov.in/eidb/iecnt.asp

India, Vietnam should explore possibility of free trade pact: Vietnamese PM Chinh. // Times of India. Jul 31, 2024. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-vietnam-should-explore-possibility-of-free-trade-pact-vietnamese-pm-chinh/articleshow/112164097.cms

India Vietnam Trade. April 2024. URL: https://www.ibef.org/indian-exports/india-vietnam-trade

Iqbal B.A., Yadav A., Phan Quoc Nguyen. India — Vietnam Bilateral Trade and Investment Relations: An Empirical Analysis // The Russian Journal of Vietnamese Studies. 2024. Vol. 8. No 2. 37—54. DOI: https://doi.org/10.54631/VS.2024.82-634105

Joint statement on strengthening of the comprehensive strategic partnership between the Socialist Republic of Viet Nam and the Republic of India. URL: https://vufo.org.vn/Vietnam-India-issue-joint-statement-14-58111.html?lang=en

List of India-Viet Nam Agreements/MoUs/Announcements. URL: https://vufo.org.vn/Vietnam-India-issue-joint-statement-14-58111.html?lang=en

Parashar S. As South China Sea simmers, Modi tells Vietnam India not expansionist // The Times of India. Aug 2, 2024. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/india/as-south-china-sea-simmers-modi-tells-vietnam-india-not-expansionist/articleshow/112205435.cms

Rajagopalan *R.P.* India — Vietnam Relations: Strong and Getting Stronger // The Diplomat. August 28, 2020. URL: https://thediplomat.com/2020/08/india-vietnam-relations-strong-and-getting-stronger/

Strangio *S.* Vietnamese Prime Minister Arrives in India For Three-day Visit // The Diplomat. July 31, 2024. URL: https://thediplomat.com/2024/07/vietnamese-prime-minister-arrives-in-india-for-three-day-visit/

Reference

Export Import Data Bank. Country — wise. August 2024. Commerce Departmrnt of India government. URL: https://tradestat.commerce.gov.in/eidb/iecnt.asp

Fedorov, N.V., Garin, A.A. (2023) Defense and economic cooperation of India and Vietnam in link with problems of the South China Sea. *The Russian Journal of Vietnamese studies*, 7 (1): 5—16. DOI: https://doi.org/10.54631/VS.2023.71-111035. (In Russian)

India Vietnam Trade. April 2024. URL: https://www.ibef.org/indian-exports/india-vietnam-trade

India, Vietnam should explore possibility of free trade pact: Vietnamese PM Chinh (2024). *Times of India,* Jul 31. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-vietnam-should-explore-possibility-of-free-trade-pact-vietnamese-pm-chinh/articleshow/112164097.cms

Iqbal, B.A., Yadav, A., Phan Quoc Nguyen (2024). India-Vietnam Bilateral Trade and Investment Relations: An Empirical Analysis. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (2): 37—54. DOI: https://doi.org/10.54631/VS.2024.82-634105

Joint statement on strengthening of the comprehensive strategic partnership between the Socialist Republic of Viet Nam and the Republic of India. URL: https://vufo.org.vn/Vietnam-India-issue-joint-statement-14-58111.html?lang=en

List of India-Viet Nam Agreements/MoUs/Announcements. URL: https://vufo.org.vn/Vietnam-India-issue-joint-statement-14-58111.html?lang=en

Parashar, S. (2024) As South China Sea simmers, Modi tells Vietnam India not expansionist. *The Times of India*, Aug 2. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/india/as-south-china-sea-simmers-modi-tells-vietnam-india-not-expansionist/articleshow/112205435.cms

Strangio, S. (2024) Vietnamese Prime Minister Arrives in India For Three-day Visit. *The Diplomat*, July 31. URL: https://thediplomat.com/2024/07/vietnamese-prime-minister-arrives-in-india-for-three-day-visit/

Premier-ministr Fam Min` Chin`: 5 fundamental`nyh elementov uspeshnogo sotrudnichestva mezhdu Vietnamom i Indiej [Prime Minister Pham Minh Chinh: 5 fundamental elements of successful cooperation between Vietnam and India]. 31.07.2024. URL: https://www.vietnam.vn/ru/thu-tuong-pham-minh-chinh-5-yeu-to-nen-tang-de-doanh-nghiep-viet-nam-an-do-hop-tac-thanh-cong/ (In Russian)

Rajagopalan, R.P. (2020) India-Vietnam Relations: Strong and Getting Stronger. *The Diplomat*, August 28. URL: https://thediplomat.com/2020/08/india-vietnam-relations-strong-and-getting-stronger/

Uyanaev, S.V. (2022) India — Vietnam: fifty years on the path of interaction. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 6 (4): 13—22. DOI: https://doi.org/10.54631/VS.2022.64-117515. (In Russian)

Vietnam — India: blizkie druzya, nadezhnye partnery [Vietnam — India: close friends, reliable partners] (2024). *Nhan Dan*, 31.07. URL: https://special.nhandan.vn/Viet-Nam-An-Do-ban-be-gan-gui-doi-tac-tin-cay/index.html (In Russian)

Дата поступления статьи: 02.09.2024
Принята к печати: 10.09.2024

Received: September 2, 2024
Accepted: September 10, 2024

КНИЖНАЯ ПОЛКА

DOI: 10.54631/VS.2024.83-636621

М.Ю. Ульянов, Е.В. Курохтина

Уникальный труд о средневековой истории Вьетнама

Поляков А.Б. Возрождение средневекового Вьетнама (X — начало XV в.). М.: Наука — Восточная литература, 2024. 325 с. ISBN 978-5-02-040596-7

Аннотация. В рецензии рассматривается книга отечественного вьетнамиста-медиевиста Алексея Борисовича Полякова (1949—2020), посвящённая истории Вьетнама X — начала XV в. Монография стала результатом исследований, которыми её автор занимался всю свою жизнь. В ней подробно описаны процесс создания вьетнамского государства после эпохи вхождения в состав китайских государств, период раздробленности, правление независимых династий, войны с монголами. Данная книга очерчивает рубеж в развитии российской вьетнамоведческой исторической школы, связанной с именем научного руководителя Алексея Борисовича — Деги Витальевича Деопика.

Ключевые слова: Вьетнам, история Вьетнама, средневековая история, Дайвьет, вьетнамоведение.

Авторы: Ульянов Марк Юрьевич, к. и. н., с. н. с., Отдел литератур стран Азии и Африки, Институт мировой литературы им. М.А. Горького РАН. ORCID: 0000-0002-9544-1671. E-mail: ulm@mail.ru
Курохтина Елена Витальевна, к. культур., преподаватель, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0003-3922-7686. E-mail: hanviet@mail.ru

Для цитирования: *Ульянов М.Ю., Курохтина Е.В.* Уникальный труд о средневековой истории Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 3. С. 125—131.

M.Yu. Ulyanov, E.V. Kurokhtina

Extraordinary Title on Vietnam's Medieval History

Polyakov, A.B. The Revival of Medieval Vietnam (from the 10th to the Beginning of the 15th Century). Moscow: Science — Eastern Literature, 2024. 325 p. ISBN 978-5-02-040596-7

Abstract. The review examines the book by the Russian medievalist Alexey Borisovich Polyakov (1949—2020), dedicated to the history of Vietnam from the 10th to the beginning of the 15th century. The monograph is the result of research that its author conducted throughout his life: it describes in detail the process of founding the Vietnamese state after the era of inclusion in Chinese empires and states, the period of disunity, the rule of independent dynasties, and wars with the Mongols. This book outlines a milestone in the development of the Russian Vietnamese historical school associated with the name of Polyakov's mentor and research advisor Dega V. Deopik.

Keywords: Vietnam, history of Vietnam, medieval history, Đại Việt, Vietnamese studies.

Authors: Ulyanov, Mark Yu., Ph.D. (History), Senior Researcher, Department of Literatures of Asian and African Countries,Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-9544-1671. E-mail: ulm@mail.ru

Kurokhtina, Elena V., Ph.D. (Cultural Studies), Lecturer, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0003-3922-7686. E-mail: hanviet@mail.ru

For citation: Ulyanov, M.Yu., Kurokhtina, E.V. (2024) Extraordinary Title on Vietnam's Medieval History. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (3): 125—131.

В 2024 г. произошло важное для отечественного востоковедения событие — в издательстве «Восточная литература» («Наука») вышла книга вьетнамиста-медиевиста Алексея Борисовича Полякова (1949—2020), посвящённая истории Вьетнама X — начала XV в.

Это событие особенно значимо для отечественной вьетнамистики, поскольку исследования традиционной вьетнамской истории не публиковались в России уже довольно долго. Более того, впервые издана монография, содержащая столь подробное описание средневековой истории Дайвьета, начиная со времени создания национального государства. Монография стала результатом исследований, которые А.Б. Поляков вел всю свою жизнь. В ней подробно описаны процесс создания вьетнамского государства после эпохи вхождения вьетских земель в состав китайских государств (I—X вв.), а также периоды раздробленности, правление независимых династий, войны с монголами.

Реалии и события реконструируются автором книги с опорой на средневековые исторические источники, написанные на классическом китайском языке (его вьетнамском варианте — *ханвьете*). В первую очередь, это хроника «Краткая история Вьета» (*Вьет шы лыок*), переведённая и прокомментированная А.Б. Поляковым в рамках его кандидатской диссертации и затем изданная в серии «Па-

мятники письменности Востока» издательства «Наука» в 1980 г. [Краткая история Вьета 1980].

Благодаря хорошей исторической и страноведческой подготовке, знанию языков, большой любознательности А.Б. Поляков смог добиться сначала внимания, а затем и признания со стороны вьетнамских ученых. В работе над данной книгой ему удалось создать завершённый научный труд, сделав ряд значимых открытий и обобщений. В сокращённом варианте данная книга вышла на вьетнамском языке в 1996 г. [Pôliacốp 1996] и была переиздана в 2023 г. [Pôliacốp 2023]. Многие её разделы были включены в шеститомную «Историю Вьетнама» [Полная академическая история... 2014]. И вот в 2024 г., уже после преждевременной кончины А.Б. Полякова, его монография в полном объёме была опубликована на русском языке в авторском варианте и с авторским названием. А.Б. Полякову удалось избежать сухости и лишнего наукообразия в изложении исторических событий. Монография написана живым, почти художественным языком, поэтому, безусловно, привлечёт внимание читателя.

Книга снабжена целым рядом научных предисловий. Первое из них — обращение к читателю и благодарности коллегам, которые способствовали изданию книги, от вдовы автора Марины Николаевны Поляковой (с. 3—4). Она поддерживала мужа в его исследованиях, а после его смерти приложила все усилия к тому, чтобы книга увидела свет.

Далее следует «Слово о друге», написанное А.Л. Федориным (с. 5—10), в котором он поделился воспоминаниями о Полякове, о его таланте и энтузиазме в изучении вьетнамской истории. Оно, на наш взгляд, может быть названо образцовым, поскольку совмещает научную объективность по отношению к А.Б. Полякову как к учёному, с которым А.Л. Федорин часто расходился во взглядах, с искренней горечью утраты одного из немногих близких друзей.

После небольшой биографической справки об А.Б. Полякове (с. 11—12) от редколлегии журнала «Вьетнамские исследования» и перевода с вьетнамского языка введения к изданию 1996 г. от издательства «Госполитиздат СРВ» и Института военной истории Вьетнама (с. 13—14) следует вступительное слово редакторов М.Ю. Ульянова и Е.В. Гордиенко (с. 15—21), в котором подчёркивается уникальная роль научного руководителя А.Б. Полякова — Деги Витальевича Деопика (род. 1932) — в изучении истории и культуры Вьетнама и в подготовке востоковедческих кадров. Авторы обратили внимание на то, что в труде Полякова проявилось сочетание лучших традиций советской и вьетнамской исторических школ. Отвечая на вопрос, как Алексею Борисовичу удалось добиться признания своей работы вьетнамскими историками, они пишут: «В своих работах А.Б. Поляков отвечает на вопросы, волнующие современное вьетнамское общество, и в частности вьетнамских ученых, — о роли средневековой истории в становлении вьетнамской нации и культуры, значении военной истории в формировании независимого государства, уникальности исторического пути вьетнамцев и самобытности вьетнамского наследия. При этом ему, досконально понимавшему менталитет вьетнамцев, удалось “вжиться в роль” автора-вьетнамца, писавшего понятно и доступно об истоках государственности и славной истории своего народа» (с. 16).

Большого внимания заслуживает вводная статья известного японского вьетнамоведа профессора Момоки Сиро (с. 22—32). Он описывает мировой контекст изучения вьетнамского Средневековья и подчёркивает значимость научных подходов и открытий Полякова, не теряющих актуальности с течением времени. Также в память о дружбе с А.Б. Поляковым несколько проникновенных слов о книге написала историк Ханойского университета Фан Фыонг Тхао, дочь одного из крупнейших вьетнамских историков Фан Хюи Ле (с. 33—34).

Текст А.Б. Полякова открывается Введением, в котором автор даёт общую характеристику периода, а также очерчивает круг источников и исследовательские работы, посвящённые X—XV вв.

В Главе I исследуется вопрос освобождения вьетнамцев от так называемой северной зависимости (китайского административного контроля) (с. 54—59) и появления первых независимых от Китая местных династий: Нго (939—965), Динь (968—980) и Ранние Ле (980—1009). Описывая становление вьетнамского государства, А.Б. Поляков обращался и к археологическим данным, в результате чего доказал, что общепринятого во вьетнамской науке названия государства Дайковьет в X—XI вв. не существовало. Государство носило название Дайвьет (с. 71—73).

Глава II посвящена династии Поздние Ли, которую А.Б. Поляков, основываясь на материале летописей, делит на Первых и Вторых (рубежом выступает кризис смены власти, случившийся в 1127 г.) (с. 136—140). Он описывает происхождение основателя династии Ли Конг Уана (с. 82—84), перенос столицы в новое место — Тханглонг (с. 88—89), участие буддийской сангхи в политической жизни страны и многое другое. Особое внимание в главе уделяется конфуцианству, распространение которого в Дайвьете эпохи Ли ставит под сомнение в пользу более поздних датировок (с. 127—133).

Глава III посвящена династии Чан и войнам с монголами во второй половине XIII в., в которых победу одержал Дайвьет. Автор касается проблемы прихода к власти династии Чан, а также вопроса отсутствия тронного имени основателя династии Тхай То (с. 155—164). Подробно описаны военные кампании китайской-монгольских войск империи Юань в 1258 (с. 170—172), 1285 (с. 177—189) и 1287—1288 гг. (с. 188—195). Оцениваются последствия войн, социально-политическое развитие Дайвьета после нашествий, отношения с южным соседом Чампой, а также обстоятельства прихода к власти новой династии Хо в главе с Хо Кюи Ли (1400—1407) и результаты его правления (с. 223—224).

Отдельная глава посвящена вопросам социально-экономической истории Дайвьета. Автор приводит подробные сведения о формах земельной собственности того времени, структуре вьетнамского общества, развитии торговли, морских портов, ремесел и т. п. Эти сведения являются результатом длительной работы по обобщению рассеянных по летописям данных. В частности, А.Б. Поляков описывает все категории рабов (с. 246—248) и форм земельных владений (с. 252—257), иногда — контексты употребления названий этих категорий и встречающиеся случаи нестыковок вьетнамских наименований с китайскими.

Отметим, что повествование (особенно в последней главе) отличает специфический подход к изучению исторических процессов: внимание к классовому

неравенству и эксплуатации общинников, рассмотрение земельной собственности как основного средства производства, исследование социальных процессов, происходивших в Дайвьете и т. п. Это связано с тем, что А.Б. Поляков опирался на теоретические основы исторических исследований советского времени. Кроме того, исторический материализм до сих пор доминирует во вьетнамской исторической науке. В то же время этот подход не влияет на изложение истории Дайвьета и на выводы, к которым приходит автор. Ведь книга посвящена описанию культуры и истории Дайвьета, а не теоретическим вопросам исторических исследований.

Важная особенность книги — описание войн с Китаем как национально-освободительной борьбы. Этот взгляд актуален по сей день во вьетнамских работах. В современной российской науке акценты расставляются уже иначе: речь идет о соседстве стран Юго-Восточной Азии с китайской и индийской цивилизациями. Это соседство принесло не только войны, но и всестороннее влияние (торговые контакты, культурное влияние, заимствование моделей конструирования государства и его институтов и т. п.).

Материал, изложенный Поляковым, увлекает читателя сюжетами из вьетнамской истории. В книге он обращается и к студентам, надеясь на то, что рассказ о вьетнамском прошлом поспособствует появлению нового поколения вьетнамоведов-историков.

* * *

Выход рецензируемой книги даёт повод задуматься о судьбе изучения истории Вьетнама традиционного периода в московском востоковедении.

А.Б. Поляков — ученик историка и археолога Д.В. Деопика, с чьим именем связано изучение истории Вьетнама в Институте стран Азии и Африки (ИСАА), ранее Институт восточных языков (ИВЯ) при МГУ им. М.В. Ломоносова. Созданное Д.В. Деопиком направление оформилось к 80-м годам XX в. более чем благополучно во многом благодаря созданию Вьетнамоведческого центра ИСАА, пережило сложные 1990-е годы и угасло в течение 2000-х годов с распадом этого центра. В лучшие годы это научное направление также формировали вьетнамисты А.Л. Рябинин, А.В. Никитин, К.Ю. Леонов и В.И. Антощенко, с ними сотрудничали многие московские вьетнамисты других специальностей: этнографы, лингвисты, литературоведы. Самобытная и мощная фигура ещё одного известного в прошлом студента Деопика П.В. Познера стояла несколько в стороне, но и о нём нельзя не упомянуть, поскольку именно он стал инициатором издания и научным редактором уже упомянутой «Полной академической истории Вьетнама» в шести томах.

Один из феноменов созданного Д.В. Деопиком научного направления заключается в том, что два его ученика, которые добились наибольших успехов в изучении истории традиционного Вьетнама — А.Б. Поляков и А.Л. Федорин — после завершения учёбы не остались в академической сфере, а находились на практической работе во Вьетнаме. А.Л. Федорин, переводчик самого крупного летописного свода «Полное собрание исторических записок Дайвьета» (*Дайвьет шы ки тоан тхи*), уже в зрелом возрасте вернулся в академическую среду, воз-

главлял Институт практического востоковедения, получил степень доктора исторических наук. В то же время А.Б. Поляков оставался всю жизнь госслужащим во внешнеполитическом ведомстве и смежных с ним структурах, проживая преимущественно во Вьетнаме. Он прекрасно знал вьетнамский язык и глубоко понимал культуру Вьетнама, но никогда не работал в академических структурах.

Феномен, собственно, в том, что при этом оба они всё время поддерживали тесный контакт с научным руководителем, а значит, с российской академической средой. А во Вьетнаме — с вьетнамскими и зарубежными коллегами. Особенно преуспел в этом А.Б. Поляков, о чём свидетельствуют предисловия к книге и список его публикаций, в том числе и монографий, на вьетнамском языке.

Естественно, что знание *ханвьета* было необходимым условием для всех, кто хотел исследовать древность и средневековую историю Вьетнама под руководством Д.В. Деопика. Понимание оригинального текста источников открывало его ученикам путь к их текстологическому анализу, давало возможность самостоятельной интерпретации исторического материала на высоком научном уровне. Учителями вьетнамистов в разные годы были китаисты М.В. Крюков (с ним занимался А.Б. Поляков, он же был научным редактором его перевода хроники *Вьет шы лыок*) и А.М. Карапетьянц. В нескольких группах вьетнамоведов преподавал и автор этой рецензии, в первой из них обучался представитель молодого поколения вьетнамистов-историков М.А. Сюннерберг, а во второй — редактор вышедшей книги Е.В. Гордиенко. *Ханвьет* позволяет изучать вьетнамскую иероглифическую письменность *тьы-ном*, а главное вводит их в пространство традиционной письменной культуры не только Вьетнама, но и Китая — важнейшего источника цивилизационного опыта. Поэтому наличие *ханвьета* в образовании вьетнамистов является признаком их академической подготовки.

Не будет преувеличением сказать, что рассматриваемая книга знаменует собой очевидный рубеж в истории вьетнамоведческого направления, созданного Д.В. Деопиком. Будет ли у него продолжение — покажет время. Для этого должна быть надежная академическая институциональная база (востоковедный вуз, хотя бы факультет, на крайний случай — специализированная кафедра) и критическая масса специалистов по классическому китайскому языку, различным периодам истории и культуры Вьетнама. Насколько нам известно, число ученых, занимающихся Вьетнамом в ИСАА МГУ, ко времени издания книги сократилось до своего исторического минимума. Во время подготовки книги А.Б. Полякова к изданию ушла из жизни О.В. Новакова (1939—2023), выступившая инициатором её редактирования и публикации. Сохранится ли в МГУ центр подготовки вьетнамистов-историков, возродится ли он на базе какой-либо иной академической институции — мы пока судить не беремся.

Данное обстоятельство подчёркивает исключительную значимость труда А.Б. Полякова и уникальность подготовленной им монографии. Бесспорно, эта монография может послужить опорой для будущих историков-вьетнамистов. Она может быть поставлена в один ряд с хроникой *Вьет шы лыок*, переведённой А.Б. Поляковым, и летописным сводом *Дайвьет шы ки тоан тхы* в переводе А.Л. Федорина [Полное собрание... 2002—2022], а также с двухтомной «Историей Вьетнама», первый том которой написан Д.В. Деопиком [Деопик 1994], а вто-

рой — О.В. Новаковой и П.Ю. Цветовым [Новакова, Цветов 1995]. Ну а если изучение традиционной истории Вьетнама как научное направление будет утрачено, то книга А.Б. Полякова станет блестящим напоминанием об одном из ярких направлений востоковедения и о судьбе одного из его выдающихся представителей.

Список литературы

Деопик Д.В. История Вьетнама. Ч. 1. Учебник / Институт практического востоковедения. М.: Изд-во МГУ, 1994.

Краткая история Вьета (Вьет шы лыок) / пер. с вэньяня, вступ. ст., коммент. А.Б. Полякова. М.: Наука — ГРВЛ, 1980.

Новакова О.В., Цветов П.Ю. История Вьетнама. Ч. 2. Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1995.

Полная академическая история Вьетнама: в 6 т. / отв. ред. П.В. Познер. М.: Президиум РАН, 2014.

Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы): в 8 т. / рук. проекта Д.В. Деопик. М.: Вост. лит., 2002—2022.

Pôliacốp A.B. Sự phục hưng của nước Đại Việt thế kỷ X—XIV [*Поляков А.Б.* Возрождение государства Дайвьет в X—XIV вв.]. Hà Nội: Nxb. Dân trí, 2023.

Pôliacốp A.B. Sự phục hưng của nước Đại Việt thế kỷ X—XIV / Viện lịch sử quân sự Việt Nam [*Поляков А.Б.* Возрождение государства Дайвьет в X—XIV вв. / Институт военной истории Вьетнама]. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia, 1996.

References

Deopik, D.V. (1994) *Istoriya Vietnama. Ch. 1.* Uchebnik. Institut prakticheskogo vostokovedeniya [History of Vietnam. Part 1. Textbook. Institute of Practical Oriental Studies]. M.: Izd-vo MGU. (In Russian)

Kratkaya istoriya Vieta (Viet shy lyok) (1980). Per. s ven'yanya, vstup. st., komment. A.B. Polyakova [A brief history of Viet (Việt sử lược). Trans. from Classical Chinese, introduction and commentary by A.B. Polyakov]. M.: Nauka — GRVL.

Novakova, O.V., Cvetov, P.Yu. (1995) *Istoriya Vietnama*. Ch. 2. Uchebnik [Novakova, O.V., Tsvetov, P.Yu. *History of Vietnam*. Part 2. Textbook]. M.: Izd-vo MGU.

Pôliacốp, A.B. (1996) *Sự phục hưng của nước Đại Việt thế kỷ X-XIV*. Viện lịch sử quân sự Việt Nam [Polyakov, A.B. *Revival of Đại Việt in the X—XIV centuries*. Institute of Military History of Vietnam]. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia.

Pôliacốp, A.B. (2023) *Sự phục hưng của nước Đại Việt thế kỷ X-XIV* [Polyakov, A.B. *Revival of Đại Việt in the X—XIV centuries*]. Hà Nội: Nxb. Dân trí.

Polnaya akademicheskaya istoriya Vietnama: v 6 t. Otv. red. P.V. Pozner [Complete academic history of Vietnam: in 6 volumes. Ed. P.V. Pozner] (2014). M.: Prezidium RAN.

Polnoe sobranie istoricheskih zapisok Dajvieta (Dajviet shy ki toan thy): v 8 t. Ruk. proekta D.V. Deopik [Complete Annals of Dai Viet (Dai Viet su ki toan thu): in 8 volumes. Project director D.V. Deopik] (2002—2022). M.: Vostochnaya literatura.

Научное издание

ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2024. Т. 8. № 3

Выпускающий редактор: Никулина Е.В.
Редактор: Мальцева О.И.
Дата публикации: 07.10.2024

Контакты:
Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИКСА РАН
E-mail: vietnamjournal@yandex.ru
Тел.: (499) 124 08 33

Уважаемые читатели!
Электронные версии книг, издаваемых ИКСА РАН,
размещаются в электронной библиотеке со свободным доступом
на сайте: http://www.iccaras.ru